ВЕСТНИК ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2308-8117

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

3 (22) 2018

Выходит 4 раза в год

Учредитель: АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург)

Адрес редакции: 620041, г. Екатеринбург, ул. Железнодорожников, д. 3, к. 207.
E-mail: ektbriogu@mail.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзоре). Свидетельство ПИ № ФС77-62469 от 27 июля 2015 г.

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Главный редактор
д-р филос. наук, проф. Л. А. Закс

Редакционная коллегия
д-р филос. наук, проф. Л. А. Мясникова
(заместитель главного редактора)
д-р юрид. наук, профессор С. И. Архипов
канд. филос. наук, доцент С. Д. Балмаева
д-р филол. наук, проф. И. Н. Борисова
д-р филос. наук, доцент Г. А. Брандт
д-р полит. наук, доцент С. И. Глушкова
канд. филос. наук, доцент А. В. Дроздова
канд. техн. наук, доцент А. А. Мецгер
д-р экон. наук, доцент С. А. Мицек
д-р экон. наук, доцент Е. Б. Мицек
д-р юрид. наук, профессор З. А. Незнамова
канд. социол. наук С. А. Рамзина
канд. пед. наук Л. В. Росновская
д-р юрид. наук А. П. Семитко
д-р юрид. наук, проф. М. Н. Семякин
д-р экон. наук, доцент Н. В. Хмелькова
д-р пед. наук, доцент Г. А. Ямалетдинова

Редакционный совет
д-р ист. наук, проф., академик РАН В. В. Алексеев
проф. Ив Аман (Франция)
канд. филос. наук, доцент Г. В. Болдыгин
канд. филос. наук, доцент Г. Э. Бурбулис (Москва)
д-р филос. наук, проф. Г. Е. Зборовский
Э. Киселева–Кастельс, Ph. D (Испания)
проф. Ма Цзяньшэ (Гуаньчжоу, КНР)
д-р экон. наук В. И. Маршев (Москва)
д-р политологии Ж.-Р. Равьо (Франция)
д-р юрид. наук, проф., член-корреспондент РАН В. Н. Руденко
д-р филос. наук, проф. А. М. Руткевич (Москва)
д-р юрид. наук, проф. С. А. Степанов
д-р физ.-мат. наук А. М. Тарасьев

THE REVIEW OF THE LIBERAL ARTS UNIVERSITY

SCIENTIFIC JOURNAL

3 (22) 2018

ISSN 2308-8117 (Vestnik Gumanitarnogo universiteta)

Frequency: 4 times a year

Publisher: Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)

Editorial address: 620041, Ekaterinburg,
3, Zheleznodorozhnikov st., office 207
E-mail: ektbriogu@mail.ru

Editor-in-Chief
Doctor of Philosophical Sciences, Prof. L. A. Zaks

The editorial board:
Doctor of Philosophical Sciences, Prof. L. A. Myasnikova
(Deputy Editor-in-Chief)
Doctor of Law S. I. Arkhipov
Candidate of Philosophical Sciences, Associate Prof. S. D. Balmayeva
Doctor of Philological Sciences, Prof. I. N. Borisova
Doctor of Philosophical Sciences, Associate Prof. G. A. Brandt
Doctor of Political Sciences, Associate Prof. S. I. Glushkova
Candidate of Philosophical Sciences, Associate Prof. A. V. Drozdova
Candidate of Engineering, Associate Prof. A. A. Metzger
Doctor of Economic Sciences, Associate Prof. S. A. Mitsek
Doctor of Economic Sciences, Associate Prof. E. B. Mitsek
Doctor of Law Sciences Z. A. Neznamova
Candidate of Sociological Sciences S. A. Ramzina
Candidate of Pedagogical Sciences L. V. Rosnovskaya
Doctor of Legal Sciences A. P. Semitko
Doctor of Legal Sciences, Prof. M. N. Semyakin
Doctor of Economic Sciences, Associate Prof. N. V. Khmelkova
Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Prof. G. A. Yamaletdinova

The editorial Council
Doctor of Historical Sciences, Prof., Member of the Russian Academy of Sciences
V. V. Alekseev
Prof. Ives Hamant (France)
Candidate of Philosophical Sciences, Associate Prof. G. V. Boldygin
Candidate of Philosophical Sciences, Associate Prof. G. E. Burbulis (Moscow)
Doctor of Philosophical Sciences, Prof. G. Y. Zborovskiy
E. Kiseleva–Castells, Ph. D (Spain)
Prof. Ma Jianshe (Guangzhou, China)
Doctor of Economics V. I. Marshev (Moscow)
Doctor of Political Science J.-R. Ravier (France)
Doctor of Legal Sciences, Prof., Member of the Russian Academy of Sciences
V. N. Rudenko
Doctor of Philosophical Sciences, Prof. A. M. Rutkevich (Moscow)
Doctor of Law, Prof. S. A. Stepanov
Doctor of Physical and Mathematical Sciences A. M. Taras'ev

Содержание

Экономика …..……5
Мецгер А. А.
Вопросы корпоративного управления в Основных направлениях развития
финансового рынка РФ на период 2019–2021 годов ……....6
Карпова О. В., Шориков А. Ф.
Экономико-математическое моделирование оптимизации управления
бизнес-процессами предприятия ……17
Мокеева Н. Н., Лыкова Е. А., Солодкая А. М.
Направления реформирования банковской системы Российской Федерации ……24
Тарасьев А. А.
Моделирование и оценка влияния потоков внешней трудовой миграции
на экономику принимающих субъектов ……33

Юриспруденция …..……45
Леруа К.
Глобализованная свободная конкуренция:
Очерк о взаимосвязи между правом свободной торговли и правом конкуренции …….46
Султанов А. Р.
Исполнение Постановления Конституционного Суда РФ –
зеркало справедливости судебной системы ……73
Глушкова С. И.
Политико-правовое наследие Б. А. Кистяковского:
основные идеи и подходы (к 150-летию известного правоведа) ……..82
Солопова Н. С.
Некоторые проблемы перехода произведения в общественное достояние …….89

Философия …..……..95
Болдыгин Г. В.
И. Кант о совместимости знания и веры ……96
Батюта Е. А., Белоусова Е. В.
«Наша лучшая надежда»: роль Теодора Райка
в становлении прикладного психоанализа и психоанализа культуры …….....112
Уймина Ю. А.
Западноевропейские философско-религиозные концепции
в учении Ошо Раджниша ……119
Суворов Д. В.
Становление советской цивилизационной модели в свете проблемы модернизации …..124
Неуймина И. В., Поршнева О. С.
Толерантность как качество личности и ее роль в реализации задач event-сервиса ……135
Антонова И. А.
Хендмейд как поиск гармонии в эпоху постмодернизма ……142

Научные события …..……147
Огоновская И. С., Глушкова С. И.
Размышления о Гражданской войне, проблемах мира и согласия
в современном российском обществе (по итогам конференции) ……...148

**Требования к оформлению и порядку представления статей
в журнал «Вестник Гуманитарного университета»** …..……153

Contents

Economics ……...5
Metzger A. A.
Issues of Corporate Management in the Main Directions of Development
of the Financial Market of the Russian Federation for the Period 2019–2021 ……...6
Karpova O. V., Shorikov A. F.
Economic and Mathematical Model of Optimization of Management
of Business-processes on the Enterprises ……..17
Mokeeva N. N., Lykova E. A., Solodkaya A. M.
The Direction of Reform the Banking System of the Russian Federation ……24
Tarasyev A. A.
Modeling and Evaluation of External Labor Migration Flows Influence
on the Economy of Host Subjects ……33

Law ……45
Leroy C.
The Globalized Free Competition: Essay about Interrelation between the Right
of Free Trade and the Right of the Competition ……46
Sultanov A. R.
Execution of the Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation –
a Mirror of Justice of the Judicial System ……73
Glushkova S. I.
Political and Legal Heritage of B. A. Kistyakovsky:
Governing Ideas and Flagship Approaches (to the 150 Anniversary of the Famous Jurist) …..82
Solopova N. S.
The Theoretical Conceptualization of Problems Arising when a Work Becomes Public ……89

Philosophy ……95
Boldygin G. V.
I. Kant on Coexistence of Knowledge and Belief ……96
Batyuta E. A., Belousova E. V.
«Our Best Hope»: the Theodor Reik's Role in Developing
the Applied Psychoanalysis and the Psychoanalysis of Culture ……112
Uimina J. A.
Western European Philosophical and Religious Conceptions in Osho Rajneesh Teaching ….119
Suvorov D. V.
The Establishment of the Soviet Model of Civilization in the Light
of the Problems of Modernization ……...124
Neuimina I. V., Porshneva O. S.
Tolerance as a Quality of Personality and Its Role
in the Implementation of Task Event ……...135
Antonova I. A.
Hand-Made as a Search for Harmony in the Postmodern Era ……142

Scientific Events ……147
Ogonovskaya I. S., Glushkova S. I.
Contemplations on the Civil War, Problems of Peace and Consensus
in the Modern Russian Society (the Follow-up to the Conference) ……148

Submission Requirements for «LAU Vestnik» authors ……153

ЭКОНОМИКА

УДК 336
JEL: G11, G23, G34

А. А. Мецгер*

Вопросы корпоративного управления в «Основных направлениях развития финансового рынка РФ на период 2019–2021 годов»

Рассматриваются основные направления развития финансового рынка РФ, разработанные Банком России на период 2019–2021 годов, с точки зрения вопросов корпоративного управления. Развитие корпоративного управления оценивается как один из элементов формирования взаимного доверия участников рынка. Высказывается гипотеза о целесообразности рассмотрения корпоративного управления не только в рамках классических акционерных компаний, но и для других форм аккумулирования средств участников рынка (коммерческие банки, страховые компании, инвестиционные фонды). Отмечено особое значение формирования эффективных моделей корпоративного управления для индустрии инвестиционных фондов.

Ключевые слова: финансовый рынок; корпоративное управление; модель корпоративного управления; финансовые посредники; коммерческие банки; страховые компании; инвестиционные фонды; управляющие компании; инвесторы; квалифицированные инвесторы; неквалифицированные инвесторы; агентская проблема; трансакционные издержки.

В августе 2018 год современная Россия невольно отмечает «юбилейную» годовщину кризиса 1998 года, обогатившего словарный запас даже рядовых граждан словом «дефолт». Разумеется, отказ от обслуживания государственных долговых обязательств в тот момент лишь вскрыл всю глубину противоречий и диспропорций, копившихся в процессе трансформации экономических отношений. Однако этот кризис в стране с многолетней историей создания «материальной базы коммунизма» – планового формирования и распределения товарных активов высветил роль т. н. «финансовой надстройки» – финансового рынка. Именно этот рынок открывает путь к решению утилитарной, но постоянно актуальной задачи обеспечения платежей между экономическими агентами, предоставляет всем заинтересованным лицам доступ к источникам долгового и долевого финансирования, а самым разным группам инвесторов – необходимый и достаточный набор инструментов сбережения и инвестирования, позволяет эффективно перераспределять и минимизировать риски домохозяйств и хозяйствующих субъектов.

Современный финансовый рынок (и Россия в данном случае не является исключением) – это сложная система взаимодействия инвесторов и эмитентов, кредиторов и заемщиков, различных типов финансовых посредников и собственно государства, которое на данном рынке выступает не только во всех перечисленных ролях, но и в качестве основного регулятора. Значительный, если не доминирующий, объем финансовых отношений складывается из аккумулированных средств отдельных участников, переданных в управление на тех или иных условиях другим участникам финансового рынка. Примерами могут служить хозяйствующие общества (акционерные и с ограниченной ответственностью), коммерческие банки, инвестиционные и пенсионные фонды, страховые компании и т. д. Несмотря на специфику приведенных примеров, для всех них характерно то, что собственники финансовых ресурсов (акционер корпорации, вкладчик коммерческого банка, пайщик инвестиционного фонда, клиент страховой компании) пере-

*Александр Альбертович Мецгер,** канд. техн. наук, доцент, генеральный директор ЗАО «Управляющая компания» (г. Екатеринбург).

© А. А. Мецгер, 2018

дают функцию управления своими средствами другому лицу в расчете на получение ожидаемого, в большей или меньшей степени гарантированного результата.

Выделение категории собственника финансового ресурса и лица, которому данный ресурс передается в управление, позволяет рассматривать данное взаимодействие как отношения «**принципал – агент**», т. е. в рамках т. н. «агентской теории», которая, в свою очередь, является частным случаем теории трансакционных издержек и элементом институционального подхода в экономике. С этой точки зрения атрибутивное расхождение интересов агента и принципала, наличие *асимметрии информации* в пользу агента формируют тот или иной уровень *агентских издержек* – издержек на контроль за действиями агента и принуждение (мотивирование) его к действиям в интересах принципала. С точки зрения теории трансакционных издержек, это издержки на выбор агента, заключение контракта с ним, контроль за соблюдением контракта и принуждение к исполнению контракта. Высокий уровень трансакционных издержек в экономике свидетельствует о слабом развитии рыночных отношений, низкой конкуренции, ведет к формированию неадекватных цен на товары и услуги. Можно сказать, что именно уровень трансакционных издержек определяет водораздел между развитыми и развивающимися, догоняющими национальными экономиками.

Финансовый рынок с высокими трансакционными издержками – это рынок, при котором предприятия реального сектора экономики или ограничены внутренними источниками финансирования, или, в лучшем случае, имеют доступ к внешнему долговому финансированию (банковские кредиты). С другой стороны, домохозяйства (т. е. рядовые инвесторы) в этих условиях лишены возможности формирования надежных долгосрочных инвестиций в условиях кризиса государственного пенсионного обеспечения. Возможными, а точнее, неизбежными следствиями в этих условиях становится сохранение, а на самом деле примитивизация процессов в сфере реальной экономики, нарастание экономических и социальных проблем для значительной части населения страны.

Таким образом, задача снижения агентских издержек на финансовом рынке носит не схоластической, а вполне практический характер. С определенным допущением ее можно представить как **повышение оправданного доверия** владельцев финансовых ресурсов к существующим и создаваемым инструментам аккумулирования указанных ресурсов. Оправданность доверия, в свою очередь, является следствием создания и поддержания необходимого набора действенных механизмов, а в широком смысле – институтов, определяющих взаимодействие основных групп участников на финансовом рынке. В узком смысле данные механизмы должны обеспечивать контроль действий 1) лиц, получивших контроль над финансовыми ресурсами, в интересах или при соблюдении интересов; 2) лиц, передавших им указанные ресурсы. В более широкой трактовке можно говорить о системе механизмов, позволяющих учитывать и согласовывать интересы как основных участников трансформации финансовых ресурсов, так и других заинтересованных лиц. Указанные определения составляют содержание и основную задачу корпоративного управления (*corporate governance*), которое в настоящее время вышло далеко за пределы анализа и защиты миноритарных акционеров в рамках классической акционерной компании. Сегодня корпоративное управление – это целостная система внутренних и внешних механизмов: органы корпоративного управления, которые формируются с учетом специфики деятельности конкретной компании, но на основе передовых практик, система государственного контроля и контроля со стороны профессионального сообщества и т. д. [9].

Корпоративное управление на финансовом рынке способствует формированию необходимого уровня доверия между его основными участниками, обеспечивая предсказуемость их поведения и разумную прозрачность принятия и реализа-

ции решений. Важную роль во всех этих процессах играет государство, которое в данном случае не только выступает как один из драйверов поступательного развития рыночных отношений, но и обеспечивает функционирование ряда ключевых механизмов корпоративного управления. В этой связи уместно рассмотреть позицию государства по вопросам развития корпоративного управления на финансовом рынке – в лице его основного (мега) регулятора – Банка России. Данную возможность предоставляет разработанный Банком России документ – «**Основные направления развития финансового рынка РФ на период 2019–2021 годов**» [13], который в настоящее время проходит активное обсуждение, в том числе с привлечением представителей финансовой индустрии (коммерческих банков, страховых и управляющих компаний, профессиональных участников фондового рынка).

***

Анализируемый документ является развитием аналогичного предшествующего документа на период 2016–2018 гг., и в нем, прежде всего, подводятся итоги прошедших трех лет. Несмотря на шоки, испытанные российской экономикой в указанные годы, надо согласиться с выводом, что финансовый рынок продемонстрировал твердую устойчивость, и в значительной мере это являлось заслугой не всегда очевидных в момент действий Банка России.

Важным представляется оценка регулятора, которую он дает текущему состоянию и уровню развития российского финансового рынка. Совершенно справедливо отмечается, что уровень развития финансового сектора определяется такими фундаментальными характеристиками социально-экономического развития страны, как структура (тип) ее экономики, диверсификация деятельности экономических агентов, показатели благосостояния населения, общий уровень развития государственных и правовых институтов, степень интеграции в глобальные рынки. Как следствие, характерными особенностями российской модели финансового рынка являются:

- преобладание банковского сектора;
- опора на собственные финансовые ресурсы, основным источником которых стали доходы от сырьевого экспорта;
- преимущественная роль бюджетных и межфирменных каналов их перераспределения по сравнению с их перераспределением через финансовых посредников.

Банк России при этом ссылается на результаты исследований [20; 21], в которых модель российского финансового рынка входит в один кластер с моделями таких стран, как Индонезия, Аргентина, Колумбия, Казахстан, Турция, Перу, Уругвай, Македония, Филиппины, Пакистан, Мексика и ряд других.

Важно, что регулятор хотя и сдержанно, но констатирует абсолютное преобладание банковского сегмента финансового рынка. Например, приводятся такие данные: активы кредитных организаций, составляющие на конец 2017 года 85,2 трлн руб., или 92,6 % ВВП, безусловно доминируют над активами небанковского финансового сектора. Для сравнения на тот же момент времени: активы негосударственных пенсионных фондов – 3,7 трлн руб. (4,0 % ВВП), страховых компаний – 2,3 трлн руб. (2,5 % ВВП), паевых инвестиционных фондов – 2,9 трлн руб. (3,2 % ВВП). Это отличает отечественный финансовый рынок от финансовых рынков большинства развитых стран, где небанковские институты в лице инвестиционных фондов, страховых компаний и пенсионных фондов обеспечивают возможности экономики по трансформации сбережений в долгосрочные инвестиции. С одной стороны, именно эти инвестиции необходимы для устойчивого расширения и

усложнения экономики страны, а с другой стороны, именно долгосрочные инвестиции объективно отвечают интересам домохозяйств – для обеспечения альтернативных вариантов решения проблемы достойной старости.

По нашему мнению, глобальная диспропорция российского финансового рынка обусловлена искажением рынка спроса на финансовые ресурсы как со стороны потребителей (акцепторов) капитала, так и со стороны инвесторов (доноров). Однако в анализе Банка России не рассматривается вопрос удивительно слабого интереса российских компаний к долевому рыночному финансированию. Основное внимание регулятор уделяет низкой активности населения на финансовом рынке. В качестве причин называются:

- низкий уровень финансовой грамотности населения – по результатам проведенного в 2016 году Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) исследования в 26 странах, Россия заняла 23-е место;
- низкий уровень доверия к небанковским финансовым посредникам из-за деятельности теневых и недобросовестных участников рынка.

Можно в целом согласиться с подобной оценкой Банка России. Однако низкий уровень доверия к небанковским финансовым инструментам нельзя объяснить исключительно недобросовестностью теневых участников рынка. Свою долю ответственности должно взять на себя и государство, которое в значительной мере разрушило формирующееся доверие и интерес граждан к финансовым продуктам пенсионного сегмента.

Тем не менее общий пафос тезиса о формировании доверия абсолютно обоснован. С точки зрения современного корпоративного управления вполне оправданно звучат такие факторы формирования доверия, как этическая культура в рамках участников рынка, институт их деловой репутации, механизмы предотвращения конфликта интересов, а также персональной ответственности менеджмента и собственников финансовых организаций.

Разумеется, ключевым элементом анализируемого документа является собственно формулирование **основных направлений** развития финансового рынка. В качестве таких направлений Банк России называет:

- формирование доверительной среды;
- развитие конкуренции на финансовом рынке;
- поддержание финансовой стабильности;
- обеспечение доступности финансовых услуг.

Очевидно, что поставленная цель анализа корпоративного управления на финансовом рынке акцентирует особое внимание на таком направлении, как «формирование доверительной среды». Банк России в этом пункте декларирует бесспорные положения о необходимости защиты средств кредиторов и вкладчиков, формирования доверия к национальной валюте и собственно к действиям регулятора. Однако более интересным представляется выделение несколько других, но, на наш взгляд, чрезвычайно важных акцентов:

- регулирование конфликта интересов и внедрение элементов корпоративной культуры, основанной на приоритете интересов клиента;
- обеспечение информационной прозрачности, придающей участникам уверенность в справедливости процесса формирования рыночной цены.

Как будет показано ниже, именно эти вопросы ускользают из поля зрения как регулятора, так и участников рынка, и/или их решение выхолащивается, превращаясь в избыточное регулирование для участников рынка и не создавая защиты для тех же инвесторов. Отрадно, что регулятор понимает данную проблему в рамках защиты прав потребителя финансовых услуг и инвестора. Отмечается, что важна не только точность, своевременность и релевантность информации, но и ее

доступность для понимания, способность потребителя ее воспринять, что во многом обусловлено состоянием финансовой грамотности.

В этой же связи нельзя не отметить, что Банк России начинает уделять внимание такому вопросу, как поведенческий выбор на финансовых рынках[1]. Например, Банк России, как минимум, декларирует готовность к формированию защиты потребителей финансовых услуг от недобросовестного поведения профессиональных участников рынка, эксплуатирующих потребительский иррационализм инвесторов, кредиторов и других участников.

Переходя на уровень конкретных **мероприятий по развитию финансового рынка**, Банк России определяет их перечень следующим образом:

- создание благоприятной среды для цифровизации финансового рынка;
- развитие конкуренции на финансовом рынке;
- развитие сегмента длинных денег;
- развитие корпоративных отношений;
- совершенствование надзорного подхода Банка России;
- противодействие недобросовестным практикам, профилактика и пресечение правонарушений;
- интеграция в рамках ЕАЭС;
- совершенствование регулирования БКИ;
- защита прав потребителей и инвесторов;
- повышение финансовой доступности;
- повышение финансовой грамотности;
- реформа аудита;
- совершенствование регулирования рынка ПФИ;
- развитие инфраструктуры финансового рынка;
- взаимодействие со странами БРИКС.

Кроме того, предусматриваются преобразования, затрагивающие:

- банковский сектор;
- рынок ценных бумаг;
- страховой сектор;
- сектор коллективных инвестиций и доверительного управления;
- сектор микрофинансирования;
- платежные системы и платежную инфраструктуру.

Разумеется, все перечисленные мероприятия в той или иной мере отражают и соответствуют базовым направлениям развития финансового рынка. Тем не менее, с точки зрения самого регулятора, на формирование доверительной среды в наибольшей мере будут оказывать влияние следующие три мероприятия: 1) развитие корпоративных отношений; 2) противодействие недобросовестным практикам, профилактика и пресечение правонарушений; 3) защита прав потребителей и инвесторов. Рассмотрим их несколько подробнее.

Развитие корпоративных отношений. В рамках данного раздела Банк России непосредственно затрагивает тему корпоративного управления. Совершенно справедливо поднимается тема защиты интересов участников отношений, обладающих меньшими контрольными функциями, одновременно подчеркивается необходимость поиска баланса интересов различных участников. Однако вызывает удивление, что Банк России все это транслирует лишь на акционерные общества – хотя и важный, но лишь один из форматов аккумулирования средств на финансовом рынке. Складывается впечатление, что регулятор отстает, по меньшей мере,

[1] В «Основных направлениях» дважды упоминается Ричард Талер (*Richard H. Thaler*), удостоенный в 2017 году премии Шведского национального банка по экономическим наукам памяти Альфреда Нобеля (Нобелевскоя премия по экономике) за исследования в области поведенческой экономики.

на два десятилетия, когда корпоративное управление действительно воспринималось исключительно как проблема взаимоотношений рядовых, миноритарных акционеров и профессионального менеджмента и/или контролирующих собственников. Проблематика корпоративного управления давно вышла за пределы вопросов классических акционерных обществ в условиях рыночной экономики (аутсайдерская модель). В настоящее время на глубоком теоретическом уровне сформулированы модели корпоративного управления в рамках финансовых рынков с преобладанием банковского сектора (варианты инсайдерской модели), активно развиваются модели корпоративного управления по различным типам финансового посредничества (коммерческие банки [1; 4; 14; 15; 18], страховые компании [2; 3], инвестиционные фонды [5; 6; 7; 8; 10]). Более того, в соответствии со ст. 5 ФЗ «О саморегулируемых организациях в сфере финансового рынка» [23] саморегулируемые организации должны разработать и представить на согласование в комитет по стандартам при Банке России проекты базовых стандартов по соответствующему виду деятельности, и в том числе **стандарт по корпоративному управлению**![2]

Противодействие недобросовестным практикам, профилактика и пресечение правонарушений. Надо признать, что в рамках данного мероприятия Банк России уже реализовал ряд важных положений, которые отражают современные практики корпоративного управления на развитых финансовых рынках. Так, например, уже сейчас расширены требования к деловой репутации членов органов управления и сотрудников финансовых организаций [22]. В период, охватывающий 2019–2021 годы, планируется расширение использования института деловой репутации в регулировании финансовых организаций и публичных компаний, повышение персональной ответственности руководителей финансовых организаций, в том числе за искажение финансовой отчетности публичных компаний. Заявлено, что Банк России намерен осуществить мероприятия по исключению или раскрытию конфликта интересов между участником рынка (его собственниками и менеджерами) и клиентами данного участника (например, инвесторами инвестиционного фонда). Понимая, что не все недобросовестные практики могут быть жестко администрированы, регулятор обозначает целесообразность активного диалога с участниками финансового рынка по вопросам определения добросовестного поведения в целях разработки соответствующего кодекса.

Защита прав потребителей и инвесторов. Специфика финансового рынка, характеризующегося базовыми соотношениями таких характеристик, как доходность, риск и ликвидность, определяет и специфику подходов к защите прав инвесторов. Общепринятым в настоящее время считается построение дифференцированной **защиты инвесторов в зависимости от их категории** – способности оценивать и принимать на себя повышенные риски в расчете на повышенную доходность. Общим является подход, при котором рядовые (наименее квалифицированные, неискушенные) инвесторы ограничиваются национальным регулятором в доступе к финансовым продуктам и услугам с повышенным уровнем риска. По этому пути идет и российская практика, реализуемая Банком России. Введение в 2008 году категорий «квалифицированный» и «неквалифицированный» инвестор [17] в настоящее время получает свое дальнейшее развитие. Так, в 2017 году

[2] По состоянию на 20 августа 2018 г. на сайте Банка России (www.cbr.ru) в Реестре базовых стандартов был опубликован единственный стандарт по корпоративному управлению – «Базовый стандарт по корпоративному управлению кредитного потребительского кооператива». Тем не менее, насколько известно автору, проекты соответствующих стандартов направлены на согласование саморегулируемыми организациями участников финансового рынка. (См., например, Базовый стандарт корпоративного управления для финансовых организаций, являющихся брокерами, дилерами, управляющими, депозитариями, регистраторами. – URL: http://www.naufor.ru/tree.asp?n=14175.)

Банк России по итогам обсуждения с участниками рынка разработал Концепцию совершенствования системы защиты интересов инвесторов на финансовом рынке путем регулирования категорий инвесторов и определения их инвестиционного профиля [19]. В соответствии с данной Концепцией появляется такая новая категория, как «профессиональный инвестор», а в числе неквалифицированных инвесторов выделяется группа особо защищаемых инвесторов. При этом дифференциация инвесторов по-прежнему осуществляется в зависимости от различных комбинаций их знаний, опыта и финансового положения. Данное направление защиты интересов инвесторов является общепринятым и признается всеми заинтересованными лицами, включая и саму индустрию финансовых посредников. Последняя, впрочем, отмечает избыточную жесткость требований, предъявляемых к квалифицированным инвесторам[3].

Защите прав инвесторов и повышению уровня доверия, по мнению Банка России, послужит вступающий в действие с 3 сентября 2018 г. Закон о **финансовом уполномоченном** (омбудсмене). (На его должность назначен Ю. Воронин, ранее руководивший Счетной палатой РФ.) Институт финансового уполномоченного – это также элемент, заимствуемый из передовых практик развитых финансовых рынков. При определенных допущениях можно рассчитывать, что создание подобного механизма разрешения споров между потребителями финансовых услуг, в том числе инвесторами и финансовыми организациями, не только снизит нагрузку на судебную систему Российской Федерации, но, самое главное, повысит квалифицированность рассмотрения споров и снизит издержки их рассмотрения.

Наконец, третье и, на наш взгляд, очень важное направление, которое декларируется Банком России в части защиты потребителей финансовых услуг и инвесторов, – **внедрение поведенческого надзора.** Под данным надзором понимается процедура контроля за поведенческими моделями участников рынка с упором на процесс взаимодействия поставщиков и потребителей финансовых услуг. Хочется надеяться, что в данном направлении Банк России не ограничится формальными механизмами оценки соотношения числа жалоб на конкретную компанию в сравнении со средними значениями по рынку. Давая оптимистичные оценки развитию индустрии финансового рынка, можно рассчитывать на сокращение фактов откровенных злоупотреблений контролирующим положением, асимметрией информации. Однако в таком случае внимание поведенческого контроля неизбежно должно будет смещаться в область выявления недобросовестных практик использования поведенческих особенностей (нерациональности) потребителей финансовых услуг (инвесторов).

***

В качестве **заключения** к краткому анализу «Основных направлений развития финансового рынка» с точки зрения корпоративного управления можно сформулировать ряд выводов и возможных рекомендаций.

1. В целом Банк России верно оценивает взаимное доверие участников финансового рынка как один из ключевых факторов его дальнейшего развития. К сожалению, корпоративное управление в данном процессе рассматривается лишь фрагментарно – в приложении к функционированию публичных акционерных

[3] Индустрия профессиональных участников финансового рынка справедливо усматривает при таком подходе сокращение возможностей привлечения средств инвесторов на определенные сегменты финансового рынка и/или предложение определенных классов финансовых активов. Так, Национальная ассоциация участников финансового рынка (НАУФОР) оценивает, что предложенные Банком России квалификационные критерии позволяют получить статус «квалифицированного», или «профессионального», инвестора не более 2,7 % населения России [16].

обществ и проблемам защиты и учета интересов миноритарных акционеров в их взаимодействии с менеджментом и контролирующими собственниками компаний.

2. На наш взгляд, вопросы корпоративного управления следует рассматривать в более широком контексте – как учет интересов широкого круга инвесторов и потребителей финансовых услуг, финансовые ресурсы которых аккумулируются и передаются в то или иное управление профессиональным участникам финансового рынка (коммерческим банкам, страховым компаниям, инвестиционным фондам, кредитным кооперативам и т. д.).

3. Банк России справедливо переносит часть регулятивного контроля за деятельностью финансовых организаций по соблюдению интересов инвесторов на саморегулируемые организации участников рынка. Это обеспечивает учет специфических особенностей функционирования различных типов финансовых посредников посредством базовых отраслевых стандартов, позволяет рассчитывать на большую гибкость и содержательность регулирования. В определенной мере можно говорить о формировании отраслевых моделей корпоративного управления и регулирования.

4. Вместе с тем нельзя забывать и о системных противоречиях в интересах индустрии финансового рынка (в лице собственников и менеджмента финансовых организаций) и потребителей финансовых услуг [12]. К сожалению, как показывают разрабатываемые и даже утвержденные стандарты деятельности финансовых организаций, в них преобладает свойственный классическим корпорациям упор на защиту интересов собственников, поддержание устойчивости компаний, соблюдение процедур и развитие системы риск-менеджмента. Интересы клиентов финансовых организаций в таком случае выносятся на периферию, рассматриваются подчас декларативно или в контексте того же риск-менеджмента.

5. Особую роль учет интересов потребителей финансовых услуг приобретает в сегменте коллективных инвестиций, и в первую очередь инвестиционных фондов. Для сравнения: в других формах финансового посредничества (депозитного или контрактно-сберегательного типа) интересы потребителей финансовых услуг (вкладчиков, клиентов страховых компаний) достаточно хорошо формализованы и во многих случаях имеют надежную защиту. Напротив, специфика инвестиционного посредничества атрибутивно характеризуется большей неопределенностью как заявляемого, так и демонстрируемого результата для инвесторов.

6. Реализуемый Банком России подход к защите интересов инвесторов фондов путем ограничения доступа неквалифицированных инвесторов в фонды, ориентированные на высокорисковые, низколиквидные сегменты финансового рынка, можно считать абсолютно правильным. Более того, именно данная дифференциация позволяет разработать эффективные модели корпоративного управления с учетом состава инвесторов и целевого рынка. Можно с уверенностью утверждать, что модель учета и согласования интересов квалифицированных инвесторов в соответствующих фондах естественным образом должна включать в себя элементы (механизмы) контроля деятельности профессиональных управляющих самими инвесторами. По этому пути идет и современная зарубежная практика [6].

7. Определенные сложности вызывает формирование модели учета интересов неквалифицированных инвесторов. Отсутствие необходимых компетенций и опыта работы на финансовых рынках не позволяет рассчитывать на осознанную оценку данными инвесторами результатов, демонстрируемых управляющими компаниями. Более того, именно эта категория инвесторов в наибольшей степени подвержена поведенческому иррационализму, что может приводить к недобросовестным практикам со стороны менеджмента фонда и различным формам скрытого оппортунизма [11]. Например, для фондов, предназначенных для неквалифицированных инвесторов, формирование инвестиционного портфеля допустимо

лишь на высоколиквидных рынках, с высокой степенью информационной эффективности. Многочисленные исследования неопровержимо доказывают, что на подобных рынках наибольшую доходность в долгосрочном периоде обеспечивает исключительно пассивный стиль управления с максимально широкой диверсификацией. Примером подобного управления являются индексные фонды и биржевые фонды (*ETF – Exchange Traded Funds*). Уровень вознаграждения управляющих подобных фондов многократно меньше, чем в фондах, управляющие которых практикуют т. н. «активный» стиль управления. Естественно, что данная ситуация формирует классический агентский конфликт между индустрией профессиональных управляющих и неквалифицированными инвесторами. Низкая информированность подобных инвесторов о невозможности получения на эффективных рынках сверхрыночной доходности, преувеличение значения декларируемой доходности прошлых периодов и преуменьшение значения фактических расходов – всё это и создает условия для системного конфликта интересов индустрии управляющих фондами и неквалифицированных инвесторов [10; 11].

8. Классическая модель корпоративного управления в управляющих компаниях ориентирована на интересы собственников компаний и не позволяет успешно преодолевать указанный выше конфликт интересов. В связи с этим представляется целесообразным сознательное внедрение (в том числе со стороны регулятора) требований об обязательном раскрытии структуры расходов инвестиционных фондов, информирование даже неквалифицированных инвесторов о значении уровня данных расходов, осуществляемых за их счет. Все это позволяет рассчитывать на смягчение конфликта интересов и смещение практики управления фондами для неквалифицированных инвесторов в сторону широко диверсифицированного, низкозатратного управления.

Литература

1. Васильев Е. С. Особенности корпоративного управления в банковском секторе России // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2011. – Вып. № 3-2.

2. Глухова Т. С. Развитие методов корпоративного управления в страховых компаниях России : дис. … канд. экон. наук : 08.00.05 / Глухова Татьяна Сергеевна ; [Место защиты: Гос. ун-т упр.]. – М., 2009. – 201 с.: ил. РГБ ОД, 61 09-8/3809. – URL: https://docplayer.ru/28257201-Gluhova-tatyana-sergeevna-razvitie-metodov-korporativnogo-upravleniya-v-strahovyh-kompaniyah-rossii.html#show_full_text

3. Глухова Т. С. Соблюдение кодекса корпоративного управления в Российских страховых компаниях // Управление в страховой компании. – 2009. – № 1.

4. Костюк А. Н. Корпоративное управление в банке : монография. – Сумы : ГВУЗ УАБД НБУ, 2008. – 332 с. – URL: http://uabs.edu.ua/images/stories/docs/K_ME/Kostiuk_A_2.pdf

5. Мецгер А. А., Дружинина Е. И. Институт квалифицированного инвестора как элемент корпоративного управления инвестиционным фондом // Вестник Гуманитарного университета. – 2014. – № 3 (6). – С. 10−19.

6. Мецгер А. А. Зарубежный опыт формирования модели корпоративного управления в инвестиционных фондах // Вестник Гуманитарного университета. – 2013. – № 2 (2). – С. 36−45.

7. Мецгер А. А. Механизм формирования вознаграждений управляющих инвестиционными фондами как элемент корпоративного управления // Вестник Гуманитарного университета. – 2017. – № 3 (18). – С. 25–37.

8. Мецгер А. А. Модели корпоративного управления в инвестиционных фондах и требования к структуре их активов // Известия Уральского государственного экономического университета. – 2017. – № 3 (71). – С. 53–65.

9. Мецгер А. А., Первушина А. В. Корпоративное управление : учеб. пособие. – 2-е изд., перераб. и доп. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2011.

10. Мецгер А. А. Стратегии управления активами инвестиционных фондов с точки зрения теории трансакционных издержек и корпоративного управления // Вестник Гуманитарного университета. – 2017. – № 4 (19). – С. 6–15.

11. Мецгер А. А. Типизация форм оппортунизма управляющих компаний инвестиционных фондов // Вестник Гуманитарного университета. – 2018. – № 1 (20). – С. 15–21.

12. Мецгер А. А. Характер агентской проблемы при инвестировании средств рядовых неквалифицированных инвесторов // Вестник Гуманитарного университета. – 2018. – № 2 (21). – С. 6–19.

13. Основные направления развития финансового рынка РФ на период 2019–2021 годов. – URL: http://www.cbr.ru/StaticHtml/File/41540/onfr_2019-21%28project%29.pdf

14. Останин М. Н. Корпоративное управление в российских коммерческих банках // Финансовый менеджмент. – 2007. – № 3.

15. Письмо Банка России от 13 сентября 2005 г. № 119-Т «О современных подходах к организации корпоративного управления в кредитных организациях». – URL: http://npc.ru/media/files/Zakon-vo/Norm_Akty_BR-2/2005/cb2cfedb4c7e7111aaa6a1f1ce057851.pdf

16. Письмо с комментариями к докладу ЦБ «Совершенствование системы защиты инвесторов на финансовом рынке посредством введения регулирования категорий инвесторов и определения их инвестиционного профиля» (15 августа 2016, № 674). – URL: http://www.naufor.ru/tree.asp?n=12740

17. Приказ ФСФР России от 18.03.2008 № 08-12/пз-н «Об утверждении Положения о порядке признания лиц квалифицированными инвесторами».

18. Самойлович В. А. Принципы корпоративного управления и практика их применения в российских кредитных организациях // Проблемы современной науки и образования. – 2017. – № 4 (86). – С. 47–53.

19. Совершенствование системы защиты инвесторов на финансовом рынке посредством введения регулирования категорий инвесторов и определения их инвестиционного профиля. – URL: http://www.cbr.ru/finmarkets/files/170209.pdf

20. Столбов М., Голощапова И., Солнцев О. и др. Сопоставление модели российского финансового сектора с моделями финансовых секторов других стран // Серия докладов об экономических исследованиях. – М. : Банк России, 2017. – № 23 (август).

21. Столбов М. И., Голощапова И. О., Солнцев О. Г., Ахметов Р. Р., Панкова В. А., Цепилова Е. А. Определение модели российского финансового сектора на основе межстранового анализа // Вопросы экономики. – 2018. – № 5. – С. 1–20.

22. Федеральный закон от 29.07.2017 № 281-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования обязательных требований к учредителям (участникам), органам управления и должностным лицам финансовых организаций».

23. Федеральный закон от 13.07.2015 № 223-ФЗ (ред. от 28.12.2017) «О саморегулируемых организациях в сфере финансового рынка».

Alexander Al'bertovich Metzger,
Candidate of Engineering, Associate Professor,
Director General of ZAO «Upravlyauschaya companya»
(Ekaterinburg)

Issues of Corporate Management in the Main Directions of Development of the Financial Market of the Russian Federation for the Period 2019–2021

The main directions of development of the financial market of the Russian Federation, developed by the Bank of Russia for the period 2019–2021, are considered from the point of view of corporate governance issues. The development of corporate governance is assessed as one of the elements of building mutual trust of market participants. There is a hypothesis about the expediency of consideration of corporate governance not only within the framework of classical joint-stock companies, but also for other forms of accumulation of funds of market participants (commercial banks, insurance companies, investment funds). The special importance of effective corporate governance models development for the investment industry is noted.

Key words: financial market; corporate governance; corporate governance model; financial intermediaries; commercial banks; insurance companies; investment funds; management companies; investors; qualified investors; unqualified investors; agency problem; transaction costs.

УДК 338.26.015.001.57

О. В. Карпова*, А. Ф. Шориков**

Экономико-математическое моделирование оптимизации управления бизнес-процессами предприятия

Рассматривается многофункциональное предприятие, функционирование которого обеспечивается наличием определенной технологии, реализуемой на основе ряда бизнес-процессов [1], удовлетворяющих заданным технико-экономическим, информационным и др. условиям и ограничениям. Предполагается наличие субъекта управления предприятием E, заинтересованного в оптимизации управления бизнес-процессами предприятия с целью реализации его эффективного функционирования.

Ключевые слова: оптимизация; экономико-математическая модель; бизнес-процессы; номенклатура продукции; технологии; сетевая модель.

Этап I. На первом этапе экономико-математического моделирования оптимизации управления бизнес-процессами предприятия разрабатывается соответствующая им семантическая сетевая модель, посторенние которой реализуется в виде следующей последовательности действий.

1.1. Вводится кортеж $\boldsymbol{D}=\{\boldsymbol{D}_1,\boldsymbol{D}_2,\ldots,\boldsymbol{D}_m\}$ условий-ограничений для реализации функционирования предприятия и всех его бизнес-процессов на: исходные данные; технологические решения; информационное обеспечение; принятие решений; выходные и входные данные ($m\in\mathbf{N}$; здесь и далее $\mathbf{N}$ – множество всех натуральных чисел).

1.2. Вводится технология функционирования бизнес-процессов $\boldsymbol{P}(\boldsymbol{D})$, удовлетворяющая заданным условиям-ограничениям $\boldsymbol{D}=\{\boldsymbol{D}_1,\boldsymbol{D}_2,\ldots,\boldsymbol{D}_m\}$ и обеспечивающая устойчивое функционирование предприятия.

1.3. Для технологии $\boldsymbol{P}(\boldsymbol{D})$ вводится массив из n бизнес-процессов $\boldsymbol{B}(\boldsymbol{P}(\boldsymbol{D}))=\boldsymbol{B}=\{B_1,B_2,\ldots,B_n\}$, реализующий ее $(n\in\mathbf{N})$.

1.4. Каждый бизнес-процесс $B_i\in\boldsymbol{B}$ $(i\in\overline{1,n})$ будем отождествлять с узлом-объектом, которым управляет субъект управления E_i, подчиняющийся субъекту управления E. Для каждого бизнес-процесса $B_i\in\boldsymbol{B}$ $(i\in\overline{1,n})$ можно выделить бизнес-процессы (узлы-события) $B_j\in\boldsymbol{B}$ $(j\in\overline{1,n},\, i\neq j)$, которые предшествуют ему и между ними имеется связь или отношение; можно выделить бизнес-процессы $B_k\in\boldsymbol{B}$ $(k\in\overline{1,n},\, i\neq k)$, которые можно реализовать параллельно ему и

* **Ольга Владимировна Карпова,** канд. экон. наук, заместитель декана факультета бизнеса и управления, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

** **Андрей Федорович Шориков,** д-р физ.-мат. наук, профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента РФ Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург).

© О. В. Карпова, А. Ф. Шориков, 2018

между ними имеется связь или отношение; можно выделить бизнес-процессы $B_m \in \boldsymbol{B}$ $(m \in \overline{1,n}, i \neq m)$, которые следуют за ним и между ними имеется связь или отношение.

1.5. Некоторые пары бизнес-процессов связаны между собой входящими в них и выходящими из них направленными ребрами, которые соответствуют наборам входных и выходных параметров, описывающих технологические, управляющие, информационные и другим связи, отношения между ними, а также результативность их реализации. Если бизнес-процессы $B_i \in \boldsymbol{B}$ $(i \in \overline{1,n})$ и $B_j \in \boldsymbol{B}$ $(j \in \overline{1,n}, i \neq j)$ такие, что они связаны между собой направленным из B_i в B_j ребром, соответствующим кортежу данных, описывающему логические связи или отношения между ними, то обозначаем его символом $Z_{ij} = (Z_1^{(ij)}, Z_2^{(ij)}, \ldots, Z_{k_{ij}}^{(ij)}) \neq \varnothing$, $(k_{ij} \in \mathbf{N})$; в противном случае, т. е. при отсутствии такого ребра, будем обозначать его символом $Z_{ij} = \varnothing$.

1.6. На основании правил формирования семантических сетевых моделей сформируем для имеющегося массива бизнес-процессов $\boldsymbol{B}(\boldsymbol{P}(\boldsymbol{U})) = \boldsymbol{B} = \{B_1, B_1, \ldots, B_n\}$ соответствующую семантическую сетевую модель $\boldsymbol{SW}(\boldsymbol{B})$, которая полностью описывается кортежной матрицей $\boldsymbol{Z} = \left\| Z_{ij} \right\|_{\substack{i \in \overline{1,n} \\ j \in \overline{1,n}}}$.

Этап II. На втором этапе экономико-математического моделирования оптимизации управления бизнес-процессами предприятия разрабатывается соответствующая им сетевая модель, посторенние которой реализуется в виде следующей последовательности действий.

2.1. Для каждого бизнес-процесса $B_i \in \boldsymbol{B}$ $(i \in \overline{1,n})$ вводится соответствующий ему массив работ-операций $\boldsymbol{R}(B_i) = \{R_1(B_i), R_2(B_i), \ldots, R_{n_i}(B_i)\}$, реализующий его $(n_i \in \mathbf{N})$.

2.2. Для каждого бизнес-процесса $B_i \in \boldsymbol{B}$ $(i \in \overline{1,n})$ вводится соответствующий ему набор критериев качества $\boldsymbol{F}_i = \{F_1^{(i)}, F_2^{(i)}, \ldots, F_{r_i}^{(i)}\}$, на основании которого субъект управления E_i оценивает результаты реализации i -го бизнес-процесса $(r_i \in \mathbf{N})$, где $F_i : \mathbf{R}^{4 \times n_i} \to \mathbf{R}^1$ $(i \in \overline{1,r_i})$.

2.3. Для каждого массива работ-операций $\boldsymbol{R}(B_i) = \{R_1(B_i), R_2(B_i), \ldots, R_{n_i}(B_i)\}$ $(i \in \overline{1,n})$ и соответствующего ему набора функционалов $\boldsymbol{F}_i = \{F_1^{(i)}, F_2^{(i)}, \ldots, F_{r_i}^{(i)}\}$ –

векторного функционала, целью субъекта управления E_i рассматриваемым бизнес-процессом $B_i \in \boldsymbol{B}$ $(i \in \overline{1,n})$ является максимизация (минимизация) этого функционала.

2.4. Каждой j-й работе-операции $R_j(B_i) \in \boldsymbol{R}(B_i)$ $(j \in \overline{1,n_i})$ соответствует массив данных – матрица $\boldsymbol{A}_{ij} = \left\| a_{kl}^{(ij)} \right\|_{\substack{k \in \overline{1,p_{ij}} \\ l \in \overline{1,4}}}$ $(p_{ij} \in \mathbf{N})$, у которой значения элементов каждой k-й строки соответственно равны – продолжительности, стоимости, качеству и количеству работников возможного k-го варианта реализации данной j-й работы-операции, т. е. число строк этой матрицы равно числу p_{ij} различных вариантов реализации рассматриваемой работы-операции.

2.5. На основании имеющихся данных, с позиции субъекта управления E_i, находится решение следующей задачи векторной оптимизации [2; 3].

Задача 1. Для каждого бизнес-процесса $B_i \in \boldsymbol{B}$ $(i \in \overline{1,n})$, соответствующей ему матрицы $\boldsymbol{A}_{ij} = \left\| a_{kl}^{(ij)} \right\|_{\substack{k \in \overline{1,p_{ij}} \\ l \in \overline{1,4}}}$ $(p_{ij} \in \mathbf{N})$ и векторного функционала $\boldsymbol{F}_i = \{F_1^{(i)}, F_2^{(i)}, \ldots, F_{r_i}^{(i)}\}$, оценивающего субъектом управления E_i качество результата реализации рассматриваемого бизнес-процесса, требуется найти матрицу $\boldsymbol{B}_i^{(e)} = \left\| b_{kl}^{(e,i)} \right\|_{\substack{k \in \overline{1,n_i} \\ l \in \overline{1,4}}}$, элементы которой являются решением следующей оптимизационной задачи:

$$
\begin{gathered}
F_i^{(e)} = \alpha_1 \cdot F_1^{(i)}(b_{11}^{(e,i)}, b_{12}^{(e,i)}, b_{13}^{(e,i)}, b_{14}^{(e,i)}, b_{21}^{(e,i)}, b_{22}^{(e,i)}, b_{23}^{(e,i)}, b_{24}^{(e,i)}, \ldots, b_{n_i 1}^{(e,i)}, b_{n_i 2}^{(e,i)}, b_{n_i 3}^{(e,i)}, b_{n_i 4}^{(e,i)}) + \\
+ \alpha_2 \cdot F_2^{(i)}(b_{11}^{(e,i)}, b_{12}^{(e,i)}, b_{13}^{(e,i)}, b_{14}^{(e,i)}, b_{21}^{(e,i)}, b_{22}^{(e,i)}, b_{23}^{(e,i)}, b_{24}^{(e,i)}, \ldots, b_{n_i 1}^{(e,i)}, b_{n_i 2}^{(e,i)}, b_{n_i 3}^{(e,i)}, b_{n_i 4}^{(e,i)}) + \ldots \\
\ldots + \alpha_{r_i} \cdot F_{r_i}^{(i)}(b_{11}^{(e,i)}, b_{12}^{(e,i)}, b_{13}^{(e,i)}, b_{14}^{(e,i)} b_{21}^{(e,i)}, b_{22}^{(e,i)}, b_{23}^{(e,i)}, b_{24}^{(e,i)} \ldots, b_{n_i 1}^{(e,i)}, b_{n_i 2}^{(e,i)}, b_{n_i 3}^{(e,i)}, b_{n_i 4}^{(e,i)}) = \\
= \alpha_1 \cdot F_1^{(i)}(a_{k_1^{(e)} 1}^{(i1)}, a_{k_1^{(e)} 2}^{(i1)}, a_{k_1^{(e)} 3}^{(i1)}, a_{k_1^{(e)} 4}^{(i1)}, a_{k_2^{(e)} 1}^{(i2)}, a_{k_2^{(e)} 2}^{(i2)}, a_{k_2^{(e)} 3}^{(i2)}, a_{k_2^{(e)} 4}^{(i2)}, \ldots, a_{k_{n_i}^{(e)} 1}^{(in_i)}, a_{k_{n_i}^{(e)} 2}^{(in_i)}, a_{k_{n_i}^{(e)} 3}^{(in_i)}, a_{k_{n_i}^{(e)} 4}^{(in_i)}) + \\
+ \alpha_2 \cdot F_2^{(i)}(a_{k_1^{(e)} 1}^{(i1)}, a_{k_1^{(e)} 2}^{(i1)}, a_{k_1^{(e)} 3}^{(i1)}, a_{k_1^{(e)} 4}^{(i1)}, a_{k_2^{(e)} 1}^{(i2)}, a_{k_2^{(e)} 2}^{(i2)}, a_{k_2^{(e)} 3}^{(i2)}, a_{k_2^{(e)} 4}^{(i2)}, \ldots, a_{k_{n_i}^{(e)} 1}^{(in_i)}, a_{k_{n_i}^{(e)} 2}^{(in_i)}, a_{k_{n_i}^{(e)} 3}^{(in_i)}, a_{k_{n_i}^{(e)} 4}^{(in_i)}) + \ldots \\
\ldots + \alpha_{r_i} \cdot F_{r_i}^{(i)}(a_{k_1^{(e)} 1}^{(i1)}, a_{k_1^{(e)} 2}^{(i1)}, a_{k_1^{(e)} 3}^{(i1)}, a_{k_1^{(e)} 4}^{(i1)}, a_{k_2^{(e)} 1}^{(i2)}, a_{k_2^{(e)} 2}^{(i2)}, a_{k_2^{(e)} 3}^{(i2)}, a_{k_2^{(e)} 4}^{(i2)}, \ldots, a_{k_{n_i}^{(e)} 1}^{(in_i)}, a_{k_{n_i}^{(e)} 2}^{(in_i)}, a_{k_{n_i}^{(e)} 3}^{(in_i)}, a_{k_{n_i}^{(e)} 4}^{(in_i)}) = \\
= \max_{(k_1, k_2, \ldots, k_{n_i}) \in (\overline{1, p_{1j}} \times \overline{1, p_{2j}} \times \cdots \times \overline{1, p_{n_i j}})} \{ \alpha_1 \cdot F_1^{(i)}(a_{k_1 1}^{(i1)}, a_{k_1 2}^{(i1)}, a_{k_1 3}^{(i1)}, a_{k_1 4}^{(i1)}, a_{k_2 1}^{(i2)}, a_{k_2 2}^{(i2)}, a_{k_2 3}^{(i2)}, a_{k_2 4}^{(i2)}, \ldots, \\
a_{k_{n_i} 1}^{(in_i)}, a_{k_{n_i} 2}^{(in_i)}, a_{k_{n_i} 3}^{(in_i)}, a_{k_{n_i} 4}^{(in_i)}) + \\
+ \alpha_2 \cdot F_2^{(i)}(a_{k_1 1}^{(i1)}, a_{k_1 2}^{(i1)}, a_{k_1 3}^{(i1)}, a_{k_1 4}^{(i1)}, a_{k_2 1}^{(i2)}, a_{k_2 2}^{(i2)}, a_{k_2 3}^{(i2)}, a_{k_2 4}^{(i2)}, \ldots, a_{k_{n_i} 1}^{(in_i)}, a_{k_{n_i} 2}^{(in_i)}, a_{k_{n_i} 3}^{(in_i)}, a_{k_{n_i} 4}^{(in_i)}) + \ldots \\
\ldots + \alpha_{r_i} \cdot F_{r_i}^{(i)}(a_{k_1 1}^{(i1)}, a_{k_1 2}^{(i1)}, a_{k_1 3}^{(i1)}, a_{k_1 4}^{(i1)}, a_{k_2 1}^{(i2)}, a_{k_2 2}^{(i2)}, a_{k_2 3}^{(i2)}, a_{k_2 4}^{(i2)}, \ldots, a_{k_{n_i} 1}^{(in_i)}, a_{k_{n_i} 2}^{(in_i)}, a_{k_{n_i} 3}^{(in_i)}, a_{k_{n_i} 4}^{(in_i)}) \} ; \qquad (1)
\end{gathered}
$$

$$\sum_{k=1}^{r_i} \alpha_k = 1; \forall\, k \in \overline{1, r_i}:\ \alpha_k \geq 0. \qquad (2)$$

Из соотношения (1) следует, что справедливо равенство:

$$(\forall\, j \in \overline{1, n_i}) \wedge (\forall\, l \in \overline{1,4}):\ b_{jl}^{(e,i)} = a_{k_j^{(e)} l}^{(ij)}.$$

Отметим, что матрица $\boldsymbol{B}_i^{(e)} = \left\| b_{kl}^{(e,i)} \right\|_{\substack{k \in \overline{1, n_i} \\ l \in \overline{1,4}}}$ содержит данные о всех n_i операциях-работах, которые определяют *i*-й бизнес-процесс $B_i \in \boldsymbol{B}$ $(i \in \overline{1, n})$, являющийся оптимальным относительно выбранных четырех показателей для каждой операции относительно скаляризованного векторного критерия качества $\boldsymbol{F}_i = \{F_1^{(i)}, F_2^{(i)}, \ldots, F_{r_i}^{(i)}\}$.

2.6. Для имеющегося массива работ-операций, $\boldsymbol{R}(B_i) = \{R_1(B_i), R_2(B_i), \ldots, R_{n_i}(B_i)\}$, соответствующих рассматриваемому *i*-му бизнес-процессу $B_i \in \boldsymbol{B}$, из решения задачи 1 формируется оптимальная матрица $\boldsymbol{B}_i^{(e)} = \left\| b_{kl}^{(e,i)} \right\|_{\substack{k \in \overline{1, n_i} \\ l \in \overline{1,4}}}$, в которой для каждой k-й работы-операции $R_k(B_i) \in \boldsymbol{R}(B_i)$, $k \in \overline{1, n_i}$, содержится по четыре определяющих ее оптимальных параметра $(b_{k1}^{(e,i)}, b_{kl}^{(e,i)}, b_{kl}^{(e,i)}, b_{k4}^{(e,i)})$, т. е. каждая из операций полностью определена и в совокупности они определяют оптимальный массив работ-операций $\boldsymbol{R}^{(e)}(B_i) = \{R_1^{(e)}(B_1), R_2^{(e)}(B_i), \ldots,\ R_{n_i}^{(e)}(B_i)\}$.

2.7. Для каждого бизнес-процесса $B_i \in \boldsymbol{B}$, $i \in \overline{1, n}$ и соответствующего ему оптимального массива работ-операций $\boldsymbol{R}^{(e)}(B_i) = \{R_1^{(e)}(B_i), R_2^{(e)}(B_i), \ldots, R_{n_i}^{(e)}(B_i)\}$, на основании имеющихся ограничений и условий, в соответствии с правилами построения сетевой модели, решается задача ***сетевого моделирования*** – формирования соответствующей ему ***оптимальной сетевой модели*** $\boldsymbol{WM}_i^{(e)} = \boldsymbol{WM}(\boldsymbol{R}^{(e)}(B_i))$.

2.8. Для сформированной сетевой модели $\boldsymbol{WM}_i^{(e)} = \boldsymbol{WM}(\boldsymbol{R}^{(e)}(B_i))$ и данных из матрицы $\boldsymbol{B}_i^{(e)} = \left\| b_{kl}^{(e,i)} \right\|_{\substack{k \in \overline{1, n_i} \\ l \in \overline{1,4}}}$, которая содержит все данные, необходимые для описания всех оптимальных работ-операций $\boldsymbol{R}^{(e)}(B_i) = \{R_1^{(e)}(B_i), R_2^{(e)}(B_i), \ldots, R_{n_i}^{(e)}(B_i)\}$, решается задача ***построения критического пути*** – формирования ***критического или оптимального времени*** $\boldsymbol{T}_i^{(e)} = \boldsymbol{T}^{(e)}(B_i)$ для реализации рассматриваемого бизнес-процесса $B_i \in \boldsymbol{B}$ $(i \in \overline{1, n})$.

2.9. Для сформированной сетевой модели $\boldsymbol{WM}_i^{(e)} = \boldsymbol{WM}(\boldsymbol{R}^{(e)}(B_i))$, на основании найденного критического пути и данных из матрицы $\boldsymbol{B}_{i^{(e)}}^{(e)} = \left\| b_{kl}^{(e,i^{(e)})} \right\|_{\substack{k\in\overline{1,n_{i^{(e)}}} \\ l\in\overline{1,3}}}$, решается задача ***календарного планирования*** – формирования ***оптимального календарного графика*** $\boldsymbol{TG}_i^{(e)} = \boldsymbol{TG}(\boldsymbol{WM}_i^{(e)})$ – описания сроков для исполнения всех работ-операций $\boldsymbol{R}^{(e)}(B_i) = \{R_1^{(e)}(B_i), R_2^{(e)}(B_i), \ldots, R_{n_i}^{(e)}(B_i)\}$ в виде графика (диаграммы) Ганта, трехмерного графика (Шорикова) или в виде таблицы данных.

2.10. Выходным результатом оптимизации каждого рассматриваемого бизнес-процесса $B_i \in \boldsymbol{B}$, $i \in \overline{1,n}$ является кортеж данных $\boldsymbol{K}_i^{(e)} = \boldsymbol{K}^{(e)}(B_i) = (\boldsymbol{R}^{(e)}(B_i), \boldsymbol{F}_i^{(e)}, \boldsymbol{WM}_i^{(e)}, \boldsymbol{T}_i^{(e)}, \boldsymbol{TG}_i^{(e)})$, где $\boldsymbol{R}^{(e)}(B_i) = \{R_1^{(e)}(B_i),\ R_2^{(e)}(B_i), \ldots,\ R_{n_i}^{(e)}(B_i)\}$ – оптимальный набор работ-операций для реализации бизнес-процесса B_i; $\boldsymbol{F}_i^{(e)} = F_i^{(e)}$ – оптимальное значение векторного функционала $\boldsymbol{F}_i = \{F_1^{(i)}, F_2^{(i)}, \ldots, F_{r_i}^{(i)}\}$, оценивающего качество реализации бизнес-процесса B_i; $\boldsymbol{WM}_i^{(e)} = \boldsymbol{WM}(\boldsymbol{R}^{(e)}(B_i))$ – оптимальная сетевая модель, соответствующая бизнес-процессу B_i; $\boldsymbol{T}_i^{(e)} = \boldsymbol{T}^{(e)}(B_i)$ – оптимальное время реализации бизнес-процесса B_i; $\boldsymbol{TG}_i^{(e)} = \boldsymbol{TG}(\boldsymbol{WM}_i^{(e)})$ – оптимальный сетевой график для реализации бизнес-процесса B_i.

2.11. Для сформированной оптимальной сетевой модели $\boldsymbol{WM}_i^{(e)}$ и построенного оптимального календарного графика $\boldsymbol{TG}_i^{(e)}$, соответствующих каждому рассматриваемому бизнес-процессу $B_i \in \boldsymbol{B}$, $i \in \overline{1,n}$, разрабатывается соответствующий ***алгоритм адаптивного оптимального управления рассматриваемым бизнес-процессом***.

Этап III. На третьем этапе экономико-математического моделирования оптимизации управления бизнес-процессами предприятия субъект управления E, на основании реализации этапов I и II, формирует параметры, оценивающие качество функционирования бизнес-процессов предприятия, путем реализации следующей последовательности действий [4].

3.1. На основании выполненной на этапе II, субъектами управления E_i, $i \in \overline{1,n}$ оптимизации управления соответствующими им бизнес-процессами, формируются значения элементов кортежной матрицы $\boldsymbol{\Phi} = \left\| \Phi_{ij} \right\|_{\substack{i\in\overline{1,n} \\ j\in\overline{1,n}}}$, т. е. параметров, описывающих «вход-выход» для соответствующих векторов-ребер $Z_{ij} \in \boldsymbol{Z} = \left\| Z_{ij} \right\|_{\substack{i\in\overline{1,n} \\ j\in\overline{1,n}}}$,

$i \in \overline{1,n}$, $j \in \overline{1,n}$ (если они существуют между бизнес-процессами $B_i \in \boldsymbol{B}$ и $B_j \in \boldsymbol{B}$, т. е. при $Z_{ij} \neq \varnothing$; здесь также $\Phi_{ij} \neq \varnothing$) в сформированной на этапе I семантической сети; каждый кортеж $\Phi_{ij} = \Phi_{ij}(\boldsymbol{K}_i^{(e)}) = \Phi_{ij}(\boldsymbol{K}_i^{(e)}(B_i))$, т. е. соответствует кортежу данных, сформированному субъектом управления E_i ($i \in \overline{1,n}$) на основании решения соответствующей оптимизационной задачи на этапе II.

3.2. Субъектом управления E формируется оценочный функционал $\boldsymbol{F}: \boldsymbol{\Phi} \to \mathbf{R}^1$, значения которого определяются по формуле:

$$\boldsymbol{F}(\boldsymbol{\Phi}) = \sum_{i=1}^{n} \beta_i F_i(\Phi_{ij})\Big|_{\Phi_{ij} \neq \varnothing}; \ \sum_{i=1}^{n} \beta_i \Big|_{\Phi_{ij} \neq \varnothing} = 1; \ \forall i \in \overline{1,n}: \ \beta_i \geq 0, \tag{3}$$

где $\forall i \in \overline{1,n}: \Phi_{ij} \neq \varnothing$, $F_i: \Phi_{ij} \to \mathbf{R}^1$ есть функционал, оценивающий качество кортежа $\Phi_{ij} = \Phi_{ij}(\boldsymbol{K}_i^{(e)}) = \Phi_{ij}(\boldsymbol{K}_i^{(e)}(B_i))$, описывающего «вход-выход» для соответствующих бизнес-процессов $B_i \in \boldsymbol{B}$ и $B_j \in \boldsymbol{B}$, если $\Phi_{ij} \neq \varnothing$, т. е. значение которого $F_i(\Phi_{ij})\Big|_{\Phi_{ij} \neq \varnothing}$ есть «длина» этого кортежа. Весовые коэффициенты $\beta_i \geq 0, i \in \overline{1,n}$ определяются экспертным путем, в зависимости от значимости для субъекта управления E соответствующих бизнес-процессов $B_i \in \boldsymbol{B}$, $i \in \overline{1,n}$.

3.3. Полученные в результате выполнения блока I-III результаты:

1) семантическая сетевая модель $\boldsymbol{SW}(\boldsymbol{B})$, которая полностью описывается кортежной матрицей $\boldsymbol{Z} = \left\| Z_{ij} \right\|_{\substack{i \in \overline{1,n} \\ j \in \overline{1,n}}}$;

2) для каждого рассматриваемого бизнес-процесса $B_i \in \boldsymbol{B}$, $i \in \overline{1,n}$ кортеж данных $\boldsymbol{K}_i^{(e)} = \boldsymbol{K}^{(e)}(B_i) = (\boldsymbol{R}^{(e)}(B_i), \boldsymbol{F}_i^{(e)}, \boldsymbol{WM}_i^{(e)}, \boldsymbol{T}_i^{(e)}, \boldsymbol{TG}_i^{(e)})$, где $\boldsymbol{R}^{(e)}(B_i) = \{R_1^{(e)}(B_i), R_2^{(e)}(B_i), \ldots, R_{n_i}^{(e)}(B_i)\}$ – оптимальный набор работ-операций для реализации бизнес-процесса B_i; $\boldsymbol{F}_i^{(e)} = F_i^{(e)}$ – оптимальное значение векторного функционала $\boldsymbol{F}_i = \{F_1^{(i)}, F_2^{(i)}, \ldots, F_{r_i}^{(i)}\}$, оценивающего качество реализации бизнес-процесса B_i; $\boldsymbol{WM}_i^{(e)} = \boldsymbol{WM}(\boldsymbol{R}^{(e)}(B_i))$ – оптимальная сетевая модель, соответствующая бизнес-процессу B_i; $\boldsymbol{T}_i^{(e)} = \boldsymbol{T}^{(e)}(B_i)$ – оптимальное время реализации бизнес-процесса B_i; $\boldsymbol{TG}_i^{(e)} = \boldsymbol{TG}(\boldsymbol{WM}_i^{(e)})$ – оптимальный сетевой график для реализации бизнес-процесса B_i;

3) значение оценочного функционала $\boldsymbol{F}(\boldsymbol{\Phi}) = \sum_{i=1}^{n} \beta_i F_i(\Phi_{ij})\Big|_{\Phi_{ij} \neq \varnothing}$; – отображаются в форме, удобной для субъекта управления E и субъектов управления $B_i \in \boldsymbol{B}$, $i \in \overline{1,n}$.

Литература

1. Репин В. В. Бизнес-процессы. Моделирование, внедрение, управление. – М. : Манн, Иванов и Фербер, 2013.
2. Шориков А. Ф., Виноградова Е. Ю. Динамическая оптимизация комплексного управления технологическими процессами на предприятии // Известия Уральского гос. экон. ун-та. – 2007. – № 1 (18). – С. 254–266.
3. Шориков А. Ф., Рассадина Е. С. Многокритериальная оптимизация формирования ассортимента продукции предприятия // Региональная экономика. Научный информационно-аналитический экономический журнал РАН. – 2010. – № 2 (22). – С. 189–196.
4. Лотов А. В. Введение в экономико-математическое моделирование. – М. : Наука. Главная редакция физико-математической литературы, 1984.

Olga Vladimirovna Karpova,
Candidate of Economics, Deputy Dean of Business
and Management Department,
Liberal Arts University – University for Humanities
(Ekaterinburg)
Andrey Fedorovich Shorikov,
Doctor of Physics and Mathematics, Professor,
Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin
(Ekaterinburg)

Economic and Mathematical Model of Optimization of Management of Business-processes on the Enterprises

The paper describes a multifunctional enterprise, the functioning of which is provided by the presence of a certain technology, implemented on the basis of a number of business processes [1] that meet the specified technical and economic, information and other conditions and restrictions. It is assumed that there is a subject of enterprise management E, which is interested in optimizing the management of business processes of the enterprise in order to implement its effective functioning.

Key words: optimization; economic and mathematical model; business processes; product range; technology; network model.

УДК 336.71.078.3

Н. Н. Мокеева*, Е. А. Лыкова, А. М. Солодкая*****

Направления реформирования банковской системы Российской Федерации

Настоящая статья посвящена актуальным вопросам реформирования банковской системы РФ. В работе рассмотрен федеральный закон о разделении уровней национального банковского сектора в рамках совершенствования банковской сферы. С целью повышения финансовой устойчивости банковской системы РФ мегарегулятор проводит планомерную работу по ее развитию и стабилизации. В ходе внедрения Базельских стандартов и необходимого повышения результативности банковского надзора Центральный банк РФ принял решение о переходе к пропорциональному регулированию. Проанализированы предпосылки перехода к данному виду банковского регулирования. Также представлены основные предложения, выдвинутые банковским сообществом в ответ на действия Центрального банка РФ. Оценены перспективы введения данных изменений и их влияние на участников банковского рынка и современную экономическую конъюнктуру.

Ключевые слова: банковская система; лицензирование; пропорциональное регулирование; Центральный банк РФ; коммерческий банк.

Введение

В условиях рыночной экономической модели коммерческие банки, аккумулируя и размещая свободные денежные средства экономических субъектов, играют ключевую роль в обеспечении развития как банковской системы, так и всей экономики государства в целом. В современных условиях, осложненных конъюнктурой мирового рынка, экономическими санкциями и политическими условиями, для увеличения темпов роста национальной экономики особенно важно стабильное и эффективное функционирование банковской системы страны. Ввиду существенной значимости банковского сектора, в обеспечении его устойчивости важную роль играет осуществление рационального банковского регулирования и надзора.

Анализ

Российская банковская система, как и вся экономическая система страны, отличается высоким уровнем диспропорций: в ней наряду с крупнейшими банками, доля которых в совокупных активах составляет более 90 %, осуществляет свою деятельность множество средних и малых банков [16]. Роль данных банков заключается главным образом в кредитовании и обслуживании средних и малых субъектов реального сектора экономики. Таким образом, в рамках внедрения Базельских стандартов и повышения результативности банковского надзора Цен-

* **Наталья Николаевна Мокеева**, канд. экон. наук, доцент кафедры финансов, денежного обращения и кредита ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина» (Екатеринбург).

E-mail: natmokeeva@yandex.ru

** **Елизавета Андреевна Лыкова**, магистрант кафедры финансов, денежного обращения и кредита ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина» (Екатеринбург).

E-mail: e.a.lykova@mail.ru

*** **Анастасия Марсельевна Солодкая**, магистрант кафедры финансов, денежного обращения и кредита ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина» (Екатеринбург).

E-mail: solodkya_anast@mail.ru

© Н. Н. Мокеева, Е. А. Лыкова, А. М. Солодкая, 2018

тральный банк РФ принял решение о переходе к пропорциональному регулированию.

Пропорциональное регулирование в банковской сфере означает, что уровень требований, предъявляемых к банкам, должен соответствовать набору совершаемых банковских операций и объему рисков, которые банк берет на себя [12]. Стоит отметить, что речь идет не о смягчении регулирования, а об упрощении этого регулирования для менее крупных банковских субъектов. Для осуществления данного перехода мегарегулятор в июне 2016 года предложил выделение нового вида кредитной организации – регионального банка.

Планировалось, что региональный банк – кредитная организация, величина активов которой не превышает 7 миллиардов рублей, имеющая право осуществлять банковские операции, предусмотренные настоящим Федеральным законом, исключительно на территории субъекта Российской Федерации, в котором находится постоянно действующий исполнительный орган кредитной организации, и на территории субъектов Российской Федерации, граничащих с ним. Минимальный размер уставного капитала регионального банка и минимальный размер собственных средств остается на прежнем уровне и составляет 300 млн руб. [4].

К числу таких банков планировалось отнести относительно небольшие кредитные организации с ограниченным кругом наиболее простых банковских операций. Их бизнес-модель, по мнению Центрального банка РФ, должна заключаться в привлечении денежных средств от юридических и физических лиц конкретного региона и их размещение в кредиты бизнесу и населению с минимальными рисками в этом же регионе.

В целях снижения издержек банков и повышения доступности банковских услуг населению было запланировано ввести следующие регулятивные послабления. Для региональных банков количество обязательных нормативов будет снижено до пяти. К ним будут относиться два норматива достаточности собственных средств: совокупного и основного капитала; норматив текущей ликвидности, и два норматива концентрации кредитного риска: на одного заемщика (группу связанных заемщиков) и на связанное с банком лицо (группу связанных лиц). Будут упрощены и требования к раскрытию информации [Там же].

Однако также предлагалось ввести и ряд значительных ограничений в деятельности региональных банков. Так, данные банки не могут проводить трансграничные операции и операции с нерезидентами, а межбанковские операции обязаны будут осуществлять через центрального контрагента. Согласно предложенной концепции региональные банки должны работать только на территории конкретных субъектов РФ, открывать отделения за их пределами запрещено.

Банковское сообщество выступило за внедрение пропорционального регулирования, однако разделение банков на федеральные и региональные требует подробного анализа и доработки. По мнению кредитных организаций, предложенные ограничения в операциях приведут к значительному снижению прибыли, ограничению конкуренции и ухудшению качества обслуживания клиентов. Территориальное ограничение деятельности предполагает закрытие банками своих обособленных и внутренних структурных подразделений, что приведет к значительному сокращению активов, а необходимость наличия отделений в Москве обусловлена нахождением там большого количества контрагентов региональных клиентов и удобностью проведения множества операций. В результате диалога с банковским сообществом Центральный банк РФ отказался от данной модели деления банков, проанализировав комментарии и предложения кредитных организаций, им был выработан новый подход к реализации пропорционального регулирования.

В сентябре 2016 года идея пропорционального лицензирования банковского сектора была скорректирована. Центральный банк РФ отказался от ранее выска-

занного предложения о разделении банков на региональные и федеральные. Согласно новой концепции банки будут подразделяться на банки с универсальной лицензией и банки с базовой лицензией. В 2017 г. эта идея была реализована и вступили в силу поправки к Федеральному закону «О банках и банковской деятельности» [6].

Принципиальное отличие указанных видов лицензий заключается в объеме операций, которые смогут осуществлять банки. Так, банкам с универсальной лицензией будет доступен широкий спектр операций, характерный для всех банков в текущий момент. Таким образом, для банков данной категории кардинальных изменений не предвидится. Банки с базовой лицензией смогут рассчитывать только на ограниченный набор банковских операций.

Одной из особенностей данной классификации будут выступать различия в проведении банковского регулирования. Центральный банк РФ продолжает настаивать на механизме пропорционального регулирования: банки с универсальной лицензией будут обязаны отвечать по всем требованиям Центрального банка РФ, когда к банкам с базовой лицензией будет применено упрощенное регулирование.

Согласно закону, минимальный размер уставного капитала, как и собственных средств, для банка с универсальной лицензией устанавливается в размере одного миллиарда рублей, для банка с базовой лицензией – в сумме трехсот миллионов рублей.

В законе устанавливается перечень операций, входящих в компетенцию банка с базовой лицензией, в том числе привлечение денежных средств во вклады физических и юридических лиц, размещение данных средств физическим лицам, являющимся резидентами РФ, а также в отдельных случаях юридическим лицам, зарегистрированным в соответствии с законодательством РФ, открытие и ведение банковских счетов физических и юридических лиц, осуществление переводов денежных средств по поручению физических и юридических лиц, инкассирование денежных средств, векселей, платежных и расчетных документов и осуществление кассового обслуживания физических и юридических лиц, купля-продажа иностранной валюты в наличной и безналичной формах, привлечение во вклады драгоценных металлов и размещение их, выдача банковских гарантии субъектам, указанным в законе, а также осуществление переводов денежных средств без открытия банковских счетов, в том числе электронных денежных средств (за исключением почтовых переводов). Не допускается открытие банком с базовой лицензией корреспондентских счетов в иностранных банках, за исключением открытия банковского счета в иностранном банке для целей участия в иностранной платежной системе [5].

Банковское сообщество незамедлительно отреагировало на заявление Центрального банка РФ и высказало свое отношение к предлагаемой реформе банковского сектора. В ходе изучения предлагаемых изменений были выявлены ключевые проблемы. По мнению банков, изменение статуса банка на статус банка с базовой лицензией в большей степени будет сопряжено с репутационным риском, чем с преимуществами. Банки отмечают, что переход к базовой лицензии должен стать незаметным для клиентов, чтобы не повлечь за собой оттока денежных средств из кредитной организации. Также ограничение по кредитованию крупных компаний является одной из главных причин недовольства банковского сектора при оценке предлагаемых изменений. Большинство некрупных банков не только имеют клиентов, отвечающих критериям малого и среднего предпринимательства, но и кредитуют относительно крупные компании, а также компании с государственным участием, не подпадающие под критерии малого и среднего предпринимательства. При ограничении кредитования в скором времени последует изме-

нение кредитного портфеля банка, вследствие перехода данных предприятий на обслуживание в другой банк. Данное изменение в кредитном портфеле повлечет снижение устойчивости ресурсной базы и уменьшение прибыли банков. Запрет на открытие корреспондентских счетов в иностранных банках может негативно сказаться на банках, осуществляющих свою деятельность на приграничных территориях. Это замедлит расчеты и также приведет к переходу клиентов, осуществляющих внешнеэкономическую деятельность, в другие финансово-кредитные институты.

На текущий момент можно констатировать, что закон о разделении банковских лицензий принят и вступил в силу. В процессе подготовки закона к рассмотрению Государственной Думой документ претерпел некоторые изменения. Центральный банк РФ прислушался к мнению банков, и в новой редакции законопроект был представлен с некоторыми поправками.

Так, например, теперь банк с базовой лицензией вправе осуществлять банковские операции с гражданами РФ либо иностранными гражданами или лицами без гражданства, пребывающими или проживающими в РФ. В прежней редакции содержалось требование совершения указанных операций только с валютными резидентами РФ. Возможно, данное изменение связано с тем, что заранее уже практически принято решение о судьбе закона, предусматривающего изменения валютного законодательства в части признания всех граждан РФ валютными резидентами.

Банку с базовой лицензией, помимо субъектов малого или среднего предпринимательства, предоставляется право кредитовать государственные и муниципальные унитарные предприятия, если они соответствуют характеристикам малых и средних предприятий. Если субъект малого или среднего предпринимательства, а также государственное или муниципальное унитарное предприятие, соответствующее условиям отнесения хозяйствующих субъектов – юридических лиц к малым или средним предприятиям, перестает соответствовать условиям отнесения его к таковым, то банк с данной лицензией вправе продолжать осуществление банковских операций и сделок на основании ранее заключенных договоров с указанными субъектами, но не более 5 лет с даты внесения записи о его исключении из единого реестра [15].

Ограничение на кредитование крупных экономических субъектов было пересмотрено. Согласно новым положениям закона, банк с базовой лицензией может кредитовать российских юридических лиц, если максимальный размер риска на одного заемщика не превышает 20 % размера собственного капитала банка. Это говорит о том, что банк с базовой лицензией вправе кредитовать любые российские предприятия, но с ограничением суммы кредита в пределах 20 % от величины собственных средств, тогда как в данный момент все банки, а в дальнейшем банки с универсальной лицензией ограничены размером риска в пределах 25 %, согласно установленному обязательному нормативу Центрального банка РФ [16].

Стоит отметить, что банк с базовой лицензией может осуществлять банковские операции только с теми субъектами, которые указаны в законе. Помимо этого, данные банки не имеют права осуществлять лизинговые операции, выдавать поручительства и приобретать права требования в отношении субъектов, не указанных в законе.

Согласно документу, с момента вступления в силу закона все действующие банки РФ признаются банками с универсальной лицензией. Генеральная лицензия будет действовать до момента получения банком новой лицензии на осуществление банковских операций. С 1 января 2018 года минимальный размер капитала банка с универсальной лицензией устанавливается в размере 1 млрд рублей. Требования к этим банкам будут применяться в полном объеме [1]. В таблице авторы

обобщили критерии отличия между банками с базовой и универсальной лицензиями, демонстрирующие, что роль банков на рынке будет принципиально отличаться.

Таблица

Критерии отличия между банками с базовой и универсальной лицензиями [16]

Критерий отличия	Базовая лицензия	Универсальная лицензия
Требования к капиталу	Минимум 300 млн рублей	Минимум 1 млрд рублей
Банковские операции	Все банковские операции за некоторым исключением*	Все банковские операции
Соблюдение нормативов	5 нормативов**	Все действующие нормативы
Нормативы обязательных резервов [8]	Нормативы обязательных резервов и коэффициент усреднения обязательных резервов не могут быть выше устанавливаемых банками с универсальной лицензией	Сохранение действующих нормативов обязательных резервов и коэффициента усреднения обязательных резервов
Требования международных стандартов	Неприменение технически сложных международных стандартов	Все требования международных стандартов
Требования по российской отчетности и МСФО	Снижение требований по отчетности, включая МСФО	Полная отчетность и МСФО
Участие в международных операциях	Международные операции через корреспондентские счета в банках с универсальной лицензией	Международные операции
Операции с ценными бумагами [1]	Совершение операций и сделок с ценными бумагами первого (высшего) котировального списка Московской биржи	Совершение операций и сделок с любыми ценными бумагами

* *Примечание:* Исключение составили: 1) размещение денежных средств, привлечение во вклады и размещение драгоценных металлов, выдача банковских гарантий юридическим лицам и физическим лицам-нерезидентам; 2) лизинговые операции с нерезидентами и выдача им поручительств; 3) открытие банковских (корреспонденских) счетов у банков-нерезидентов за исключением участия в платежной системе [1].

** 5 нормативов, установленных законодательно:

- два норматива достаточности капитала (совокупного и основного);
- один норматив текущей ликвидности;
- два норматива концентрации кредитного риска. По нормативу Н6 с 01.01.2018 устанавливается переходный период на 5 лет, в течение которого по существующим на 31.12.2017 активам при расчете норматива применяется коэффициент 0,8 [1].

Главным количественным критерием отнесения банков к разным уровням лицензий является минимальный размер уставного капитала и собственных средств. Ниже на рисунке 1 представлена динамика количества кредитных организаций с капиталом разного размера за несколько последних лет.

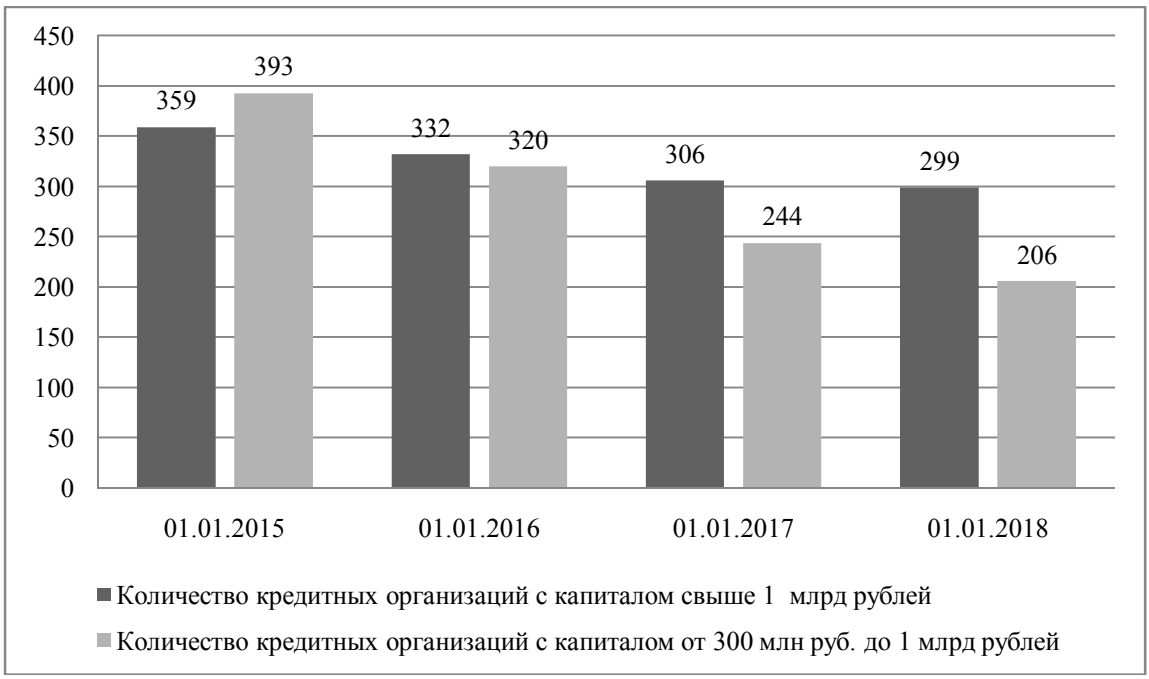


Рис. 1. Количество кредитных организаций с различным размером капитала [16]

Из представленного рисунка можно сделать вывод о том, что за весь исследуемый период соотношение банков с капиталом от 300 млн рублей до 1 млрд рублей и банков с капиталом свыше 1 млрд рублей остается практически неизменным и меняется незначительно. Таким образом, согласно данным Центрального банка РФ, около 55 % всех кредитных организаций могут приобрести статус банка с универсальной лицензией [16]

Весьма показательным на фоне преобразований можно продемонстрировать, как меняется доля нерезидентов в банковской системе России (рис. 2).

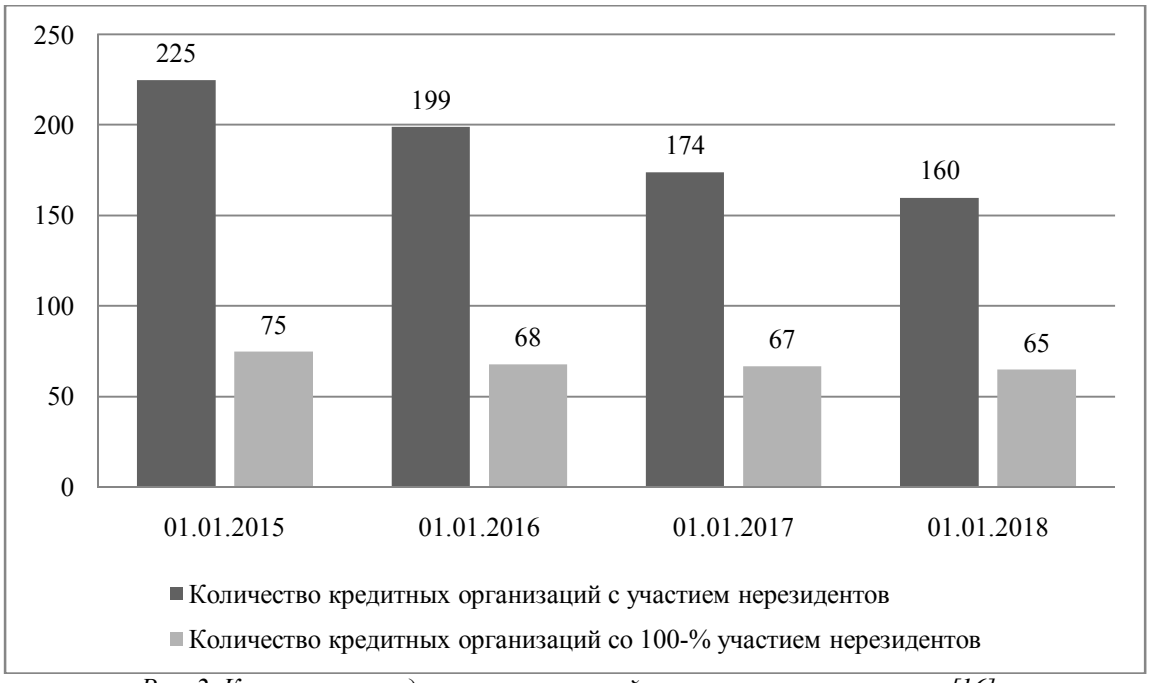


Рис. 2. Количество кредитных организаций с иностранным участием [16]

Таким образом, явно наблюдается тенденция постепенного ухода нерезидентов из банковской системы России. Обосновать это можно тремя причинами:

1) введением санкций в отношении России; 2) отзывом лицензий у кредитных организаций; 3) уходом по собственной инициатие по причине достаточно высоких рисков в части ведения бизнеса.

Исходя из вышесказанного, для остальных коммерческих банков в рамках перехода к пропорциональному регулированию банковской деятельности будет применяться более упрощенная система, заключающаяся в снижении предъявляемых требований. В соответствии с наделяемыми полномочиями, к данным банкам не будут применяться сложные процедуры контроля за рисками, предусмотренные Базельскими соглашениями.

Это действие достаточно обоснованно, так как выросло количество отозванных банковских лицензий по причине невыполнения банками всех требований, предъявляемых мегарегулятором. Стоит отметить, что лицензии отзываются преимущественно у средних и мелких участников банковского рынка. Динамику данного показателя можно увидеть на рис. 3.

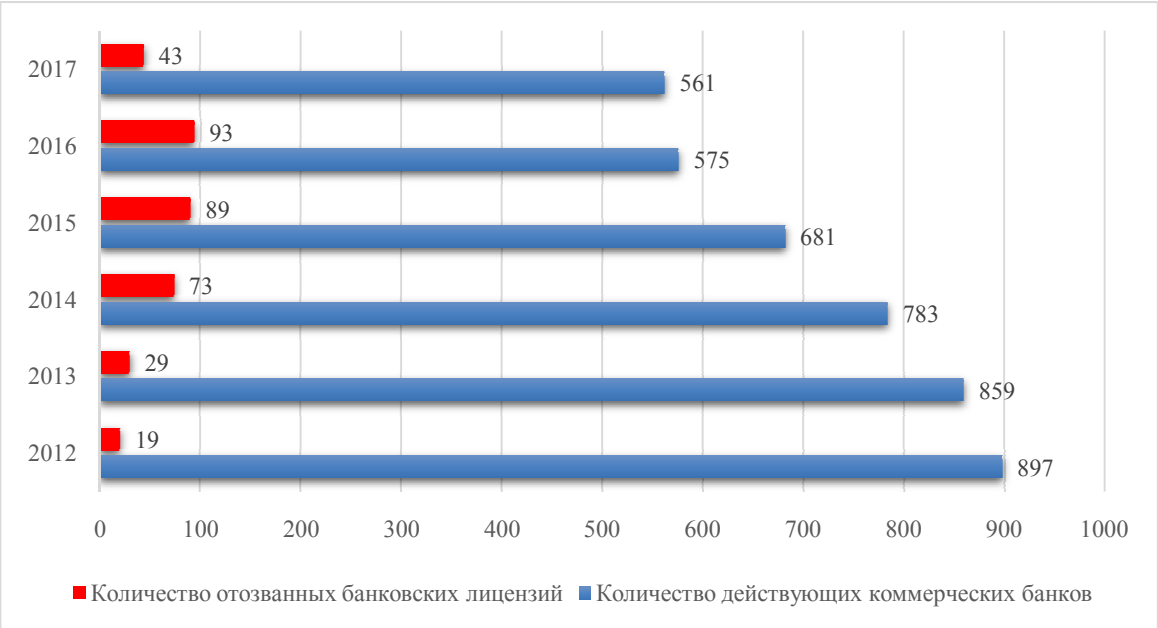


Рис. 3. Отзыв лицензий коммерческих банков в РФ за 2012–2017 гг. [6]

В условиях современной экономической ситуации, сложившейся в Российской Федерации, а также последовательного внедрения положения Базеля III, Центральный банк РФ продолжает ужесточать требования к деятельности субъектов банковского сектора. Без внедрения пропорционального регулирования, соразмерного осуществляемым операциям коммерческих банков, тенденция, сложившаяся на банковском рынке, может усилиться, что приведет к уходу с него средних и мелких коммерческих банков. Результатом чего может стать еще большее увеличение концентрации и диспропорции в национальной банковской системе.

Заключение

Подводя итог, отметим, что закон о разделении банков на банки с универсальной и базовой лицензией принят и вступил в силу, и 2018 год позволит оценить эффект от данных изменений. Однако, несмотря на результаты введения новых требований, Центральный банк РФ не планирует отступать от предложенной идеи об усовершенствовании банковской системы, с учетом современной экономической конъюнктуры.

Литература

1. О банках и банковской деятельности [Электронный ресурс] : федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1-ФЗ. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5842/ (дата обращения: 21.07.2018).

2. О Центральном банке Российской Федерации (Банке) : федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ (дата обращения: 21.07.2018).

3. О несостоятельности (банкротстве) : федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (дата обращения: 21.07.2018).

4. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс] : федеральный закон от 01.05.2017 № 84-ФЗ. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216065/ (дата обращения: 21.07.2018).

5. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в Федеральный закон «О банках и банковской деятельности» (в редакции Федерального закона от 3 февраля 1996 года № 17-ФЗ) : федеральный закон, принятый Государственной Думой Федерального Собрания РФ в III чтении 21.04.2017 (дата обращения: 21.07.2018).

6. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в Федеральный закон «О банках и банковской деятельности» (в редакции Федерального закона от 3 февраля 1996 года № 17-ФЗ) : проект федерального закона, 2016 (дата обращения: 21.07.2018).

7. Об обязательных нормативах банков [Электронный ресурс] : инструкция Банка России от 28.06.2017 № 180-И. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_220206/ (дата обращения: 27.04.2018) (дата обращения: 21.04.2018).

8. Об обязательных резервных требованиях : Указание Банка России от 13.10.2017 г. № 4604 (дата обращения: 21.04.2018).

9. Банковская система в современной экономике : учеб. пособие / под ред. О. И. Лаврушина. – 2-е изд. – М. : КНОРУС, 2016. 360 с.

10. Банковское дело : в 5 т. – Т. 1 : Деньги, кредит, банки : учебник / под ред. Ю. А. Ровенского, Г. А. Бунич Н. Н., Наточеева Ю. Ю. Русанов и др. Серия : Банковское дело. – М. : Проспект, 2017. – 320 с.

11. Банковское регулирование и надзор : учебник / под ред. Ю. А. Ровенского и др. – М. : Проспект, 2015. – 408 с.

12. Зудина Л. В. Государственное регулирование банковского сектора экономики РФ // Проблемы современной экономики (Новосибирск). – 2016. – № 30. – С. 35–40.

13. Международные валютно-кредитные отношения : учеб. пособие / Н. Н. Мокеева, Е. Г. Князева, Л. И. Юзвович, В. Б. Родичева, В. Е. Заборовский и др. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. – 296 с.

14. Ольшаный А. Н. Банковское кредитование : учебник для вузов. – М. : Инфра-М, 2014. – 379 с.

15. Информационное агентство «Банки.ру» [Электронный ресурс]. – URL: http://www.banki.ru (дата обращения: 24.07.2018).

16. Официальный сайт Центрального банка Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: http://www.cbr.ru/ (дата обращения: 24.07.2018).

17. Сайт информационного агентства «РБК». – URL: http://www.rbc.ru/ (дата обращения: 27.07.2018).

18. Сайт издания «Коммерсант». – URL: https://www.kommersant.ru/ (дата обращения: 21.07.2018).

19. Сайт электронного периодического издания «Ведомости». – URL: https://www.vedomosti.ru/ (дата обращения: 18.07.2018).

20. Сайт информационного агентства «Bankir.Ru». – URL: http://bankir.ru (дата обращения: 25.07.2018).

Natalia Nikolaevna Mokeeva,
Candidate of Economics, Associate Professor of Department of Finance,
the Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin
(Ekaterinburg)
Elizaveta Andreevna Lykova,
Master Student, Department of Finance, Money Circulation and Credit,
the Ural Federal University named after First President of Russia B. N. Yeltsin
(Ekaterinburg)
Anastasia Marcelevna Solodkaya,
Master Student, Department of Finance, Money Circulation and Credit,
the Ural Federal University named after First President of Russia B. N. Yeltsin
(Ekaterinburg)

The Direction of Reform the Banking System of the Russian Federation

This article is devoted to topical issues of the banking system reform in the Russian Federation. The paper considers the Federal law on the division of the levels of the national banking sector in the framework of improving the banking sector. In order to improve the financial stability of the Russian banking system, the mega-regulator is carrying out systematic work on its development and stabilization. During the implementation of the Basel standards and the necessary improvement in the effectiveness of banking supervision, the Central Bank of the Russian Federation decided to move to proportional regulation. The prerequisites for the transition to this type of banking regulation are analyzed. The main proposals put forward by the banking community in response to the actions of the Central Bank of the Russian Federation are also presented. The prospects of introducing these changes and their impact on the participants of the banking market and the current economic situation are evaluated.
Key words: bank system; licensing; pro rata regulation; Central Bank of Russian Federation; commercial bank.

УДК 338.26:314.7

А. А. Тарасьев*

Моделирование и оценка влияния потоков внешней трудовой миграции на экономику принимающих субъектов

В данной статье представлено модельное описание влияния трудовой миграции на развитие экономических систем в странах миграции. Следует подчеркнуть, что трудовая миграция является одним из основных факторов развития рынка труда. Приток мигрантов в регион должен соответствовать потребностям в трудовых ресурсах на рынке труда. Для оценки и прогнозирования миграционных потоков между странами с различным уровнем социально-экономического развития была разработана динамическая многофакторная модель, основанная на положениях теории позиционных игр и позволяющая прогнозировать поведение индивида в зависимости от экономических факторов. Модель позволяет отследить зависимость уровней заработной платы на рынках труда от количества трудящихся мигрантов. С помощью динамической модели описаны процессы внешней трудовой миграции, а также рассмотрено их влияние на внутреннюю динамику региональных рынков труда. В соответствии с основной идеей модели, потенциальные мигранты имеют информацию о различии условий жизни и работы в обеих странах происхождения и миграции. На заключительном этапе моделирования проведена оценка влияния миграции на развитие социально-экономических систем в странах миграции, с использованием подхода, основанного на производственной функции типа Кобба–Дугласа.

Ключевые слова: динамическое моделирование; позиционные игры; производственная функция Кобба–Дугласа; теория игр; трудовая миграция; миграционный потенциал; рынок труда; миграционная политика; неоклассическая экономическая теория.

Реализация государством конструктивной миграционной политики, основанной на положениях концепций социально-экономического развития регионов, является одним из важнейших инструментов регулирования динамики развития национальной экономики. Трудовая миграция в Россию из других стран является важной предпосылкой устойчивого экономического развития страны. Важным фактором, определяющим необходимость привлечения иностранной рабочей силы для обеспечения устойчивого развития экономической системы, является продолжающийся демографический кризис [1]. Поскольку наиболее серьезный рост смертности пришелся на мужчин в трудоспособном возрасте, данная ситуация приводит к серьезным последствиям для численности и возрастного состава населения в долгосрочной перспективе.

В данной работе представлено модельное описание влияния трудовой миграции на развитие экономических систем в странах миграции. Причины миграции могут быть экономическими, социальными, политическими или экологическими. В принципе, существуют два типа миграции, такие как внутренняя миграция и внешняя миграция. В этой статье мы сосредоточим внимание на международной миграции. Международная трудовая миграция определяется как перемещение людей из одной страны в другую с целью трудоустройства [2]. Трудящиеся-мигранты обычно являются случайными и неквалифицированными рабочими, которые систематически переезжают из одного региона в другой, предлагая свои услуги на временной основе.

* **Александр Александрович Тарасьев,** младший научный сотрудник, Научно-исследовательская лаборатория по проблемам университетского развития, УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина; преподаватель факультета бизнеса и управления, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

E-mail: alextarassiev@mail.ru

© А. А. Тарасьев, 2018

Трудовые мигранты необходимы как для отправляющих, так и для принимающих стран. Страны происхождения получают выгоду от трудовых мигрантов, поскольку они освобождаются от безработицы и получают денежные переводы для национального развития [3]. С другой стороны, страны назначения могут хорошо управлять предложением рабочей силы для удовлетворения нехватки рабочей силы. Поэтому трудящиеся-мигранты являются неотъемлемой частью экономического развития как для стран происхождения, так и для стран назначения. Миграционный поток существенно влияет на бизнес-цикл страны. Под бизнес-циклом подразумевается чередование взлетов и падений экономики, которое является неотъемлемой частью экономического развития страны [4].

Благодаря бизнес-циклам иммиграция помогает снизить заработную плату рабочих на рабочем месте, но также увеличивает стимулы для фирм инвестировать в среднесрочной перспективе в интересах коренного населения. Однако иммиграция может оказать положительное влияние на экономику стран назначения по многим другим каналам, помимо чистого расширения предложения рабочей силы. В случае квалифицированной миграции иммигранты могут стимулировать инновации, поскольку они приносят новые идеи, знания и навыки и повышают производительность. С другой стороны, они усиливают конкуренцию на рынке труда и влияют на специализацию коренного населения.

Стабильность потоков трудовой миграции из стран СНГ в регионы Российской Федерации объясняется стремлением индивида повысить свой уровень жизни за счет дифференциации социально-экономического развития территорий отправления и притяжения миграции [5]. Динамика миграционных потоков между странами СНГ и Российской Федерацией может претерпеть существенные изменения в условиях повышения уровня жизни и стабилизации экономической ситуации в странах ближнего зарубежья.

Трудовые мигранты устремляются в регионы, характеризующиеся развитой инфраструктурой и высоким уровнем жизни. При рассмотрении миграционных процессов между странами СНГ и регионами УрФО объем и направленность потока мигрантов будет зависеть от уровня экономических благ, которые возможно получить, работая в выбранном регионе. Анализ уровня общего экономического развития территории необходимо проводить с учетом энергетической составляющей, основополагающую роль в которой играет энергетическая безопасность [6].

При моделировании традиционно учитываются такие экономические факторы выталкивания и притяжения трудовых ресурсов, как уровень безработицы, общее число вакансий, численность мигрирующего населения в год. Выбор индивидом определенного региона для миграции напрямую зависит от степени развитости рынка труда и инфраструктуры в данном регионе. На макроэкономическом уровне одним из основных стимулов для миграции является наличие или отсутствие высокооплачиваемой работы и возможности трудоустройства на условиях, удовлетворяющих индивида, что является актуальным для молодых людей при поиске работы [7]. Таким образом, при рассмотрении миграционных процессов между двумя регионами одним из самых сильных выталкивающих факторов является невозможность найти работу, при этом наиболее важным фактором притяжения является высокий доход работающего населения в принимающем регионе [8].

Необходимо отметить, что одним из наиболее привлекательных факторов для молодых людей является возможность получения хорошего образования, а впоследствии – хорошо оплачиваемой работы [9]. Также на принятие решения о миграции влияет уровень предоставления общественных благ, таких как дошкольное воспитание, начальная школа, здравоохранение, низкий уровень преступности и развитость инфраструктуры [10].

Ввиду повышения влияния миграционных процессов на социально-экономическую составляющую развития региональных экономических систем необходимо моделирование и построение прогноза миграционных потоков, отражающего их временную динамику и описывающего тренды в перераспределении рабочей силы по регионам в текущем периоде [11].

При составлении модели, отражающей динамику передвижения трудовых ресурсов между территориями, необходимо рассмотреть основные тренды миграции и оценить степень привлекательности территории для миграции. Одним из немаловажных факторов увеличения потока трудовых мигрантов в регион являются так называемые миграционные сети, под которыми понимается набор межличностных связей, соединяющих мигрантов, бывших мигрантов и немигрантов между собой посредством отношений родства, дружбы и общего социального происхождения [12].

При достижении миграционными сетями определенного уровня развития миграция приобретает характер самоподдерживающегося процесса. Целью миграции в данной ситуации становится максимизация доходов не отдельного человека, а сообщества людей, которые будут делить между собой как расходы, так и доходы от миграции одного члена сообщества. Также в новой экономической теории миграции подчеркивается значимость такого фактора, как уровень доходов окружения семьи [13]. Неудовлетворенность своим социальным положением на родине может побудить членов семьи к миграции с целью увеличения доходов [14]. В нашей работе влияние миграционных сетей на систему миграции определяется с помощью показателя $x_{ij}\left(t_p\right)$.

Динамическая модель прогнозирования трудовой миграции предполагает, что каждый участник миграционного процесса будет принимать решение о перемещении из страны отправления i в регион притяжения j, основываясь на сравнении уровней заработной платы в регионах отправления и притяжения (w_i и w_j соответственно). Таким образом, решение о миграции будет принято в случае, если разница между заработком в стране происхождения и регионе назначения мигранта будет положительной, т. е. w_j-$w_i > 0$. В модели рассматривается n регионов притяжения и m стран отправления мигрантов и предполагается устранение всех препятствий для мобильности рабочей силы в соответствии с основной концепцией либеральной модели развития. В процессе моделирования предполагалось, что на зарплату в стране отправления w_i будет влиять численность трудовых мигрантов из страны отправления i, находящихся в n регионах притяжения, а зарплата в регионе притяжения w_j будет зависеть от численности трудовых мигрантов из m стран отправления, находящихся в регионе притяжения j.

Соответственно, принятие индивидом решения о переезде в другой регион или страну может быть представлено в следующем виде:

1) $w_j\left(t_p\right) - w_i\left(t_p\right) > 0$ – решение о миграции из страны i в регион j будет положительным;

2) $w_j\left(t_p\right) - w_i\left(t_p\right) < 0$ – будет принято решение о возвращении мигранта в страну i или выборе другого региона РФ, для которого выполняется условие $k \neq j$.

При выборе региона назначения каждый участник миграционного процесса кроме максимизации ожидаемого дохода будет стремиться минимизировать свои расходы, в том числе прямые издержки переезда [15]. Таким образом, при условии, что распределение ожидаемых доходов во всех регионах одинаково и основные критерии, которыми человек руководствуется при выборе региона для переезда, дублируются, из множества потенциальных регионов для миграции n индивид выберет тот регион, затраты на переезд в который будут минимальны.

Существенное влияние на принятие индивидом решения о миграции также оказывают миграционные сети.

С учетом изложенных выше основных критериев было разработано динамическое уравнение, описывающее процесс миграции из страны отправления *i* в регион притяжения *j* в момент времени *t* (2):

$$x_{ij}\left(t_{p+1}\right)=x_{ij}\left(t_p\right)+\Delta\alpha_j x_{ij}\left(t_p\right)\left(M_i-x_i\left(t_p\right)\right)\left(w_j\left(t_p\right)-w_i\left(t_p\right)\right),$$
$$i=1,\ldots,m;\ j=1,\ldots,n, \qquad (1)$$

где α_j – калибровочный коэффициент для региона *j*.

Помимо ядра, представленного в виде основного уравнения, программа содержит несколько вариаций функций, описывающих заработные платы и уровень безработицы [16].

Первый вариант построения прогноза заключается в разработке функции заработной платы в рамках неоклассической экономической теории. Прогнозирование заработной платы в регионе притяжения *j* при $x_j(t_p)$ в момент времени *t* производится в соответствии с уравнением (2):

$$w_j\left(x_j(t_p)\right)=w_j\left(t_0\right)\cdot\frac{E_j\left(t_0\right)+V_j(t_0)}{E_j\left(t_0\right)+U_j\left(t_0\right)+x_j(t_p)}, \qquad (2)$$

где $w_j\left(t_0\right)$ – средняя заработная плата мигрантов в регионе притяжения *j* в момент времени t_0;

$E_j\left(t_0\right)$ – численность занятых в регионе притяжения *j* в момент времени t_0;

$V_j(t_0)$ – число вакансий в регионе притяжения *j* в момент времени t_0;

$U_j\left(t_0\right)$ – численность безработных в регионе притяжения *j* в момент времени t_0;

$x_j(t_p)=\sum_{i=1}^{m}x_{ij}(t_p)$ – численность трудовых мигрантов из *m* стран отправления, находящихся в регионе притяжения *j*.

Прогнозирование заработной платы в стране происхождения *i* при $x_i(t_p)$ в момент времени *t* производится в соответствии с функцией (3):

$$w_i\left(x_i(t_p)\right)=w_i\left(t_0\right)\cdot\frac{E_i\left(t_0\right)+V_i(t_0)}{E_i\left(t_0\right)+U_i\left(t_0\right)+x_i(t_p)}, \qquad (3)$$

где $w_i\left(t_0\right)$ – средняя заработная плата в стране происхождения *i* в момент времени t_0;

$E_i\left(t_0\right)$ – численность занятых в стране происхождения *i* в момент времени t_0;

$V_i(t_0)$ – число вакансий в стране происхождения *i*;

$U_i\left(t_0\right)$ – численность безработных в стране происхождения;

$x_i(t_p)=\sum_{j=1}^{n}x_{ij}(t_p)$ – численность трудовых мигрантов из страны происхождения *i*, находящихся в *n* регионах притяжения.

В модели учитываются 3 возрастные группы, выделенные среди трудоспособного населения: молодежная (*Y*), средняя (*M*) и старшая (*O*). Величина $x_{sh}^{a}\left(t_k\right)$ обозначает численность трудовых мигрантов с разбивкой по возрастным группам,

где $\alpha = Y, M, O$ соответствует типу возрастной группы из страны-донора s в регион притяжения h в момент времени t_k. Соответственно, верхним индексом α обозначим все переменные в модели для упрощения разбивки на возрастные группы. В результате получим функции зарплат, зависящие от возрастных групп:

$$w_h^a\left(t_k\right) = w_h^a\left(x_h^a\left(t_k\right)\right) = w_{0h}^a \frac{E_h^a + V_h^a}{E_h^a + U_h^a + a_h x_h^a(t_k)}; \tag{4}$$

$$w_s^a\left(t_k\right) = w_s^a\left(x_s^a\left(t_k\right)\right) = w_{0s}^a \frac{E_s^a + V_s^a}{E_s^a + U_s^a - a_s x_s^a(t_k)}. \tag{5}$$

Метод передвижки возрастов учитывается в модели следующим образом:

$$x_{sh}^a\left(t_{k+1}\right) = x_{sh}^a\left(t_k\right) + \Delta q_{sh}^a x_{sh}^a\left(t_k\right)\left(P_s(t_k) - x_h^a\left(t_k\right)\right)\left(w_h^a\left(x_h^a\left(t_k\right)\right) - w_s^a\left(x_s^a\left(t_k\right)\right)\right) + \Delta F_{sh}^a(t_k), \tag{6}$$

где переход мигрантов между возрастными группами $F_{sh}^a(t_k)$ для всех трех возрастных групп $\alpha = Y, M, O$ описывается следующим образом: поток молодежной группы, представленный коэффициентом $F_{sh}^Y(t_k)$, описывает приток в молодежную группу трудоспособного населения детей мигрантов, достигших возраста 15 лет. Также в соответствии с приведенной ниже формулой, данный коэффициент учитывает отток мигрантов в среднюю возрастную группу и коэффициент смертности населения, соответствующий молодежной возрастной группе:

$$F_{sh}^Y\left(t_k\right) = \gamma_{sh}^M x_{sh}^M\left(t_k\right) + \gamma_{sh}^O x_{sh}^O\left(t_k\right) - \beta_{sh}^Y x_{sh}^Y\left(t_k\right) - \mu_{sh}^Y x_{sh}^Y\left(t_k\right). \tag{7}$$

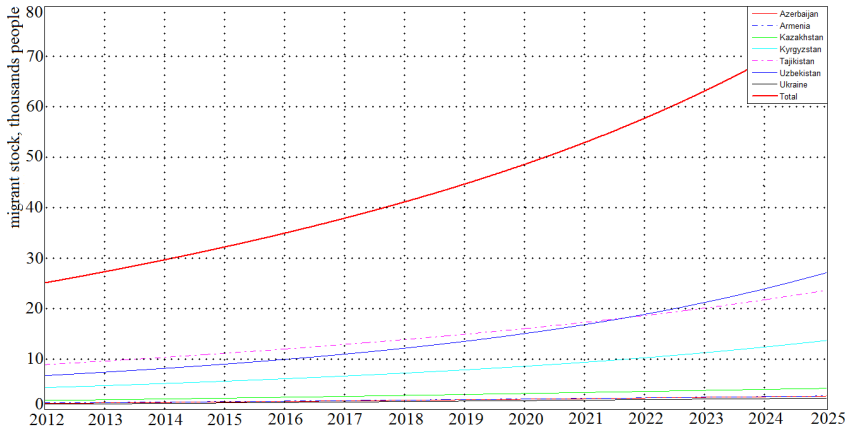


Рис. 1. Младшая возрастная группа трудовых мигрантов в Свердловской области

Параметр $F_{sh}^M(t_k)$ описывает мигрантов средней возрастной группы. В соответствии с формулой 8 данный параметр описывает приток в среднюю возрастную группу мигрантов из младшей возрастной группы, достигших возраста 30 лет. В то же время в данной формуле учитывается отток мигрантов в старшую возрастную группу и смертность населения, характерную для средней возрастной группы мигрантов из страны s:

$$F_{sh}^M\left(t_k\right) = \beta_{sh}^Y x_{sh}^Y\left(t_k\right) - \beta_{sh}^M x_{sh}^M\left(t_k\right) - \mu_{sh}^M x_{sh}^M\left(t_k\right). \tag{8}$$

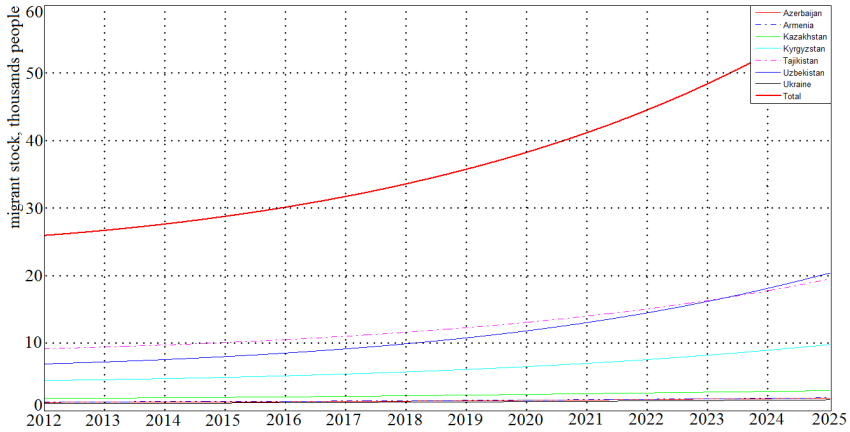


Рис. 2. Средняя возрастная группа трудовых мигрантов в Свердловской области

С помощью переменной $F_{sh}^{O}(t_k)$ описывается численность мигрантов старшей возрастной группы. Данный параметр включает в себя приток мигрантов из средней возрастной группы, отток мигрантов из старшей возрастной группы при выходе на пенсию и смертность населения. Результат представлен в формуле 9:

$$F_{sh}^{O}(t_k) = \beta_{sh}^{M} x_{sh}^{M}(t_k) - \beta_{sh}^{O} x_{sh}^{O}(t_k) - \mu_{sh}^{O} x_{sh}^{O}(t_k). \quad (9)$$

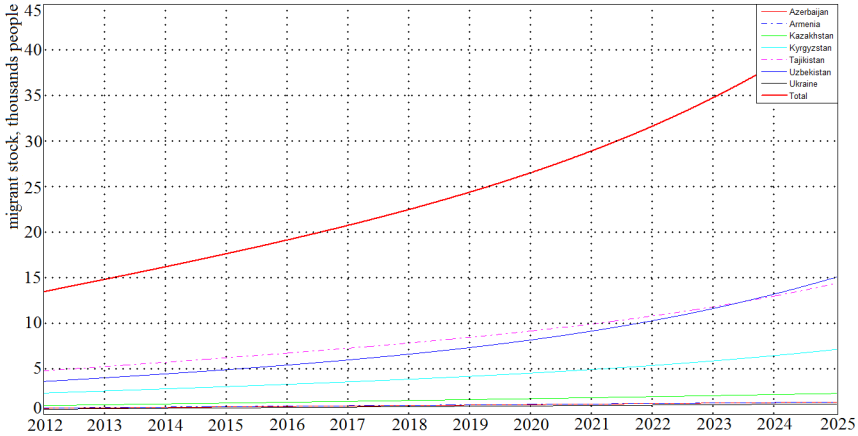


Рис. 3. Старшая возрастная группа трудовых мигрантов в Свердловской области

В данной модификации модели принимается в расчет коэффициент естественного прироста населения. Для стран СНГ данный параметр обозначим как P_s. В таком случае зависимость прироста населения от времени будет выглядеть следующим образом:

$$P_s^{a}(t_k) = P_s^{a}(t_{k-1}) + g_s^{a} P_s^{a}(t_{k-1}), \quad (10)$$

где $\alpha = Y,M,O$; g_s^{a} – коэффициент прироста населения.

Для оценки влияния трудящихся мигрантов на экономический рост России с 2000-го по 2014 год в работе применяется производственная функция типа Кобба–Дугласа с использованием данных о валовом внутреннем продукте (ВВП), численности трудоспособного населения, включая мигрантов в России, и валового основного капитала. Производительность в функции Кобба–Дугласа по существу указывает на эффективность компании или страны, которая может трансформировать ресурсы в потенциальное количество товаров. Производственная функция описывает связь между результатом производства и количеством факторов, используемых для этого производства [17]. Поэтому, как правило, рассматриваются показатели производительности в рамках рассматриваемой системы, чтобы опре-

делить, как разные факторы производства влияют на общий объем производства. Причина использования производственной функции заключается в том, что она является важным инструментом моделирования и анализа взаимосвязи между динамикой факторов производства и изменением объема выпуска.

Для микро- и макроэкономики производственные функции непостоянны, что характеризует объем выпуска фирмы или всей экономики страны для всех комбинаций входных данных. Почти все экономические теории предполагают производственную функцию либо на уровне фирмы, либо на уровне совокупности. Таким образом, производственная функция является одной из наиболее важных концепций основных неоклассических теорий, поскольку неоклассические подходы в основном фокусируются на способности максимизировать полезность вывода. Производственная функция Кобба–Дугласа имеет положительный убывающий маргинальный продукт, постоянную эластичность производства для рабочей силы и капитала и постоянную отдачу в масштабе, равную 1. Здесь рассматривается основная форма производственной функции, которая имеет два производственных фактора: труд и капитал, являющиеся взаимозаменяемыми в рамках данного подхода. Классическая форма записи производственной функции Кобба–Дугласа имеет следующий вид:

$$Y = A \cdot L^{\alpha} \cdot K^{\beta}, \tag{11}$$

где Y – реальная стоимость всего производства за год;

A – общий коэффициент производительности;

L – трудозатраты, которые составляют общее количество человеко-часов, отработанных за год;

K – вклад капитала, который является реальной стоимостью всех машин, оборудования и зданий.

В функции Кобба–Дугласа, если сумма коэффициентов $(\alpha + \beta)$ равна 1, функция показывает постоянную отдачу от масштаба производства. Для оценки вклада иностранного человеческого капитала производственная функция изменена в сторону учета трудозатрат. Поскольку необходимо рассчитать вклад мигрантов в формирование ВВП, следует отделить общий труд мигрантов от общего труда местного населения. Формула модифицированной производственной функции выглядит следующим образом:

$$Y = A \cdot \left(L + M\right)^{\alpha} \cdot K^{\beta}, \tag{12}$$

где Y – реальный ВВП при постоянной оценке национальных цен в миллионах 2011 г.;

L – общая занятость в России (исключены мигранты), активно работают в час;

M – всего в России активно работают иностранные рабочие в час;

K – валовое формирование основного капитала в России;

A – общий коэффициент производительности.

Оценка уравнения (13) с помощью обобщенного метода наименьших квадратов (ОМНК) приводит к случаю, когда одна из двух переменных имеет существенно большее значение. Таким образом, оценки могут быть трудноизмеримыми. Для решения данной проблемы необходимо масштабировать независимые переменные в надлежащей мере. Также, в связи со спецификой официальной статистики, следует пересчитать стоимость, которую нужно учитывать. При построении модели предполагается, что в качестве рабочей силы в производственной функции будет задействован параметр, определяющий численность занятого населения Российской Федерации. Для трудящихся-мигрантов используются данные о работе по патенту и разрешению на работу иностранных граждан, занятых в Российской Федерации. Таким образом, изменения в труде можно обозначить так:

$$\Delta L = \left(L + M\right) - L = M. \tag{13}$$

После масштабирования основных параметров для упрощения оценки необходимо линеаризовать функцию из нелинейной формы. На данном этапе производится калибровка управляющих параметров модели. В результате функция будет выражаться следующим образом:

$$Y = \ln Y = \ln A + \alpha \ln(L + M) + \beta \ln K + u_i . \quad (14)$$

Для проведения оценки данной функции используется обобщенный метод наименьших квадратов в рамках эконометрического подхода. После линеаризации оценивается ВВП, обозначенный как *Y*, с входными факторами трудовых ресурсов и капитала. После этого рассчитывается ВВП без учета вклада иностранных работников. Уравнение, описывающее влияние трудовых ресурсов страны на формирование ВВП (*Y**) без учета влияния трудовой миграции, выглядит следующим образом:

$$\frac{\Delta Y}{\Delta L} = \frac{\Delta Y}{M},$$

$$Y = \ln Y = \ln A + \alpha \ln L + \beta \ln K + u_i , \quad (15)$$

$$\Delta Y = Y - Y^* .$$

Таким образом, изменения между *Y* и *Y**, рассчитываемые через (*ΔY*), показывают валовой национальный доход, создаваемый иностранными рабочими в Российской Федерации. Процентная доля *ΔY* в реальном ВВП России показывает потенциальную часть дохода, которая была произведена трудящимися-мигрантами. Разработанная функция типа Кобба–Дугласа является удобным инструментом для расчета коэффициентов и экономических факторов на основе статистических данных, при этом объем выпуска *Y* позволяет оценить влияние компонентов на ВВП страны. В разработанной модели, использующей более общую производственную функцию, связь между валовым внутренним продуктом и трудовыми ресурсами не является монотонной, поскольку факторы функции могут меняться различным образом.

Результаты обоих уравнений отвечают условию функции Кобба–Дугласа, согласно которому привлечение дополнительных сотрудников к производству более выгодно для предприятия, чем дополнительное применение капитала. Основным мотивом расчета результатов регрессии для двух уравнений является выяснение вклада трудящихся-мигрантов в Российскую Федерацию. Вычитая уравнение (15) из уравнения (14), выводим *ΔY*, который показал доход, полученный благодаря труду мигрантов в Российской Федерации. Изменения *Y* дают нам очень значительные результаты, отражающие прирост ВВП, достигнутый под влиянием указанного фактора.

Нижеприведенная диаграмма показывает разницу в объеме производства при использовании общего объема рабочей силы и объема местного занятого населения отдельно от мигрантов, а разница означает вклад трудящихся-мигрантов с положительной тенденцией.

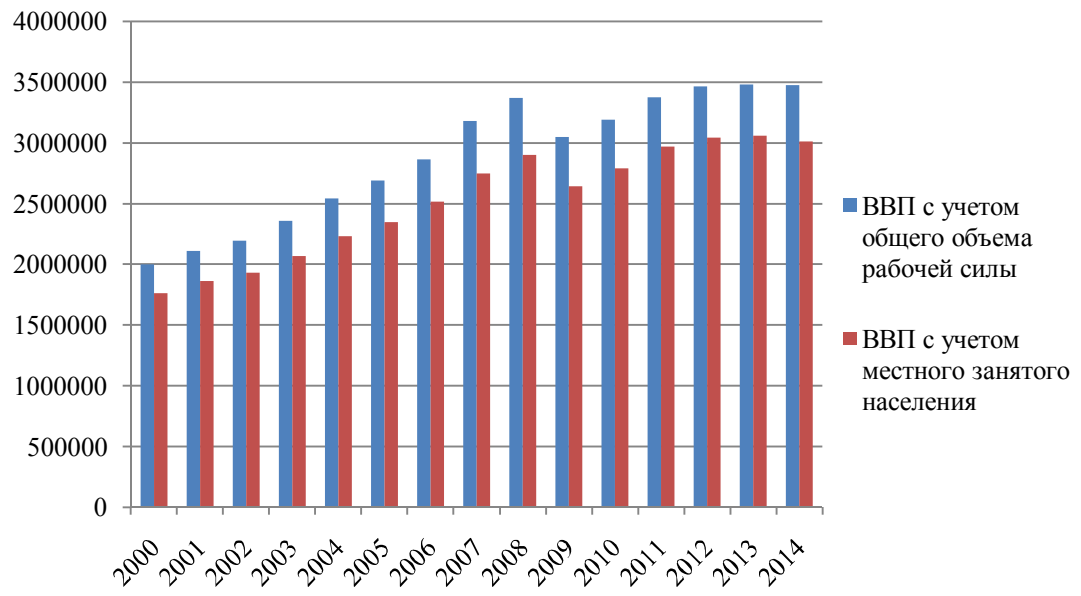


Рис. 4. Разница отдачи от общего объема трудовых ресурсов и трудовых ресурсов без мигрантов

На рис. 5 показана тенденция вклада рабочей силы мигрантов в реальный ВВП России, и эта линия указывает на тенденцию к росту, хотя она снизилась в период между 2010 и 2013 годами.

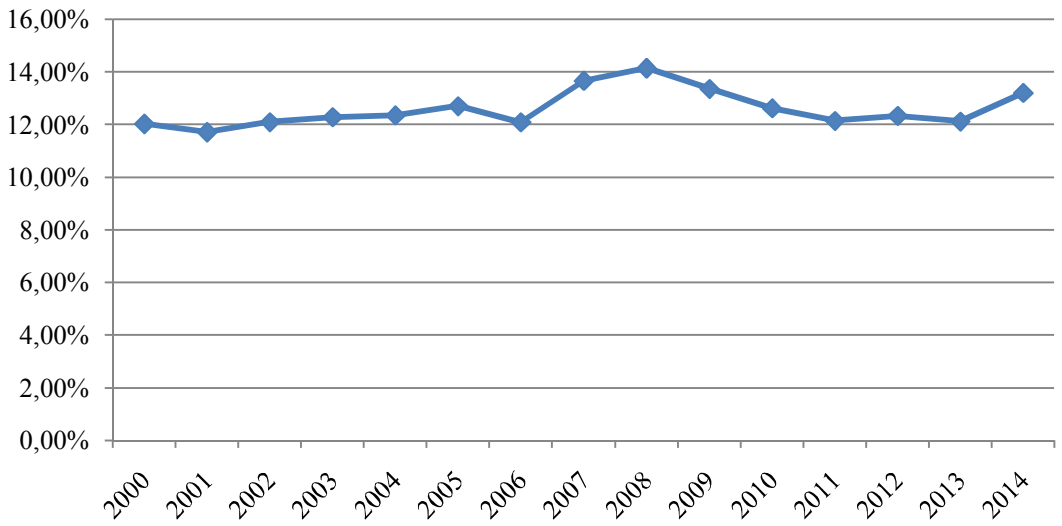


Рис. 5. Доля труда мигрантов в общей картине формирования ВВП России

Данная модель позволяет получить прогноз взаимообусловленной динамики потоков трудовых ресурсов с разбивкой по трем основным возрастным группам. При этом смоделированная система рынка труда не является замкнутой, что достигается за счет задания эмпирической динамики всех управляющих параметров, учтенных в поставленной задаче. Задание динамики естественного прироста в странах отправления миграции позволило также увеличить допустимый предел достоверного прогноза.

В России мигранты в большинстве случаев трудятся на рабочих местах, которые не востребованы местным населением. Это тяжелые, непрестижные и низкооплачиваемые рабочие места, рабочие места, которые являются временными или сезонными, или неформальные рабочие места в сфере теневой занятости. В соответствии с предлагаемой моделью доминирующим фактором миграции выступает

уровень дохода, ценности которого сходятся в странах происхождения и назначения с ростом миграционных потоков.

Чтобы оценить влияние трудящихся-мигрантов на экономический рост в России с 2000-го по 2014 год, производственная функция Кобба–Дугласа была применена с использованием данных о ВВП и количестве занятых людей, в том числе мигрантов, в России. Следует также отметить, что попытки строго ограничить доступ мигрантов на рынки труда центров привлечения иммигрантов посредством введения квот или визового режима приведут к росту теневой экономики за счет развития теневых форм занятости мигрантов.

В современных условиях необходимо разработать программы взаимодействия с потенциальными мигрантами с учетом их образования, уровня квалификации, языковых знаний и личных предпочтений, которые привлекут квалифицированные трудовые ресурсы, необходимые для устойчивого пропорционального экономического роста.

Литература

1. Bauer T. K., Zimmermann K. F. (1999). Assessment of possible migration pressure and its labour market impact following EU enlargement to Central and Eastern Europe. IZA Research Report No. 3

2. Borjas G. J. (1987). Self-Selection and the Earnings of Immigrants. The American Economic Review, Vol. 77, Is. 4, pp. 531–553.

3. Dadush U. (2014). The Effect of Low-Skilled Labor Migration on the Host Economy. KNOMAD Working Paper 1.

4. Herr H. (2008). The Labour Market in a Keynesian Economic Regime: Theoretical Debate and Empirical Findings. Cambridge Journal of Economics, Vol. 3, Is. 5, pp. 949–965.

5. Gimpelson V., Lippoldt D. (2001). The Russian Labour Market: Between Transition and Turmoil. Rowman & Littlefield Publishes, INC. USA.

6. Harris J. R., Todaro M. P. (1970). Migration, Unemployment and Development: A Two-Sector Analysis. The American Economics Review, Vol. 60, Is. 1, pp. 126–142.

7. Hicks J. R. (1932). The Theory of Wages. – 2nd ed. – London : Macmillan, 1963.

8. Lewis W. A. (1954). Economic Development with Unlimited Supplies of Labor. The Manchester School, Vol. 22, No. 2, pp. 139–191.

9. Stark O., Bloom D. E. (1985). The New Economics of Labor Migration. The American Economic Review, Vol. 75, Is. 2, pp. 173–178.

10. Stigler G. J. (1961). The Economics of Information. The Journal of Political Economy, Vol. 69, pp. 213–225.

11. Todaro M. P. (1969). A Model of Labour Migration and Urban Employment in Less Developed Countries. American Economic Review, Vol. 59, pp. 138–148.

12. Massey D. S., Arango J., Hugo G., Kouaouci A., Pellegrino A., and Taylor J. E. (1993). Theories of International Migration: Review and Appraisal. Population and Development Review, Vol. 19, Is. 3, pp. 431–466.

13. Massey D. A. (2002). Synthetic theory of international migration. World in the mirror of international migration, Vol. 10, pp. 143–153.

14. Palloni A., Massey D. et al. Social capital and international migration: a test using information on family networks // The American Journal of Sociology. Chicago. – Mart 2001. – № 106. – P. 1262–1298.

15. Разработка модели внутренних и внешних миграционных потоков населения для регионов Российской Федерации / Андриенко Ю. В., Гуриев С. М. Центр экономических и финансовых исследований и разработок в Российской экономической школе. 2006. – 52 с.

16. Васильева А. В., Тарасьев А. А. Прогноз развития миграционных процессов и рынка труда в регионах России // Экономика региона. – 2014. – № 4. – С. 283–298.

17. Cobb C. W. and Douglas P. H. (1928) A Theory of Production. American Economic Review, 18 (1), Pp. 139–165.

Alexandr Aleksandrovich Tarasyev,
the Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin;
Lecturer, Business and Management Department,
Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)

Modeling and Evaluation of External Labor Migration Flows Influence on the Economy of Host Subjects

This article presents a model description of the impact of labor migration on the development of economic systems in the countries of migration. It should be emphasized that labor migration is one of the main factors in the development of the labor market. The inflow of migrants to the region should correspond to the needs of labor resources in the labor market. To assess and predict the migration flows between countries with different levels of socio-economic development, a dynamic multi-factor model was developed, based on the positions of the theory of positional games and allowing to predict the behavior of an individual depending on economic factors. The model makes it possible to trace the dependence of wage levels on labor markets on the number of migrant workers. The dynamic model describes the processes of external labor migration, as well as their influence on the internal dynamics of regional labor markets. According to the basic ideas of the model, potential migrants have information about the difference in living and working conditions in both countries of origin and migration. At the final stage of the simulation, the impact of migration on the development of socio-economic systems in the countries of migration was assessed using the approach based on the production function of the Cobb-Douglas type.
Key words: dynamic modeling; positional games; Cobb-Douglas production function; game theory; labor migration; migration potential; labor market; migration policy; neoclassical economic theory.

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

УДК 347.7:339.13.012.42

К. Леруа*

Глобализованная свободная конкуренция: очерк о взаимосвязи между правом свободной торговли и правом конкуренции**

Целью исследования является изучение взаимосвязи между свободой торговли и правом конкуренции. Оказывается, что свобода используется вопреки нормам, которые на самом деле предназначены для ее регулирования. Таким образом, делается попытка показать, как свободная торговля может стать инструментом нарушения классического закона экономики правового государства (правовой экономики) в пользу экономической нормативности поведения. Анализируются различия в политических целях и правовых структурах свободной торговли и конкуренции, а также соответствующие им (и также различные) институциональные концепции этих расхождений. Анализируются законные (правовые) средства, необходимые для осуществления экономической политики, призванной защищать интересы нации (общие интересы), имеющиеся в распоряжении суверенного государства, хотя ни одно из этих правовых средств не приобрело конституционного уровня во Франции, например, с одной стороны. С другой стороны, рассматривается процесс правовой эволюции, связанный с ограничением суверенитета государств – членов Европейского союза (ЕС) и появлением исключительной компетенции ЕС, не позволяющей отдельным государствам использовать указанные средства эффективным образом. Защите общих интересов европейских стран не способствует в полной и желательной мере деятельность ВТО, которая не исправляет имеющихся искажений конкуренции, появляющихся в результате установления свободного перемещения товаров между экономическими зонами. Закон свободной торговли, вместо этого, скорее ограничивает дивергенцию на мировом рынке, оставаясь при этом законом только торговой политики. Таким образом некоторые страны стремятся получить конкурентное преимущество, снизив для компаний все юридические ограничения, которые могут влиять на их конкурентоспособность. Точно так же компании, которые часто получают выгоду от отсутствия согласованности между различными членами ВТО, не стесняются переводить свое промышленное производство или услуги в страны с наименее требовательным законодательством. Свободная торговля выступает противником правовой экономики. Если закон о конкуренции является правом цивилизованной либеральной экономики, то право свободной торговли является, скорее, правом финансового хищничества, и оно имеет тенденцию играть на путанице, которая может сохраняться между свободой и хищничеством. Свободная торговля является противником рынка. Эта беспощадная борьба финансистов за сокращение публичного экономического права государств путем финансового шантажа и пресечения любого проекта защиты европейского рынка ведет, по-видимому, к исчезновению на практике самой концепции рынка. Свобода противопоставляется регулированию, что возводится в идеологическую, квазирелигиозную догму: государство, даже демократическое, является экономическим злом, а рынок без веры или закона – добром. Эта динамика свободной торговли блокирует законы, структурирующие рынок, и в результате разрушают его.

Ключевые слова: публичное право; публичное экономическое право; европейское право; право конкуренции; свобода торговли; законодательство о конкуренции; законодательство о свободной торговле; рынок; глобализация; общий интерес; защита интересов потребителей; принцип справедливости; отсутствие дискриминации; равное обращение; пропорциональность; принцип правовой безопасности; правовая структура либерализма;

---

* **Кристоф Леруа,** доктор права, Университет Перпиньяна (Франция).

** Leroy Ch. La libre concurrence mondialisée: Essai sur les rapports entre le droit du libre échange et le droit de la concurrence. – URL: http://chrisleroy. free.fr/

Перевод с французского языка В. Д. Бурковой.

© К. Леруа, 2018

© В. Д. Буркова, перевод на русский язык, 2018

правовое государство; Европейский союз (ЕС); исключительная компетенция ЕС; Всемирная торговая организация (ВТО); иерархия норм; конституционное право транснациональных корпораций; конституционные ценности; суверенитет государства; ограничение суверенитета; правовые средства; рыночные правила; pacta sunt servanda; «рынок права».

> Влияние никогда не оказывает вредного воздействия, кроме как на умы, восприимчивые к одомашниванию, или, говоря более корректно, на те, которые понимают слово «влияние» в смысле подражания [32].
>
> *Клод Дебюсси*

Таможенная номенклатура во многом отражает всю поэзию нашей цивилизации[1]. Это представление мира разделяется на двадцать один раздел, в которых содержатся почти 15 500 рубрик, классифицирующих миллионы объектов или веществ, производимых и продаваемых человечеством. Нужно ли видеть в этой маленькой галактике библейскую инвентаризацию новых верований? Чувство священного является, правда, иногда довольно запутанным. Если Вера и искусство были великими основателями Запада, то глобализация, не игнорируя их, придает им в своей таможенной номенклатуре конгруэнтную часть. Эта номенклатура, столь же светская, сколь и несовершенная, касается Книги в ее разделе X, озаглавленном *«Древесная масса и другие волокнистые целлюлозные материалы; бумага или картон для переработки (отходы и лом); бумаги и продукты из нее»*. Что касается предметов культуры, то они указаны в примечании, уточняющем – по забывчивости? – что они находятся в разделе XV, касающемся *«природного или культивированного жемчуга, драгоценных или полудрагоценных камней, драгоценных металлов, металлов, покрытых драгоценным металлом и изделий из них; авторских украшений; валюты»*. Музыка, однако, существует только в виде музыкальных инструментов или оптических носителей (например, цифровые универсальные диски DVD: таможенный код 8523 40 51)[2]. Наконец, предметы искусства, коллекционные или антикварные, входят в XXI, и последний, раздел, который оказывается наименьшим. Произведения описываются в нем только на основании их носителей. К счастью, таможенная номенклатура или общее соглашение о торговле товарами ВТО – это не тоталитарное право современного мира. Произведение духа, будучи нематериальным, ускользает от него... чтобы вскоре попасть в сети общего соглашения о торговле услугами или в сети соглашения об интеллектуальной собственности. Однако вы напрасно будете искать в торговле услугами то, что может исходить от веры... Но почему же так много международных инвесторов интересуются французской медициной, возмещаемой социальным страхованием, в то время как служба культа совершенно игнорируется этими же инвесторами, являющимися великими защитниками общего соглашения о торговле услугами? Искусство, со своей стороны, может быть услугой и может быть юридически защищено соглашением ТРИПС, но в этом случае мы читаем, что произведение Габриэля Форе, исполненное Жаном-Филиппом Коллардом, или произведение Шопена, исполненное Лиз де Ла Саль, считаются сыгранными в некоторой степени неопределенными, гораздо более современными, но все же юридически квалифицированными музыкантами...

[1] Новый вариант комбинированной таможенной номенклатуры (8 цифр) был опубликован в официальном Вестнике Европейского Союза в октябре 2010 года (Journal Officiel de l'Union Européenne (JOUE) n° L284 du 29 octobre 2010).

[2] Определенный ст. 28 Таможенного кодекса, вид тарифа является наименованием, присваиваемым товарам в Едином таможенном тарифе. Последний содержит около 15 500 классификационных рубрик.

Подлинная ирония заключается в том, что только вымысел чисто созерцательного существа ускользает от всех тех законов глобализации, которые определяют и нормализуют поведение человека в соответствии с техническими, экономическими и финансовыми критериями. Давайте попробуем отныне получить работу Старого Готье, христианскую стеклянную посуду или прищепку, не развязав кошелек. Действие почти невозможное. Вся наша повседневность неизбежно проходит через сито таможенной номенклатуры или соглашений ВТО, касающихся всех продуктов и услуг, продаваемых в условиях глобализованной экономической конкуренции. Внезапно раскрывается масштаб редукционистской катастрофы: прибыль, возведенная в ранг фундаменталистской религии, ipso facto требует нашего обращения, заставляя нас тратить деньги на «вещь», часто дублируемую миллионами экземпляров, или на какую-нибудь услугу, в которой часто мы не нуждаемся.

В еще недавние времена цивилизация управлялась и предопределялась другими образами. Говорили и верили, что у неба нет соперников. Искусство же требовало, чтобы произведение по-настоящему оригинальное имело лишь тогда право на существование, когда другие не заслуживали никакого с ним сравнения. Затем демократический дух овладел и этими сферами для защиты общих интересов и тем самым создал государственную службу, универсальный характер которой заключался в том, чтобы удовлетворить наибольшее количество граждан по минимальной цене. Секуляризируя общество, государственная служба часто работала успешно и почти неограниченно до тех пор, пока не взялась за искусство, которое, увы, подпало под влияние вкуса большинства. В то же время, благодаря государственной службе, частная инициатива нивелировала эти недостатки и – незначительное всегда тут, чтобы угрожать основному, – появилась мода, что привело к освобождению общества в целом благодаря спросу и предложению, свободным делать глобализованный выбор. Рынок, заставив соперничать человечество, обеспечил пришествие на землю этого наконец-то видимого Бога – денег, которые будут работать для большего блага потребителей. Что делать отныне с теми государствами, чьи нормы и законы проявляются всё больше и больше в качестве простых финансовых издержек в лучшем случае для устранения или, по крайней мере, интеграции со строгой учетной точки зрения? Честный человек скажет вам, что если в музыке никто не должен игнорировать Жана Себастьяна Баха и его хорошо аранжированный клавир, то никто также не должен игнорировать в законах государство и его суверенное право. Тем не менее в довольно рискованное начинание, игнорируя многие уроки прошлого и пытаясь построить рынок предпочтений без суверенных государств, устремились люди, создавшие Европу и Всемирную торговую организацию. Свободный обмен выступает ключевым словом в борьбе с публичным правом экономики, и в настоящее время не видно, за исключением, возможно, близкого краха некоторых государств, гдé лежат пределы этой неумолимой финансовой логики, которая перестраивает мир по воле некоторых великих финансистов.

Давайте же договоримся, что исследование глубокого значения, которое может иметь право, не может быть сведено к его позитивистской юридической механике, даже если мы вернем его в историческую перспективу. Публичное право конкуренции, как и все другие виды права, заслуживает регулярного изменения в соответствии с экономическими и нормативными полномочиями, которые влияют на само его качество права, которое должно набрасывать точную правовую сеть на экономические реалии территории [43]. Целью этого исследования является изучение взаимосвязи между свободой торговли и правом конкуренции и доказывание, что свобода используется вопреки нормам, которые на самом деле предназначены для ее организации. И именно таким образом мы попытаемся продемон-

стрировать, как свободная торговля может стать инструментом нарушения классического закона правовой базы экономики в пользу экономической нормативности поведения [46].

I / Различия в политических целях и правовых структурах свободной торговли и конкуренции

A / Различия в задачах политики

Закон о конкуренции и законодательство о свободной торговле не имеют одинаковых целей. Если в основе закона о конкуренции лежит равенство, применяемое к экономическому либерализму, чтобы сохранить нечто вроде равновесия в конкуренции между различными субъектами экономики [39], то в качестве основной цели свободной торговли в первую очередь должно быть поставлено развитие мировых экономических обменов, каковы бы ни были – за исключением особых обстоятельств – последствия, которые оно может иметь для законов и внутренней экономики государства или таможенного союза[3]. Общей чертой конкурентного права и свободной торговли, конечно же, является экономическая конкуренция. Таким образом, цены в либеральной экономике формируются в соответствии со спросом, предложением и определяются свободной игрой конкуренции[4]. В более точной и доктринальной форме рынок можно было бы определить в его нынешнем значении как место соперничества между спросом и предложением, которое претендует на беспристрастную демонстрацию воли всех заинтересованных сторон и постоянное отражение данных экономических, социальных и политических факторов, которые создают для какого-либо объекта или услуги определенную стоимость на данный момент [48]. Обе эти отрасли права рассматривают как законный тот экономический ущерб, который предприятие может причинить конкуренту, отняв у него долю рынка. Более того, политические деятели и умелые сбиватели цен играют на этом сходстве, чтобы навязывать свободную торговлю. Разве мяч не для всех круглый? Этот аргумент в играх с мячом подчеркивает своеобразное равенство в конкуренции, оказавшись в царстве закона о конкуренции, свободной торговли, или того и другого. Это сокращение конкуренции в играх не ново. Разве Паскаль в своих «Мыслях» уже не сказал нам: *«Мужчины заняты преследованием мяча и зайца: это удовольствие даже для королей»?* [54]. Однако закон о конкуренции и законодательство о свободной торговле глубоко расходятся. Их расхождение проявляется, главным образом, в ходе ознакомления с политическими задачами, закрепленными за этими двумя отраслями правами экономической конкуренции. В случае законодательства о конкуренции государство стремится противодействовать сговорам, некоторым видам концентраций и злоупотреблениям доминирующими положениями для защиты интересов потребителей. В этом смысле закон о конкуренции, по-видимому, подкрепляется идеей общего интереса. Это необходимо, некоторым образом, для поддержания баланса в конкуренции. Так, некий вид принципа справедливости регулирует это право, целью которого является содействие конкуренции, которая должна *in fine* осуществляться в интересах потребителей. Следует иметь в виду, что государственная концепция законодательства о конкуренции в течение длительного времени сопровождалась идеей защиты компаний от конкурентов из третьих стран. Но эта защита также не была систематической, логика этого закона о конкуренции заключалась в поиске оптимального экономического баланса поощрения конкуренции с целью поощрения инноваций и относительно низких цен. Предел этой логики конкурентного законодательства в отношении экономики

[3] По крайней мере, применение этого закона трактовалось таким образом в последние годы.

[4] Ст. L410-2 Торгового кодекса. За исключением случаев, когда закон предусматривает иное, цены на товары... свободно определяются конкуренцией.

можно было также предсказать, когда чрезмерная конкуренция стала разрушать экономическую структуру. В этом случае была оказана поддержка испытывающим трудности предприятиям, с целью сохранения рабочих мест, которые должны были увеличивать количество потребителей с покупательной способностью, что может обеспечить хороший экономический рост. Таким образом, общий интерес может выступить регулятором законодательства о конкуренции. Воздерживаясь от систематического и механистического применения закона о конкуренции, который может быть разрушительным для экономической структуры, общий интерес представляется нам в этом случае как возможность для политиков, для демократии вновь взять в свои руки и своевременно регулировать рынок и его выходящие из строя механизмы. Если это становится отныне невозможным со стороны внутреннего законодательства по причине главенства европейского права и если европейские власти использовали первоначально право конкуренции довольно бессистемно, чтобы сформировать единый и однородный рынок, то необходимо отметить существенную эволюцию взглядов на конкурентное право в двух постановлениях Суда Европейского Сообщества от 5 октября 1995 года Centro Servizi Spediporto (C-96/94) и от 1 октября 1998 года Autotrasporti Librandi (C38/97), которые полагают, что в случае затруднительного положения экономического сектора можно ввести обязательный минимум для защиты общих интересов экономического сектора, где рыночные механизмы терпят неудачу [47]. Общий интерес представляется нам в этом случае стандартом измерения, контроля и разума [61]. Поэтому общий интерес рассматривается как понимание публичного права в сфере экономики, поскольку сама суть либерализма стремится к оптимальному экономическому балансу, воплощая в духе законов реализацию равных возможностей [29; 31] и принципа правовой безопасности, который нам кажется базовым в правовой структуре либерализма [3]. Обратимся теперь к свободной торговле, которая имеет другую логику. Свободная торговля, введенная ВТО, так же направлена на поощрение экономической конкуренции, как и законодательство о конкуренции, но ВТО ставит в качестве главной цели в своей нормативной иерархии свободное перемещение товаров между разными государствами-членами. Она почти не заботится о равенстве или равновесии, на поддержание которых направлен закон о конкуренции. Следует отметить, что нет глобального закона о конкуренции. Признание взаимодействия между международной торговлей и конкурентной политикой относится, однако, к 1927 году [36], т. е. оно произошло за двадцать лет до переговоров о Генеральном соглашении о тарифах и торговле. Оно было подтверждено в главе V Гаванской хартии от 22 марта 1948 года, которая даже предусматривала принятие международных правил конкуренции. В результате провала этой Хартии ГСТТ никогда не создавало никаких стандартов конкуренции, как и ВТО [52]. Таким образом, логикой законодательства ВТО является, прежде всего, поиск другого представления об общем и постепенном снижении таможенных тарифов с целью развития мировой торговли[5]. Таким образом, экономический закон ВТО можно рассматривать как право либерализма с намерением отменить все протекционистские меры, которые препятствуют международной торговле. Политический инструмент Соединенных Штатов Америки и Европы в период «холодной войны», используемый для координации либераль-

[5] Общее и постепенное снижение таможенных пошлин: ст. XXVIII-бис Генерального соглашения тем не менее признает, что «таможенные пошлины часто являются серьезными препятствиями для торговли» и предлагает договаривающимся сторонам действовать «на основе обоюдности и взаимной выгоды» в отношении общего и постепенного сокращения таможенных пошлин путем переговоров. В рамках действия положения о наиболее благоприятствуемой нации уступки, которые были заключены между двумя или более договаривающимися сторонами на переговорах по тарифам, расширяются – в форме, которая может меняться, с возможностью компенсации – до всей совокупности договаривающихся сторон.

ных стратегий для более успешной борьбы против СССР и его стран-сателлитов, ГСТТ стал ВТО и с крахом коммунистических режимов сумел распространить свои экономические практики почти на всю планету[6]. Следовательно, данная стратегия свободной торговли может стандартизировать экономическое законодательство большинства стран. Внимательно читая законодательство ВТО и наблюдая за его применением на практике в течение последних пятнадцати лет, нельзя испытывать большое удовлетворение, когда сравниваются политические идеи, которые, как утверждается, являются основой и эволюцией финансовых, промышленных и коммерческих отношений между различными странами-членами. Таким образом, общее мнение о ВТО может быть очень различным в свете политического ракурса рассмотрения его законодательства и практики. Юридический арсенал ВТО имеет в качестве политической амбиции снижение протекционистских барьеров между различными странами на основе теории сравнительных преимуществ. Таким образом, каждая страна, разрабатывающая свою экономическую специализацию, должна была бы извлекать выгоду, выйдя на мировой рынок для своей торговли, используя при этом лучшие цены и самые передовые технологии для импорта, необходимого для своего экономического развития. В этом смысле ВТО выступает в какой-то степени защитником глобализованных общих экономических интересов. Если, однако, эта точка равновесия была достигнута в какой-то момент развития торговых отношений между разными странами мира, то, как нам кажется, логика власти сильно дестабилизировала это гармоничное экономическое развитие в том виде, в каком оно провозглашалось ВТО еще в начале текущего десятилетия.

Если Европа смогла дать новое измерение конкуренции, концентрации предприятий путем создания правовой основы для экономики, то глобализация продолжила эту динамику, притом предварительно не обеспечив четкой правовой базы для мировой торговли. Однако мы имеем дело с Европой, как и с глобализацией, действуя в тех же правовых рамках международного права, что и Договор. Но их политические цели и юридические средства сильно различаются.

Что касается государств-членов, а также европейских властей, считали ли они, что строительство Европы является делом, окончательной перспективой которого выступает создание федеративного государства? В этом смысле передача полномочий, предоставленных Европе ее государствами-членами, имеет тенденцию предоставлять ей универсальную юрисдикцию на основе иерархически-пирамидального юридического строительства, основанного на доктрине правового государства. Так, с самого начала государства-члены стремились создать федеративное государство, построенное по своему образу и подобию. Конечно, в основном для строительства Европы использовался экономический ключ, в ущерб, возможно, поиску культурной или религиозной идентичности, но право всегда было основой экономического строительства. Дело обстоит не совсем так с договором ВТО. Последний, не имея государственных амбиций (хотя сторонники теории заговора скажут, что это всего лишь акт, вытекающий из американской конституции...), он существенно реализовал право, которое оставляет доминирующее место за свободой переговоров, причем право рассматривается как не должное препятствовать свободе посредников. Контрактуализация отношений, основанных на рыночной экономике, преобладающая над государственным либерализмом, основанным на регулируемом рынке, предназначенном для удовлетворения общих интересов, влечет за собой глубокую дивергенцию перспектив. К этой разнице в природе добавилась специализация ВТО в единственной экономической области, которая может быть противопоставлена практически универсальной

[6] В ВТО насчитывается более полутораста государств. Еще примерно три десятка государств имеют статус наблюдателя. Россия стала членом ВТО в 2012 году.

компетенции европейского законодателя. И здесь тоже защита частной инициативы от любых попыток регулирования имеет иную логику, нежели защита общих интересов. Поскольку свобода имеет приоритет над законом, ВТО теперь нам представляется областью экономической и финансовой свободы, в которой развиваются экономические нормы поведения. Иерархия норм уже не та, которую Кельзен очень разумно описал, рассматривая функционирование государственного права, а также экономическую и финансовую иерархию предприятий и государств в одной и той же классификации. Можно было бы даже предусмотреть конституционное право транснациональных корпораций... Каким бы шокирующим это ни казалось, эта иерархизация мира является неоспоримой фактической реальностью. Таким образом, Министерская конференция, которая является высшим принимающим решения органом ВТО, может сколько угодно устанавливать юридически, что за каждым государством-членом закреплен один голос, но реальность власти, вытекающая из практики международных переговоров, выявляет силу, которая пытается влиять на рынок практически за рамками любого публичного права. Свобода фиксировать цену и технический стандарт, предоставляемый финансовой властью посредством рынка, является ограничением власти государства как хранителя цивилизационного выбора. Но в то же время эти критические замечания должны быть сильно смягчены легитимностью, которую эта экономическая нормативность находит в рыночной демократии. Каждый потребитель, таким образом, осуществляет свой акт покупки в качестве права голоса, узаконивающего глобализацию [46]. Однако причины такого разделения и международной специализации труда, разрешенные соглашениями ВТО, к которым государства свободно присоединились, хорошо известны: сокращение стоимости рабочей силы, поиск экономии за счет масштаба, преимущества, предоставляемые государствами инвесторам, налоговые льготы. Это чисто финансовое видение свободы могло даже показаться губительным для нее в глазах промышленников, в том смысле, что глобализация подтвердила бы позиции, приобретенные крупными фирмами, которые, глобализируя свой рынок или картелизируя его, добились бы ограниченного доступа на рынки для новых участников. Глобализация выступает таким образом, как это демонстрируется несколько чрезмерным образом сторонниками альтернативного мира и иными антиглобалистами, в качестве межкорпоративной и ни в коей мере не соответствующей целям развития и экономического прогресса, зафиксированных между тем в европейских договорах или соглашениях ВТО. Какими бы странными ни казались эти различия между конкурентным правом и свободной торговлей для западных юристов, воспитанных в духе уважения правового государства и поиска правовой безопасности, сделаем еще раз акцент на легитимности, которую мировая торговля нашла среди потребителей, легитимности, черпаемой в почти одних и тех же терминах среди подавляющего большинства представителей правящего класса государств всего мира.

Б / Различные институциональные концепции этих политических расхождений

Чтобы хорошо понять институциональную ситуацию и общую согласованность правовой структуры современного экономического права, необходимо обратиться к концепциям политиков об отношениях государства с экономикой, к изучению используемых средств, прежде чем европейское строительство и многосторонность ГСТТ, а затем и ВТО должны были ограничить – естественно, при согласии тех же политиков, – данные средства вмешательства.

Построенная на идее суверенитета, государственная политика рассматривалась в качестве имеющей решающий контроль над экономическими проблемами в пределах своей территориальной юрисдикции. Любое заимствование из кольбер-

тизма, а эта политика была как интервенционистской, в том смысле, что государственные органы чувствовали ответственность за определение и осуществление промышленной политики страны, так и протекционистской, когда шла речь о защите национальных производителей [55]. Таким образом, суверенное государство имело законные средства, необходимые для осуществления экономической политики, призванной защищать интересы нации [45]. Среди этих средств можно выделить в соответствии с перечнем Превера:

- обязательство использовать официальный язык, т. е. французский язык, в контрактах, а также в технических и коммерческих документах;
- монополию на привилегию выпуска денег, позволяющую проводить самостоятельную денежно-кредитную политику [51];
- конституционную защиту прав собственности;
- конституционную защиту свободы предпринимательства и законодательную базу для свободы торговли и производства;
- право финансовых связей с зарубежными странами, позволяющее контролировать финансовые потоки, которые могут нанести ущерб национальной экономике[7];
- установление таможенного тарифа, предусматривающего целенаправленную охрану экономики, а также строгое применение закона о таможенном контроле[8];
- организацию и функционирование финансовых рынков через государственную службу при государственной монополии[9];
- предоставление разрешения на международные прямые инвестиции[10];
- режим лицензирования передач технологий, который дополняет защиту, предоставляемую патентами;
- право национализировать предприятия и предоставлять им исключительные права[11];
- преференции государству в отношении покупки материалов или услуг за счет государственных закупок[12];

[7] Закон № 66-1008 от 28 декабря 1966 года отменил, в основном, и, в частности, декрет № 67-78 от 27 января 1967 года, отмененный 30 декабря 1989 года указом 89-938 ; во Франции с 1939-го по 1967 год вводился контроль обмена валюты: никакая валюта не могла быть продана или куплена без посредничества с Фондом стабилизации Биржи. В 1967 году был осуществлен принцип свободного обмена, но к 1968 году контроль обмена был восстановлен на временной основе. Таким образом, Франция испытала квази-постоянный контроль обмена с 1939-го до середины 1980-х годов, за исключением 1967–1968 годов. Эти меры были смягчены с 1984 года, и декрет 1968 года о восстановлении валютного контроля был отменен в 1989 году. В странах Европейского сообщества свободное движение капитала вступает в силу с 1 июля 1990 года.

[8] См.: [19].

[9] Государственная служба фондовых бирж была частично оспорена Законом № 88-70 от 22/01/1988, опубликованным в Journal Officiel от 23/01/1988, а затем распущена по закону от 2 июля 1996 года.

[10] Статья L151-3. Требуют предварительного разрешения министра экономики иностранные инвестиции в свою деятельность во Франции, которые, хотя бы и временно, участвуют в осуществлении публичной власти или относятся к одной из следующих областей : a) деятельности, которая может нарушить публичный порядок, общественную безопасность или интересы национальной обороны; b) исследованиям, производству или сбыту оружия, боеприпасов, пороха и взрывчатых веществ.

[11] Национализация всегда возможна в силу п. 9 Декларации 1946 года: любое имущество, любое предприятие, эксплуатация которого приобрела характеристики национальной государственной службы либо фактической монополии, должны стать коллективной собственностью. Однако это положение по-прежнему ограничено в его интересах по причине подчинения государственных органов законам о конкуренции (ст. L410-1 Торгового кодекса).

[12] Предоставление невозможно после принятия ст. 53 Постановления 1986 года с момента вступления в силу европейского законодательства, регулирующего государственные закупки, и после вступления в силу Соглашения ВТО о государственных закупках.

- помощь, оказываемую предприятиям, испытывающим трудности, или разработка промышленного проекта, представляющего национальный интерес[13];
- налоговые стимулы для продвижения национальной экономической структуры;
- промышленную политику, направленную на обеспечение национальной независимости во всех экономически стратегических секторах;
- политику экономического планирования[14];
- закон о конкуренции, который может регулировать свободу цен.

Следует отметить, что из всех этих правовых средств практически ни одно не приобрело конституционной ценности, за исключением валюты, французского языка, национализации и, конечно, налогообложения. Что касается валюты, то Конституционный совет в своем Решении № 1992-308 от 9 апреля 1992 года постановил, что институт единой валюты требует пересмотра Конституции. Что касается французского языка, то он приобрел конституционную ценность на основании конституционного закона от 15 июня 1992 года, в котором был установлен принцип, согласно которому «языком Республики является французский язык». Но решение Конституционного совета № 94-345 DC от 29 июля 1994 года серьезно ограничило амбиции закона от 4 августа 1994 года, которые были приняты в применение ст. 2 Конституции. Что касается национализации, то ст. 17 Декларации прав человека и гражданина 1789 года[15] и п. 9 Декларации 1946 года позволяют государству осуществлять национализации. Однако эти положения попрежнему ограничены в их интересах путем подчинения государственных органов законодательству о конкуренции в соответствии со ст. 106 Договора о функционировании Европейского союза[16]. Наконец, в отношении помощи путем налогообложения, если она находит конституционную защиту в ст. 14 ДГПЧ (сбор налога должен быть предметом закона, предварительно принятого Парламентом), что подтверждается ст. 34 Конституции 1958 года, которая закрепляет за парламентом общую компетенцию в налоговых вопросах, следует признать, что налоговые льготы обычно подпадают под действие ст. 107 и последующих договоров о функционировании Европейского союза[17].

---

[13] Статья 107 Договора о функционировании Европейского союза (бывшая ст. 87 ТИК) Кроме отступлений, предусмотренных в Договорах, несовместима с внутренним рынком в той мере, в какой она влияет на торговлю между государствами-членами, помощь, предоставляемая государствами-членами или посредством государственных ресурсов в любой форме, которые искажают или угрожают исказить конкуренцию, поощряя некоторые обязательства или некоторые производства.

[14] Подготовленный в 1992 году согласительными комитетами проект 11-го плана, первоначально планировавшийся на период 1993–1997 годов, не будет принят правительством в результате парламентских выборов в марте 1993 года, который предпочитает включать выбор своей экономической политики в совокупность пятилетних законов.

[15] «Поскольку собственность является неприкосновенным и священным правом, никто не может быть лишен ее, если это явно не требуется юридически установленной общественной необходимостью, и при условии справедливого и предварительного возмещения».

[16] Статья 106 (бывшая ст. 86 ТИК): 1. Государства-члены в отношении государственных предприятий и предприятий, которым они предоставляют особые или исключительные права, не должны принимать и не должны поддерживать никаких мер, противоречащих нормам договоров, в частности тем, которые предусмотрены ст. 18 и 101–109 включительно. 2. Обязательства, на которые возложена деятельность служб общего экономического интереса или имеющая характер фискальной монополии, подчиняются правилам договоров, в частности правилам конкуренции, в той мере, в которой применение этих правил не вызывает неспособность выполнить закон или фактически конкретную заданную им задачу. Развитие торговли не должно затрагиваться в той степени, которая противоречит интересам Союза.

[17] Статья 107 Договора о функционировании Европейского союза (бывшая ст. 87 ТИК) Кроме отступлений, предусмотренных в Договорах, несовместима с внутренним рынком в той мере, в какой она влияет на торговлю между государствами-членами, помощь, предоставляемая государствами-членами, или посредством государственных ресурсов в любой форме, которые искажают

Этот список в духе Превера не является исчерпывающим, и если средства воздействия и могли быть гетерогенными, то они позволяли маневрировать в экономике подобно маневрирующему кораблю, по словам Жана Батиста Кольбера. Указанные ранее законные средства были отменены с отменой законов, регулирующих их функционирование, и позволяли Правительству определять и проводить государственную политику [51]. Кроме того, эти элементы права, упомянутые выше, можно рассматривать как имеющие конституционную, если не надконституционную, ценность. Если учесть, что уравнение 2 + 2 = 4 имеет надконституционную ценность, то следует учитывать, что положения, позволяющие государству регулировать экономическую власть, являются единосущными для него и так же имеют надконституционную ценность. Единственным ограничением для этого рассуждения является то, что народу разрешено отказаться от своей идентичности, как и от государства, которое, используя юридические средства, является хранителем цивилизации. Следовательно, если невозможно считать надконституционной ценностью публично-экономическое право, то это право должно, по крайней мере, иметь конституционную ценность, с тем чтобы производная конституционная власть полностью осознавала свой выбор в день, когда она решается на пересмотр конституции, чтобы отказаться от суверенного контроля над экономикой. Следует заметить, что неудача Европы, безусловно, проистекает из отсутствия воли для приобретения тех юридических полномочий, которые необходимы для защиты ее экономики. Ее неспособность защищать европейский рынок сделала его почти полностью прозрачным для глобализации в рамках соглашений ВТО. Добиться, чтобы рыночные правила сами не поддавались стихии рыночных сил, – такова одна из основных задач государства и либерального права [49]. Европа, которая, правда, не является государством, должна была хотя бы попытаться избежать этой ловушки. Однако, увы, она потерпела в этом фиаско.

Чтобы лучше понять современные проблемы, давайте изучим более подробно правовую систему, и само содержание закона о свободной торговле, и право внутренней и европейской конкуренции.

Хотя законодательство о конкуренции формально не представлено в соглашениях ВТО, то же самое справедливо в отношении права свободной торговли в Договоре о Европейском союзе и функционирования Европейского союза. Но что подразумевается, на самом деле, под конкурентным правом и правом свободной торговли? Внутренние и европейские законы о конкуренции относительно схожи по своему духу. Иерархизированные и, таким образом, структурированные вокруг одних и тех же концепций, они направлены на борьбу с картелями, злоупотреблением господствующим положением и концентрациями. Внутреннее право соблюдает и дополняет европейское право. Их конвергентная эволюция также привела их в ходе судебной деятельности к тому, чтобы подчинить государственные органы конкурентному праву в их деятельности по производству, распределению и услугам. Таким образом, европейское конкурентное право представляется как

или угрожают исказить конкуренцию, поощряя некоторые обязательства или некоторые производства ; Только парламент уполномочен в соответствии с законом о финансах или обычным законом изменять или отменять налог, устанавливать правила, регулирующие базу налогообложения, расчет и сбор. Тем не менее Конституционный совет укрепил налоговые полномочия Законодателя, который не может оставаться «за пределами» предоставленных ему конституционных полномочий. Он также не может делегировать или отказываться от своих прерогатив. Также примечательно, что существует форма разделения налогов с Европейским союзом, часть ресурсов которого является исключительной компетенцией Сообщества (таможенные пошлины, обязательные сборы в сельскохозяйственном секторе), которые представляют собой отступление от традиционной власти национальных парламентов по предоставлению налога и установлению налогового законодательства (Конст. совет, 30 декабря 1977 года).

структурированное и однородное целое для всех стран – членов Европейского союза.

С научной точки зрения свободная торговля – это международная торговая система, основанная на отсутствии таможенных и нетаможенных барьеров для перемещения товаров и услуг. В строгом смысле понятие обычно не распространяется на движение рабочей силы или капитала. Право на свободную торговлю между Союзом и третьими государствами в какой-то степени подразумевается в европейских договорах и сосуществует с законодательством о конкуренции, которое с ним формально идентифицируется. Таким образом, свободная торговля поддерживается комплексом нескольких статей. Особо следует отметить ст. 21 Договора о Европейском союзе, которая поощряет постепенное устранение барьеров для мировой торговли[18]. Затем следует ст. 28, касающаяся принятия Единого таможенного тарифа по отношению к третьим странам[19], которая действительно относится к исключительной компетенции Союза, предусмотренной в ст. 3 Договора о функционировании Европейского союза[20]. Статья 206 предполагает посредством данного таможенного союза защищать общие интересы, способствовать гармоничному развитию мировой торговли, постепенной отмене ограничений в международной торговле и в прямых иностранных инвестиций, а также сокращению таможенных и иных барьеров. Наконец, в качестве логического следствия любой практикуемой свободной торговли, ст. 63 того же Договора предусматривает, что все ограничения на движение капитала и платежи между государствами-членами и между государствами-членами и третьими странами запрещены. Для Франции ст. L151-1 Денежно-кредитного и финансового кодекса также предусматривает, что финансовые отношения между Францией и зарубежными странами являются свободными.

На уровне соглашений ВТО свободная торговля также не имеет выраженного юридического определения. Это вытекает из всех положений, формирующих основные принципы, принятые в большинстве соглашений. Так, положение о наиболее благоприятствуемой нации[21], положение о национальном обращении[22], за-

[18] Консолидированные версии Договора о Европейском Союзе. Общие положения о внешней деятельности Союза ст. 21 2. Союз определяет и осуществляет общую политику и деятельность и должен работать для обеспечения высокого уровня сотрудничества во всех областях международных отношений, чтобы: e) поощрять интеграцию всех стран в мировую экономику, в том числе путем постепенного устранения барьеров в международной торговле.

[19] Свободное перемещение товаров: ст. 28.1. Союз состоит из таможенного союза, охватывающего всю торговлю товарами и предусматривающего запрет на таможенные пошлины на импорт и экспорт, а также всех сборов подобного типа между государствами-членами, и принятие Единого таможенного тарифа в их отношениях с третьими странами. 2. Положения ст. 30 и гл. 3 настоящего раздела применяются к товарам, производимым в государствах-членах, и к продукции, поступающей из третьих стран, находящихся в свободном обращении в государствах-членах.

[20] Статья 3-1. Союз обладает исключительной компетенцией в следующих областях: a) таможенном союзе; b) установлении правил конкуренции, необходимых для функционирования внутреннего рынка; c) денежно-кредитной политике для государств-членов, валютой которых является евро; d) сохранении биологических ресурсов моря в рамках общей политики в области рыболовства; e) общей торговой политике. 2. Союз также обладает исключительной компетенцией для заключения международного соглашения, если такое заключение предусмотрено в законодательном акте Союза или необходимо для того, чтобы он мог осуществлять свою внутреннюю компетенцию, или в той мере, в какой это может повлиять на общие правила или изменить их сферу действия.

[21] Положение о наиболее благоприятствуемой нации (или режим наибольшего благоприятствования) – статья о том, что торговые выгоды, предоставляемые подписавшей стране, должны распространяться на другие страны, подписавшие ее, – является краеугольным камнем общего соглашения и системы ГСТТ-ВТО.

[22] Статья о национальном обращении: в соответствии со ст. 3 Генерального соглашения договаривающиеся стороны обязаны применять ко всем товарам, ввозимым с территории других договаривающихся сторон, национальный режим в сфере налогообложения и внутреннего регламента [23].

прещение количественных ограничений[23] и определение таможенной стоимости[24] являются всеми теми мерами, которые в связи с продолжающимся применением пункта о понижении общих и прогрессивных тарифов и создали тот юридический эффект, который называется свободной торговлей, синтез всех положений ВТО[25]. Все эти положения максимизируют комплекс мер, запрещающих дискриминацию, которую могли бы попытаться навязать государства своим внутренним законодательством в пользу своих национальных предприятий. Аналогичным образом антидемпинговое соглашение, соглашение о технических барьерах в торговле или положения о сдерживании субсидий также были бы эффективными в борьбе с недобросовестной практикой конкуренции. Сторонники свободной торговли, хотя и признают, что в соглашениях ВТО нет структурированного законодательства о конкуренции, как это мы имеем в национальном или европейском законодательстве, тем не менее указывают, что существует нечто вроде филиграни во всех соглашениях ВТО, неявно проявляющей закон о конкуренции в различных действующих нормативных актах. Таким образом, хотя положения вышеупомянутых соглашений ВТО действуют иначе, нежели государственные или европейские законы о конкуренции, вышеупомянутые положения соглашений ВТО будут иметь аналогичное классическому законодательству о конкуренции действие или будут дополнять его на мировом уровне. Следовательно, во всех соглашениях ВТО будет подразумеваться законодательство о конкуренции. Если быть точным, наложенные или совокупные юридические последствия всех соглашений ВТО тем или иным образом будут соответствовать более традиционной правовой системе внутреннего и европейского законодательства о конкуренции. Например, свободную торговлю в ВТО следует сравнивать со свободным перемещением товаров в соответствии с европейским правом, нежели с законодательством о конкуренции той же Европы. Таким образом, стираются различия в «духе законов», которые воодушевляют эти два различных правовых порядка, участвующих в великой глобализации. Однако это сходство между европейским правом и законодательством ВТО обманчиво. Действительно, хотя Европа состоит из государств, которые по-прежнему имеют определенное разнообразие с точки зрения их различных действующих правовых систем, европейское законодательство достаточно глубоко гармонизировало различные законодательства, касающиеся промышленности и торговли. Исходя из этого, свободное перемещение товаров, услуг, людей, а также капиталов действует на территории с относительной однородностью в различных законодательствах, влияющих на конкурентоспособность предприятий. Во многих государствах-членах существуют нормативные акты внутреннего или европейского права, налагающие социальные и экологические ограничения на компании. Таким образом, закон о свободе передвижения и конкуренции действует в относительно однородных экономиках в отношении затрат, налагаемых на предприятия по всем законодательным актам. Однако это не относится к законодательству ВТО. Закон и действия ВТО остаются ограниченными только областью

[23] Статья XI, § 1 Общего соглашения запрещает в целом и абсолютно навязывание договаривающимися сторонами количественных (или условных) ограничений. Сфера применения, изложенная в ст. 11 §1, является широкой, поскольку она применяется одновременно к ограничениям на импорт и ограничениям на экспорт.

[24] Стоимость пошлины на импортируемые товары должна основываться на фактической стоимости импортируемого товара, к которому применяется пошлина, или аналогичного товара и не должна основываться на стоимости отечественной продукции или на стоимости произвольной или фиктивной.

[25] Статья XXVIII-бис Общего соглашения тем не менее признает, что «таможенные пошлины часто представляют собой серьезные барьеры для торговли» и предлагает договаривающимся сторонам на базе «взаимовыгодных соглашений» пойти на общее и прогрессивное сокращение таможенных тарифов путем переговоров.

торговой политики. Поэтому свободная торговля игнорирует разнообразие законов, которые непосредственно не влияют на экономику, но налагают при этом очень высокие издержки на компании. Поэтому, хотя европейское пространство стремится сблизить законодательство посредством процесса гармонизации и унификации, государства за пределами Европы и их компании стремятся использовать эти расхождения в законодательствах, поскольку они являются источником значительной прибыли.

II / Очень сложные иерархизация и сближение стандартов с точки зрения целей защиты общих европейских экономических интересов

A / Ограничения и передача суверенитета в экономическом праве

Позитивистскую юридическую механику, которая позволяет сделать совместимыми конкурентное право и закон свободной торговли, интересно изучать как с точки зрения иерархии норм, так и с точки зрения самого содержания этих двух видов права. Прежде всего следует отметить, что они подпадают под две разные правовые системы. Один – закон конкуренции – входит в конституционно интегрированный внутренний и европейский правопорядок. Другой – право на свободную торговлю – регулируется договорным правом, а точнее – Договором Всемирной торговой организации, участниками которого являются Франция и вся Европа.

Что касается иерархии норм, мы должны начать с суверенных государств, которые свободно согласились на ограничение их суверенитета в интересах как европейского строительства, так и Всемирной торговой организации. Для Франции, не углубляясь во всю правовую эволюцию ее присоединения к различным европейским договорам, мы возьмем для нашего исследования пересмотр Конституции в результате подписания Маастрихтского договора и принятия конгрессом Лиссабонского договора. Эти ограничения суверенитета для Франции черпают свою конституционность из ст. 88-1 Конституции 1958 года, которая гласит: *«Республика участвует в Европейском союзе, состоящем из государств, которые свободно выбрали совместное осуществление определенных полномочий в соответствии с Договором о Европейском союзе и Договором о функционировании Европейского союза, в том виде, в каком они следуют из Договора, подписанного в Лиссабоне 13 декабря 2007 года».* Следует отметить, что включение в конституцию такого положения по согласованию с Конституционным советом закрепило существование правового порядка Сообщества, интегрированного во внутренний правовой порядок и отличающегося от международного правового порядка[26].

Теперь, что касается ВТО, то присоединение Франции к Договору в качестве члена бывшего ГСТТ относится к закону о ратификации от 27 декабря 1994 года[27]. В соответствии со ст. 55 Конституции 1958 года[28] и п. 14 Декларации 1946 года[29] французское государство, которое присоединилось к многостороннему договору ВТО, признает тем самым верховенство этого Международного договора над законом при условии взаимности в том, что касается соблюдения нормативных актов другими договаривающимися сторонами. Следовательно, существует своего рода неявная разница между европейским законодательством о конкуренции и законодательством ВТО о свободной торговле, касающаяся их стабильности.

[26] Решение Конституционного совета № 2004-505 от 19 декабря 2004 года о Договоре о создании Европейской конституции.

[27] Закон № 94-1137 от 27 декабря 1994 года, разрешающий ратификацию Соглашения об учреждении Всемирной торговой организации.

[28] Статья 55 Конституции 1958 года: Договоры или соглашения, которые были должным образом ратифицированы или одобрены, должны, как только они публикуются, иметь верховенство над законами, при условии применения другой стороной каждого договора или соглашения.

[29] Статья 14 Декларации 1946 года: Французская Республика, верная своим традициям, соблюдает нормы международного публичного права.

Один, закон о конкуренции, является частью комплексного правопорядка и налагается как квазигосударственное право, хотя всегда следует иметь в виду, что государство-член может рассмотреть вопрос о его выходе из Европейского союза в соответствии со ст. 50 Договора о Европейском союзе[30]. Другое – право на свободную торговлю – подпадает под действие ст. 55 Конституции и поэтому полностью подчиняется условию взаимности в отношении применения этого международного экономического закона. Но ситуация усложняется, когда оказывается, что присоединение Франции к многостороннему договору ВТО сочетается с ее присоединением также к Европейскому договору, в котором также содержатся положения о присоединении Европы к ВТО. Следовательно, существует треугольное силовое отношение. Франция присоединяется к ВТО, к европейским договорам, и Европа также является членом ВТО. Таким образом, существуют 28 членов Европейской ВТО, которые, конечно же, создают очень сложную сеть торговых переговоров (можно также добавить органы G8, G20 и МВФ, в рамках которых происходят на нерегулярной основе переговоры, связанные с международной торговлей, но давайте ограничимся рамками нашего исследования...) Также не будем заблуждаться: эта сеть полномочий, хотя и упрощена Лиссабонским договором, безусловно, не имеет авторитета единой и последовательной в своих действиях инстанции, каким обладает федеративное государство. Соединенные Штаты Америки, проводя свою внешнеторговую политику, не ведут предварительных переговоров с федеративными штатами, тогда как государства-члены часто выражают очень сильные и противоречивые требования, прежде чем Европа может выразить единодушное мнение. Кроме того, Лиссабонский договор предоставил Европейскому парламенту право одобрять соглашения, подписанные между Союзом и третьими странами (ст. 218 ДФЕС). То, что может показаться выигрышем с демократической точки зрения, также может рассматриваться как препятствие для эффективности международных переговоров [35]. Действительно, демократическая прозрачность может нанести ущерб в контексте ВТО, где правилом является непрозрачность в отношении кулуарных обсуждений и взаимных уступок, предоставляемых государствами.

Рассматриваемое под другим углом зрения, на сей раз с точки зрения суверенитета, эта цепная реакция присоединения государств-членов к ВТО и Европы к ВТО подразумевает очень сильные юридические ограничения суверенитета для государств-членов. Действительно, ст. 3 Договора о функционировании Европейского союза предусматривает исключительную компетенцию Союза в таких областях, как Таможенный союз и общая коммерческая политика[31]. Таким образом, если государства-члены координируют свои позиции в Брюсселе и Женеве, то только Европейская комиссия выступает от имени Союза и его членов почти на всех заседаниях ВТО. Это ограничение суверенитета для государств-членов дополнительно уточняется в ст. 2 Договора о функционировании Европейского сою-

[30] Статья 50 ДЕС: Любое государство-член может принять решение в соответствии со своими конституционными правилами выйти из Союза (...). Чем и воспользовалась Великобритания в итоге референдума 2016 года по вопросу о выходе Великобритании из Европейского союза.

[31] Договор о Европейском Союзе и договор о функционировании Европейского Союза (Journal officiel n° C 115 du 09/05/2008 p. 0001–0388), статья 3, 1: Союз обладает исключительной компетенцией в следующих областях: а) Таможенном союзе; б) установлении правил конкуренции, необходимых для функционирования внутреннего рынка; в) денежно-кредитной политике для государств-членов, валютой которых является евро; г) сохранении биологических ресурсов моря в рамках общей политики в области рыболовства; д) общей торговой политике. 2. Союз также обладает исключительной компетенцией для заключения международного соглашения, если это соглашение предусмотрено в законодательном акте Союза или необходимо для осуществления его внутренней компетенции или в той мере, в какой это может повлиять на общие правила или изменить их сферу действия.

за, которая гласит, что если договоры предоставляют Союзу исключительную компетенцию в данной области, то только Союз может принимать законы и принимать юридически обязывающие акты, поскольку государства-члены не могут делать это самостоятельно, только если они не наделены полномочиями со стороны Союза или осуществляют действия от имени Союза (…). При таком положении дел следует рассматривать эти положения на фоне пересмотра, осуществленного Лиссабонским договором, касающегося замены правила квалифицированного большинства на европейском уровне на правило консенсуса в Совете. Как отметил Конституционный совет в своем решении 2007 года [34], вследствие этого изменения Франция лишилась какой-либо оппозиционной силы, как путем передачи полномочий на принятие решений Европейскому парламенту, что ограничивает национальный суверенитет, так и лишением Франции собственной инициативы. Поэтому был необходим пересмотр Конституции. В результате был принят Конституционный закон от 4 февраля 2008 года, вносящий изменения в заголовок XV Конституции, с тем чтобы разрешить ратификацию Лиссабонского договора[32]. Исходя из этого, суверенитет Франции и других европейских государств серьезно урезан и передается на европейский уровень в отношении общей торговой политики и Таможенного союза (см.: [40]).

Поскольку эта передача и это ограничение суверенитета были зафиксированы, остается определить степень интеграции Европы в ВТО. С этой точки зрения изучение Европейского договора, судебной практики Европейского суда и Органа по урегулированию споров ВТО не представляет большой трудности. Что касается Договора, то в ст. 3 Договора о Европейском союзе, в частности, предусматривается, что Союз будет способствовать строгому соблюдению и развитию международного права. Аналогичным образом, ст. 21 гласит, что действия Союза направлены на поощрение уважения международного права. С той же целью ст. 216 ДФЕС предусматривает, что соглашения, заключенные Союзом, являются обязательными для институтов Союза и государств-членов. Очень интересным правовым элементом является ст. 2, параграф 2 регламента (ЕС) № 3286/94 с поправками, внесенными регламентом Совета (ЕС) № 125/2008 от 12 февраля 2008 года[33], которое предусматривает в ст. 2, что «права Сообщества» – это права международной торговли, которые доступны ему в соответствии с правилами международной торговли. В этом контексте «правила международной торговли» в основном являются положениями, установленными ВТО и включенными в Приложения к Соглашению ВТО, но речь также может идти о правилах другого соглашения, стороной которого является Сообщество и которое регулирует торговлю между Сообществом и третьими странами». Здесь речь идет о двусторонних соглашениях, которые иногда могут быть более обязательными, чем правила ВТО. Впрочем, их называют «ВТО плюс». Таким образом, все представлялось бы элементарным, если бы в споре не были выявлены нюансы, которые должны быть приведены к очевидной правовой безопасности, которую, по-видимому, предлагают Договоры в первом прочтении. В решении Суда Европейского союза (большая палата) с-120/0 от 9 сентября 2008 года о взаимоотношениях между законодательством ВТО и законодательством Сообщества заявители полагались на прин-

[32] Конституционный закон был принят на заседании парламента в Конгрессе и обнародован президентом Республики 4 февраля 2008 года. Он было публикован в Journal Officiel от 5 февраля 2008 года.

[33] Регламент Совета (ЕС) № 3286/94 от 22 декабря 1994 года, установивший процедуры сообщества в сфере общей торговой политики в целях обеспечения осуществления Сообществом прав, предоставляемых ему правилами международной торговли, в частности теми, которые были приняты под эгидой Всемирной торговой организации (ВТО) (JO L 349, 31.12.1994, стр. 71) с поправками, внесенными Регламентом Совета (ЕС) № 125/2008 от 12 февраля 2008 года, Journal Officiel n° L 040 от 14/02/2008 стр. 0001–0002.

цип *pacta sunt servanda*, который, действительно, фигурирует среди норм права, которые должны соблюдаться институтами Сообщества как основополагающий принцип международного правопорядка [7]. Но Суд сохранил свою прежнюю позицию в этом деле, подтверждая, что принцип *pacta sunt servanda* не может быть использован против институтов-ответчиков, поскольку в соответствии с принятой судебной практикой соглашения ВТО в принципе не фигурируют, с учетом их природы и экономики, как один из стандартов, в соответствии с которыми судебная система Сообщества рассматривает законность действий учреждений Сообщества[34]. По поводу более ранних случаев, касающихся соглашений ГСТТ, следует отметить, что и они были не более полезными для страны-истца[35]. Дальнейшая трактовка решения от 9 сентября 2008 года проливает свет на эту позицию, что позволяет лучше ее обосновать и дает нам понять, что если соглашение о создании ВТО основано на принципах взаимности и обоюдной выгоды, то можно отметить, что некоторые третьи страны вводят определенную асимметрию обязательств. Именно таким образом, по мнению Суда, некоторые из наиболее важных торговых партнеров Сообщества не включают соглашения ВТО в качестве стандарта, в соответствии с которым их органы юрисдикции контролируют законность своих внутренних норм. Таким образом, рассмотрение законности действий учреждений Сообщества в отношении этих стандартов рискует привести к дисбалансу в применении правил ВТО, что, тем самым, лишает даже законодательные или исполнительные органы Сообщества поля для маневра, которыми пользуются торговые партнеры Сообщества[36]. Поэтому только в том случае, если Сообщество намеревается реализовать конкретное обязательство, принятое в рамках ВТО, или в случае, когда акт Сообщества четко отсылает к конкретным положениям соглашений ВТО, Суд должен рассматривать вопрос о законности поведения институтов с точки зрения правил ВТО[37]. Право ВТО, как и любая норма публичного международного права, если только судебная система Сообщества признает прямое действие некоторых положений Договора, для того, чтобы быть применимым, должно быть перенесено в национальное законодательство или законодательство Сообщества. Эти трудности в конечном итоге обусловлены тем, что в Соглашении ВТО нет ни одного положения, регулирующего его применение и его последствия в других правовых системах. Во внутреннем законодательстве решение Государственного совета от 9 июля 2007 года [30], хотя и несколько более раннее, не дало иного решения, ссылаясь на то, что оно исходит из практики Европейского суда, и в частности из его решения С- 377/02 от 1 марта 2005 года, Леон Ван Парис НВ, согласно которому соглашение ВТО о государственных закупках не является одним из стандартов, диктующих Суду позицию в вопросе о законности действий учреждений Сообщества; дело будет обстоять иначе, только если Сообщество намеревается осуществить какое-либо конкретное обязательство, принятое в рамках ВТО, или если какой-либо акт Сообщества прямо отсылает к конкретным положениям соглашений этой организации; что только ссылка на преамбулу Директивы 2004/17/ ЕС к Решению Совета от 22 декабря 1994 года, одобряющая Соглашение Всемирной торговой организации о государственных закупках, недостаточна для того, чтобы рассматривать это Соглашение как полезное против дей-

[34] Статус соглашений ВТО в правовой системе сообщества: до признания неприкосновенности [44; 1, p. 47; 53; 6; 10; 9].

[35] Суд отрицает любое прямое воздействие на ст. XI Соглашения, учитывая, что характер системы ГАТТ не позволяет ей создавать нормы права в интересах сторон, на которые они могли бы в дальнейшем ссылаться в суде [27; 25].

[36] Уже упоминавшееся решение по делу Portugal/Conseil (пункты 42, 46).

[37] См. в отношении ГАТТ 1947 года решения [8; 5], а также в связи с соглашениями ВТО упомянутые выше решения [1, p. 49; 9, p. 53].

ствий Сообщества[38]. Еще один важный вопрос – каков масштаб решений Совета по урегулированию споров ВТО в законодательстве Сообщества. По данным комиссии ВТО в 1974 году[39], соглашения ВТО не дают ответа на вопрос о применимости законодательства ВТО во внутреннем законодательстве. С другой стороны, Суд Европейского сообщества сообщает в своем решении 1999 года, что решения Органа разрешения споров напрямую не применимы к законодательству Сообщества. Это означает, что частные лица ни в коем случае не могут подать иск в европейские суды на основании решения Органа разрешения споров. Аналогичным образом, в вышеупомянутом решении Европейский суд исключил непосредственное влияние решений Органа разрешения споров, полагаясь на ст. 23 III Соглашения об урегулировании споров. Таким образом, если Орган разрешения споров позволил арбитражному суду в рамках ВТО выиграть в эффективности, он все же не является юрисдикцией международного экономического права, доступной для всех экономических агентов международного уровня. Напротив, система Сообщества предлагает гораздо более сильную систему защиты прав, чем система Органа разрешения споров. Поэтому можно полагать, что существует как бы стеклянный потолок в отношении признания европейскими судами правовых норм ВТО. Некоторые называют эту правовую ситуацию невидимой [20]. Дело в том, что эти нормы права, которые могут серьезно подорвать экономическое положение определенных предприятий, не могут, однако, служить опорой в Европейском суде. Это должно рассматриваться как поражение правового государства, явное нарушение правовой безопасности, европейской концепции легитимного доверия и невозможность отстаивать свое право на справедливое судебное разбирательство. По общему признанию, этот стеклянный потолок неприемлемым, поскольку государство может обратиться в Орган разрешения споров ВТО. В этом смысле ст. 4 Регламента (СЕ) № 3286/94 от 22 декабря 1994 года, пересмотренная в 2008 году [56], предусматривает, что любое предприятие в Сообществе или аналогичные, которые считают, что они испытали неблагоприятные торговые последствия в результате препятствий торговле, имеющих место на рынке третьей страны, могут подать жалобу в письменной форме. Однако следует отметить, что эта жалоба не будет обязательно приводить к жалобе, поданной Европой в Орган разрешения споров ВТО. Действительно, после рассмотрения и обсуждения в ст. 11 вышеупомянутого Положения предусматривается, что, когда из процедуры экспертизы следует, что в интересах Сообщества не требуется никаких действий, принимается решение о прекращении процедуры. Поэтому следует понимать, что рассмотрение европейских властей в основном связано с оценкой экономического веса предприятия или отрасли, подавшей жалобу.

Выявленная с точки зрения правил ВТО незаконность, которая может нанести серьезный ущерб европейским компаниям, вполне может не вызвать жалобу в Орган разрешения споров, если считается, что экономический вес рассматриваемого сектора не проблематичен на проводимых многосторонних переговорах. Следовательно, существует юридическая классификация фактов в соответствии с нелегализованной экономической иерархией европейских компаний, которые смогут или не смогут воспользоваться поддержкой европейских органов перед ВТО. Однако это решение – подать жалобу – будет приниматься только на основе экономического веса или влияния группы давления, которую представляют одна или несколько компаний заявителей. Поэтому мы находимся в ситуации возмож-

[38] Следовательно, и без необходимости направлять вопрос в Европейский суд для предварительного решения, заявление о том, что ст. 23 Директивы 2004/17 / ЕС не совместима с принципами и правилами соглашения государственных закупках во Всемирной торговой организации, должны быть отброшены.

[39] Раздел US-301-310 закона о торговле 1974 года.

ности для судебного преследования, а не в случае его безусловности. Следует также отметить, что пока нет альтернативного пути по отношению к отказу в возбуждении дела со стороны европейских властей. Если существует в национальных судах вероятность того, что тяжущийся может действовать напрямую в случае отказа в возбуждении дела Прокурором Республики или независимыми административными властями, то это не относится к отказу в возбуждении дела со стороны комиссии, в которую был подан компанией иск по поводу нарушения правил ВТО. Отказ в возбуждении дела не может иметь место в случае непосредственного обращения тяжущегося в Орган разрешения споров при ВТО. Следует также понимать, что право на справедливое судебное разбирательство в этой ситуации, когда законодательство ВТО прямо не используется, несколько скомпрометировано. Если, однако, ст. 6 § 1 ЕСПЧ, как и ст. 47 Хартии основополагающих прав Европейского союза, может быть использована в Европейском суде для защиты от применения закона о конкуренции Сообщества, то почему это не будет справедливо для закона о свободной торговле в соглашениях ВТО?[40] Тем более, что эта невозможность (кроме случаев переноса) ссылаться на закон ВТО, отрицательно влияющий на судебный процесс перед Судом Европейского Сообщества, не уравновешивается признанием учреждениями Сообщества их ответственности, даже если последние были осуждены Органом по разрешению споров при ВТО. В вышеупомянутом решении по FIAMM Суд отклоняет как ответственность за вину, так и ответственность без вины органов Европейского союза в контексте возмещения убытков в результате ответных мер, санкционированных ВТО [28]. Проблема заключается в том, что признание стандартов ВТО основано на классической парадигме публичного международного права, которой только государства и международные организации подчиняются полностью. Следствием этой парадигмы является поддержание механизмов, основанных на взаимности, в качестве основной или даже единственной эффективной санкции.

Однако эти относительные и нюансированные отношения права ВТО и европейского права должны считаться с европейским законодательством о конкуренции, которое может иметь международное влияние в той мере, в какой оно применимо к внеевропейским операциям, которые оказывают влияние на территорию Европы. Так, например, Суд Европейского Сообщества принял еще в 1972 году решение по ICI, которое доказывает нам, что антимонопольное законодательство обязательно для компаний, которые имеют свой юридический адрес вне сообщества, но действуют в нем через дочерние компании, не имеющие автономии. Комиссия может также подвергнуть санкциям виновных в злоупотреблении доминирующим положением в тех же случаях (см., с этой точки зрения, решение Суда Европейского Сообщества 21 февраля 1973 г. Continental Can [24]). Наконец, в случае слияния, дело Mac Donnell Douglas-Boeing показало, что эти компании согласились в процессе слияния подчиняться Европейскому праву конкуренции

[40] См. Решение Суда Европейского Сообщества от 8 июля 1999 года Montecatini SpA против Комиссии, в направлении решения от 17 декабря 1998 года Baustahhlgewebe GmbH против Комиссии и 1 июля 2008 года, Chronopost и La Poste / UFEX и другие, C 341/06 P и C 342/06 P.: Теперь ясно, что судебная система Сообщества применяет автономную концепцию «уголовных дел» по смыслу ст. 6 Европейской конвенции о правах человека: «Следует также признать, что, учитывая характер рассматриваемых правонарушений, а также характер и тяжесть санкций, с ними связанных, к разбирательствам на предприятиях, могущих привести к наложению штрафов или периодических штрафных платежей, применяется принцип презумпции невиновности ; Суд неоднократно приходил к мнению, что ст. 47 Хартии основополагающих прав Союза связана с принципом эффективной судебной защиты (Постановление от 13 марта 2007 года Unibet, C 432/05 Сб. стр. I–2271, п. 37; от 3 сентября 2008 года, Kadi Al Barakaat International Foundation против Совета и Комиссии, C 402/05 P и C 415/05 P, еще не опубликованные в Сборнике, п. 335, а также от 16 декабря 2008 года, Masdar (Великобритания) против Комиссии, C 47/07 P).

[33]. То же самое можно сказать о GIE, Honeywell и Microsoft в 2004 году [38]. С другой стороны, если говорить о борьбе с монополиями, то создается впечатление, исходя из некоторых решений Суда, что, хотя бы частично, соглашение должно действовать на территории Сообщества (см., с этой точки зрения решение Суда Европейского Сообщества по делу Ahlsthröm от 27 сентября 1988 года [26]). Это обнажает пробел в европейском законодательстве о конкуренции, который не находит правовых средств его амортизации на уровне ВТО, поскольку не существует соответствующего законодательства о конкуренции, и поэтому не существует правовых антимонопольных соглашений. Помимо этих юридических дефектов, имеются также экономические соображения, связанные с таможенным законодательством. Поскольку Европа является таможенным союзом и определение таможенного тарифа теперь относится к исключительной европейской компетенции[41], то отечественное и европейское законодательства о конкуренции в какой-то мере подвергаются нападкам по части их согласованности, даже в результате общего и постепенного снижения таможенных пошлин, что является одним из важнейших положений соглашений ВТО, закрепленных в Договоре о Европейском союзе. Статья 21 Договора гласит, что Союз определяет и проводит общую политику и действия, и должен работать для обеспечения высокого уровня сотрудничества во всех областях международных отношений, чтобы поощрять интеграцию всех стран в мировую экономику, в том числе путем постепенного устранения барьеров в международной торговле. Поскольку все торговые барьеры ВТО в настоящее время должны, по мнению ВТО, устраняться и трансформироваться, закрепляясь в форме таможенных тарифов, то барьерами для торговли и являются, прежде всего, таможенные тарифы, которые должны быть отменены, чтобы способствовать свободной торговле ВТО. Если устранение таможенных тарифов для продвижения мировой торговли поначалу может показаться очень похвальным, то такое восприятие должно, тем не менее, стать несколько более тонким, если мы внимательнее вглядимся в гетерогенность правовых и экономических систем, находящихся в почти свободном общении. Так, государства, не уважающие прав человека и не имеющие экономик с очень высокими социальными издержками, не имеющие также никакого экологического законодательства, могут почти беспрепятственно экспортировать товары или услуги в страны, экономика которых несет финансовые издержки, вытекающие из их законов. Поскольку внутреннее и европейское конкурентное право стали экономически неэффективными в преодолении этих очень важных различий в стоимости производства продуктов или услуг, то конкуренция между третьими странами и Европейским союзом, квалифицируемая с этой единственно возможной, этической точки зрения, представляется совершенно несправедливой.

Б / Препятствия для сближения законодательств экономической конкуренции

Существует целый ряд препятствий для сближения права конкуренции и права свободной торговли. Закон о конкуренции вытекает из логики правового государства. Он является частью внутреннего и коммунитарного правопорядка, который распространяет на компании, действующие часто в одной и той же валютной зоне, все виды обязательств, вытекающих из нормативных актов, касающихся социального, экологического или фискального законодательства. Верно, что между различными правовыми системами государств-членов всё еще существуют диспропорции, которые могут налагать различные экономические и финансовые ог-

[41] Статья 3 Договора о функционировании Европейского союза: 1. Союз обладает исключительной компетенцией в следующих областях: а) таможенный союз; и т. д. и ст. 31: Общие таможенные тарифные пошлины устанавливаются Советом по предложению Комиссии.

раничения на обязательства и тем самым искажать равенство возможностей, которое может существовать в конкуренции между предприятиями. В этом смысле закон о конкуренции и связанные с ним законы, влияющие на его силу, ограничивают конвергенцию в европейской правовой сети, чтобы создать однородный рынок. Закон о конкуренции интегрируется в блок внутренней и европейской законности и формирует юридически и финансово неразделимое целое. Эта юридическая архитектура единосущна с техникой государства, и то, что организует сочлененность целого, краеугольный камень здания в конечном итоге, – это понятие общего интереса [61, p. 36]. Верно, что европейские органы, которые сначала хотели, прежде всего, создать однородный европейский рынок, дали толкование договоров, особенно неблагоприятное для общих интересов государственных служб, в том виде, в каком они были задуманы государствами-членами. Эти государственные службы считались противоречащими внутреннему и европейскому законодательству о конкуренции. Впоследствии судьи Суда Европейского Сообщества в делах Corbeau и Almelo признали, что существует общий экономический интерес, несовместимый с простой рыночной логикой [4; 2]. Впоследствии, хотя и не признавая за государственной службой универсального предназначения, как смогла сделать Франция, власти создали в некоторых секторах службы общего экономического интереса (почта, транспорт, энергетика, телекоммуникации), которые теперь закреплены в ст. 14 Договора о функционировании Европейского союза[42]. Даже появилась вместе с Протоколом № 26 в качестве приложения к Лиссабонскому договору концепция службы, не имеющей общего экономического интереса. Она признана в основном законе, однако определения не имеет. В ее сфере и содержании имеется подраздел SIG, который входит в компетенцию Сообщества только для общих принципов договоров (прозрачность, отсутствие дискриминации, равное обращение, пропорциональность) и, следовательно, не подчиняется законам о конкуренции Сообщества и внутреннего рынка. Таким образом, ст. 2 Протокола № 26, прилагаемого к Лиссабонскому договору, предусматривает, что «положения договоров никоим образом не влияют на компетенцию государств-членов представлять, исполнять и организовывать неэкономические службы общего интереса». Но эта концептуальная согласованность и этот дух конвергенции, к сожалению, являются только внутренними для права европейских стран. Действительно, юридические усилия по регулированию экономической конкуренции не должны юридически изолировать законодательство о конкуренции от других законодательств, которые оказывают явное влияние на экономическую конкуренцию. Это касается социального права, экологического права, налогового законодательства или права интеллектуальной собственности, которые оказывают очень сильное воздействие на равные возможности и структуру экономических издержек, возложенных на различных конкурирующих экономических агентов. Таким образом, внутреннее и европейское конкурентное право применяются к компаниям, также подпадающим под требования законов об охране окружающей среды, налогообложении и социальном страховании, кото-

[42] Статья 14 (бывшая ст. 16 ТЕС) Договора о функционировании Европейского союза: без ущерба для ст. 4 Договора о Европейском союзе и ст. 93, 106 и 107 настоящего Договора и учитывая роль служб общего экономического интереса в общих ценностях Союза, а также роль, которую они играют в содействии социальной и территориальной сплоченности в Союзе, Союз и его государства-члены, каждое в пределах своих соответствующих сфер компетенции и в пределах сферы действия договоров, следят за тем, чтобы эти службы функционировали на основе принципов и в условиях, в частности экономических и финансовых, которые позволяют им выполнять свои миссии. Европейский парламент и Совет, действуя посредством регламента и в соответствии с обычной законодательной процедурой, устанавливают принципы и определяют условия отправления и финансирования этих служб без ущерба для компетенции государств-членов в соответствии с договорами.

рые могут быть довольно строгими. Хотя взаимосвязь между законодательством о конкуренции и этими другими законодательствами, связанными с финансовым бременем, не всегда четко установлена, следует отметить, что отдельные государства, как и Европа в целом, налагают налоговые, социальные и экологические ограничения на компании, которые явно воздействуют на их конкурентоспособность. С учетом этого, европейские компании оказываются в значительной степени наказуемыми по сравнению с их конкурентами из третьих стран, которые не несут тех же ограничений, введенных во имя общих интересов. Поэтому ожидалось, что закон ВТО исправит эти искажения конкуренции, которые могут существовать в результате разрешения на свободное перемещение товаров между экономическими зонами, признав, что компенсационные таможенные пошлины нивелируют неравное бремя. Этого не случилось. Закон свободной торговли вместо этого, скорее, ограничивает дивергенцию на мировом рынке, оставаясь при этом законом только торговой политики. Таким образом наименее развитые страны стремятся получить конкурентное преимущество, снизив для компаний все юридические ограничения, которые могут влиять на их конкурентоспособность. Точно так же компании, которые часто получают выгоду от отсутствия согласованности между различными членами ВТО, не стесняются переводить свое промышленное производство или услуги в страны с наименее требовательным законодательством. Единственным препятствием на пути конвергенции, которой будет заниматься законодательство о свободной торговле, была бы попытка привести законодательство европейских государств в соответствие с законодательством стран, экономика которых была бы наименее юридицизирована. Таким образом, можно предположить существование «рынка права» для всех корпоративных финансовых стратегий. Отсюда понятно, что «дух законов», который оживляет право на свободную торговлю, не есть дух правового государства в том смысле, что последнее строит правовую экономику, сувереном которой является. Свободная торговля выступает даже противником правовой экономики. Если закон о конкуренции является правом цивилизованной либеральной экономики, то право свободной торговли является правом финансового хищничества, и оно склонно играть на путанице, которая может сохраняться между свободой и хищничеством. Продолжая эту логику, можно даже утверждать, что свободная торговля является противником рынка. Эта беспощадная борьба финансистов за сокращение публичного экономического права государств путем финансового шантажа и пресечение любого проекта защиты европейского рынка не ведет ли к исчезновению на практике самой концепции рынка? Поэтому напоминание о правилах игры представляется необходимым: любая свобода предполагает юридическую конструкцию, т. е. концептуальное юридическое представительство различных экономических свобод, чтобы придать им смысл, совместимый с социальным договором, гарантом которого является государство. Признать это простое базовое правило – значит быть либеральным. Впрочем, что говорят нам так называемые либералы последние двадцать лет? Что нужно противопоставить свободу правилу: очевидно, идея может показаться подозрительной. Затем она была возведена в идеологическую, даже квазирелигиозную догму: государство, даже демократическое, является экономическим злом, а рынок без доверия или закона – добром... Предлагаемая динамика свободной торговли, как правило, блокирует, и даже приводит к регрессу законы, структурирующие рынок, и в результате разрушает его. Либеральный рынок заменяют фактические ситуации настоящей экономической войны.

Читая экономические исследования, можно обнаружить, что с са́мого зарождения экономической мысли никогда не формировалась такая коалиция представителей этой дисциплины [41]. Если история экономических теорий соткана из череды споров, часто пылких, а иногда и конфронтационных, о ценности, харак-

тере денег, формах конкуренции, предполагаемой роли капитала, пользы или опасности публичного вмешательства в ход дел, то сегодняшние дебаты расстилают перед нами скучную равнину [42]. Таким образом, неолиберальная вульгата сумела атаковать государства и их публичное экономическое право, чтобы успешнее поработить их в пользу финансовой глобализации. Доказательство таких научных квалификаций, данных в настоящей статье в отношении состояния мирового экономического права, можно найти в таможенной номенклатуре, упомянутой во введении. Цифры столь же выразительны, как и закон: почти 40 % промышленного импорта из Европейского союза осуществляется без таможенных тарифов, тогда как средний уровень таможенных тарифов для остальных 60 % составляет 3,5 %. Следовательно, существует мировая цена для каждого из продуктов, упомянутых в таможенной номенклатуре. Однако Франция, где обязательные сборы поглощают около 43,5 % ВВП[43], вступает в лобовую конкуренцию с Японией в производстве того же продукта, где обязательные сборы составляют всего 27,4 % от ВВП[44]. Те же французские компании конкурируют и с Китаем, где налоги почти такие же большие, как во Франции, но заработная плата в среднем составляет 260 евро в месяц с минимальным € 62 (без социального обеспечения и выплаты пенсий). Конкурентное преимущество для представителей Запада посредством инноваций (патентные заявки) и производительности также сводится на нет. Развивающиеся страны внедряют инновации, а их заводы роботизируются. Либерализация услуг также согласуется с общей логикой соглашения о торговле услугами ВТО. Кроме того, необходимо учитывать, что услуги освобождены от таможенных пошлин. Еще одним ударом по законодательству о конкуренции стало появление финансово непрозрачных стран, которые предоставляют компаниям возможности избежать налогообложения развитых стран. Эти правовые и финансовые механизмы, описанные как *офшорные*, например, использующие методы трансфертного ценообразования, очевидно нарушают равенство компаний в экономической конкуренции и компрометируют правовое государство[45]. Отмена нормативных актов, которые позволяли государственным органам осуществлять непосредственное вмешательство в экономическую сферу, не могла оставаться в силе. Действительно, демонтаж этой классической государственной власти на благо европейской интеграции и на благо соглашений ВТО должен был обрести политическую легитимность для утверждения нового публичного права. Взамен этих нормативных актов, которые делали экономику вопросом суверенитета, была предложена концепция регулирования. Регулирование станет набором методов для установления и поддержания оптимального экономического равновесия, требуемого рынком, который не способен вырабатывать этот баланс самостоятельно [37]. Это определение очень интересно, но юрист может сразу обнаружить в нем два серьезных недостатка для современного права. Первый – это сомнение, внушаемое малоизученным аспектом регулирования, применяемого к закону при

[43] Франция остается «чемпионом» обязательных сборов с обязательной ставкой корпоративного налога (ТРОЕ) в размере 17,9 % в 2009 году против среднеевропейского показателя в 12,6 %.

[44] Значения за 2005 год, задолго до финансового кризиса [18].

[45] Газета «Отголоски среды», 6 июля 2011 г.: «Компании CAC 40 платят очень мало налогов на компании» и интервью Жиля Карреса, стр. 4 ; Трансфертное ценообразование: Согласно определению Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), трансфертные цены являются «ценами, по которым предприятие переводит материальные ценности, нематериальные активы или услуги ассоциированным предприятиям». Но с более прагматичной точки зрения трансфертные цены являются средством оптимизации взвешивания глобального налогового бремени посредством территориальной передачи доходов из одной страны в другую, учитывая фактическую процентную ставку каждой из них. За последние десять лет трансфертное ценообразование стало одной из серьезных проблем. Планы корректировки, связанные с этой проблематикой, возросли с 200 тыс. евро в 1996 году до 1,1 млрд Евро в 2004 году. Мировая торговля внутри группы составляет более 60 % международной торговли.

нынешнем порядке его исполнения. Второй связан с моральными ценностями, которые соприродны с правовыми нормами. Как регулирование придает справедливость правовым нормам, должным проводить политику? Необходимо вновь обратиться к происхождению регулирования. Первоначально и в контексте духа системы понятие регулирования появилось вместе с кибернетикой, робототехникой Норберта Винера. Но на самом деле, и задолго до появления роботизированной эры, гидравлика всех цивилизаций также стремилась регулировать жидкости. Но надо заметить, что регулирование оставалось в своей области, в области механизмов. Совсем не удивительно, что составители договоров по гидравлике однажды увидели, что их концептуальные инструменты используются для управления государством. Достаточно было только сослаться на греческую этимологию слова «гидравлика», чтобы измерить масштабы происходящей революции. Гидравлика исходит от Hydros (вода) и aulos (флейта), что подразумевает работу с помощью жидкости в канале... Вот что должно было вызвать реакцию большинства ортодоксальных демократов, а также специалистов по правам человека! Но нет, перенос народа в государство гидравлической жидкости не явилось в сознании юристов постыдным отступлением от конституции. Поскольку регулирование не занимало ме́ста в иерархии норм, оно могло использовать свою силу привлекательности и иррадиировать на всю правовую систему. Таким образом, сторонники регулирования могли, по крайней мере в своей выставленной напоказ идеологии, вызвать в начале подозрение в похвальных намерениях. Для устранения дефицита глубинной легитимности политического класса, идея создания регуляторов, т. е. независимых административных органов, состоящих из «мудрецов», наделенных бесспорным опытом, была идеей хорошей. Но регулирование остается чрезвычайно сложной концепцией для легализации [22], и в этом смысле она является союзником свободной торговли, поскольку она позволяет ей оправдывать разрегулирование экономики, сохраняя при этом идею о том, что правопорядок неформальный и доброжелательный продолжает осуществляться. В любом случае регулирование является явным доказательством кризиса, через который проходит общий интерес, кризис, который воспринимается как острый скептицизм по отношению к классическим методам государственного вмешательства (и поэтому, будучи идеологически дискредитированы, нормативные акты, позволяющие защищать общие интересы, были отменены без создания того же юридического арсенала на европейском уровне). Следует, однако, отметить, что либеральная идеология свободной торговли, основанная просто на дополнительном постулате административной деятельности, единственная задача которого – смягчить возможный кратковременный отказ от естественных экономических механизмов, начинает вызывать серьезные сомнения [17]. Даже Всемирный банк, долгое время выступавший за минимальное государство, в докладе за 1997 год подчеркнул важность роли государства, хотя оно по-прежнему считается только «регулятором» [58]. В результате этих дебатов мы видим, что общие интересы, защищаемые государством, кажутся нам неприемлемыми. Доказательством этому явилось доминирование государственного воздействия на экономику во имя общих интересов в период финансового кризиса 2008 года. Конечно, защита общих интересов традиционными средствами вмешательства государства не должна ограничиваться исключительными обстоятельствами. Наконец, следует отметить, что истинные специалисты в области регулирования с научно обоснованным подходом, т. е. специалисты по гидравлике в области машиностроения, наверняка посчитали бы совершенно недопустимой реальную практику законодательства, осуществляемую посредством регулирования [21].

Эти проблемы гармонизации и взаимодополняемости международного экономического права и европейского права, подразумевающие наличие проблем кон-

курентоспособности для европейских компаний, не оставили равнодушными европейских парламентариев. Действительно, в резолюции Европейского парламента от 24 апреля 2008 года, озаглавленной *«На пути к реформе Всемирной торговой организации»* [59], депутаты Европарламента подчеркивают, что ВТО является единственной глобальной организацией, уполномоченной разрабатывать регламенты, которая не входит в семью организаций системы Организации Объединенных Наций, и поэтому действия ВТО по-прежнему ограничены только областью торговой политики. Поэтому они призывают Комиссию поставить эту структурную проблему на первое место в повестке дня реформы ВТО. Те же члены требуют тщательного изучения вопроса о более эффективной интеграции проблем, не связанных с торговлей, в сферу применения правил ВТО, с тем чтобы позволить членам добиваться законных политических целей, сохраняя при этом доступ к рынку. Они подчеркивают в этом отношении, что усилия по принятию международных критериев должны быть решительно поддержаны Союзом и что развивающимся странам должна быть оказана необходимая помощь, с тем чтобы они могли удовлетворять этим критериям. Наконец, в интересах обеспечения согласованности между системой Организации Объединенных Наций и ВТО Европейский парламент считает, что наиболее амбициозной задачей для ВТО является обеспечение правилами торговли полного соблюдения законодательства в области прав человека, а также социальных и экологических критериев. В той же логике и в тот же день, 24 апреля 2008 года, Европейский парламент принял, 530 голосами «за», 14 «против», при 9 воздержавшихся, резолюцию о соглашении о свободной торговле между ЕС и Советом сотрудничества стран Залива (ССЗ), представленную Комитетом по международной торговле. В этой резолюции парламент полагает, что торговое соглашение с ССЗ является полезным дополнением к многосторонней системе ВТО, при условии, что оно выходит далеко за рамки сокращения таможенных тарифов и учитывает критерии качества, связанные с торговлей, включая действующие положения о правах человека, социальные и экологические стандарты. Но давайте не будем упускать из виду, что самое главное для Европы – это коммерческий подход, который следует справедливо поощрять перед лицом конкуренции, в частности со стороны США и азиатских стран. Части текста, посвященные правам человека, социальным или экологическим стандартам, останутся мертвой буквой, если будет затронута экспортная конкурентоспособность европейских компаний.

Заключение

Настоящее исследование требует появления другого, где будет задан вопрос о пределах ограничений свободы рынка, которые могут быть введены государственными органами. Может ли рынок существовать как таковой без какой-либо суверенной государственной власти, организующей и обеспечивающей его функционирование? Возможно ли, чтобы публичная власть, «государство», существовала как таковая, если ей больше не удается подчинять рынок своим полномочиям, чтобы избежать его излишеств?[46]

Участники переговоров в ВТО, независимо от того, какие страны или экономические зоны они представляют, до сих пор всегда действовали, исходя из интересов, а не из рациональных соображений. Интересы требовали, чтобы Европа вступила в экономическую войну, чтобы не оставить мировой рынок Соединенным Штатам. Интересы потребовали, чтобы Китай присоединился к ВТО, поскольку он представляет собой новый рынок для западных стран и поскольку он становился недорогой мировой мастерской. Интересы требовали, чтобы теперь

[46] Или, скорее, тех явлений экономической войны, которые рынком уже не являются.

глобальная свобода в обращении капиталов могла помочь избежать налогов со стороны развитых стран. Разум, однако, указывает, что социальный договор государства, основанный на общем интересе, рассматривает все аспекты общества как неразделимое целое. Тот же разум требует, чтобы экономические свободы были юридически выстроены государствами, наделенными всеми атрибутами суверенитета. Европа утверждает, что ее очень большое многообразие, культурная и юридическая самобытность, возможно, смогут подчинить свои полномочия интересам экономики и финансов. Условия глобальной торговли могут подвергнуться ревизии. Для этого было бы достаточно ввести таможенные пошлины против стран, которые не соблюдают основополагающих прав, сформировавших Европу. Будет ли европейское федеральное государство защищено суверенитетом своего рынка?

Литература

1. Arrêt [de la Cour du 23 novembre 1999], Portugal/Conseil, [C–149/96, Rec. p. I–8395].
2. Arrêt Almélo du 27 avril 1994 de la Cour de justice des communautés européennes.
3. Arrêt CE 24 mars 2006 KPMG et Conseil d'État № 289687, lecture du vendredi 30 mars 2007.
4. Arrêt Corbeau du 13 mai 1993 de la Cour de justice des communautés européennes.
5. Arrêt de la Cour [du 7 mai 1991], Nakajima/Conseil, [C–69/89, Rec. p. I–2069], point 31.
6. Arrêt de la Cour du 12 mars 2002, Omega Air e.a., C–27/00 et C–122/00, Rec. p. I-2569, point 93.
7. Arrêt de la Cour du 16 juin 1998, Racke, C–162/96, Rec. p. I–3655, point 49.
8. Arrêt de la Cour du 22 juin 1989, Fediol/Commission, 70/87, Rec. p. 1781, points 19 à 22.
9. Arrêt de la Cour du 30 septembre 2003, Biret International/Conseil, C–93/02 P, Rec. p. I–10497, point 52.
10. Arrêt de la Cour du 9 janvier 2003, Petrotub et Republica, C–76/00 P, Rec. p. I–79, point 53.
11. Arrêt du 13 mars 2007, Unibet, C–432/05, Rec. p. I–2271, point 37.
12. Arrêt du 16 décembre 2008, Masdar (UK)/Commission, C-47/07 P.
13. Arrêt du 3 septembre 2008, Kadi et Al Barakaat International Foundation/Conseil et Commission, C–402/05 P et C–415/05 P, non encore publié au Recueil, point 335.
14. Arrêt CJCE du 8 juillet 1999, Montecatini SpA c. Commission.
15. Arrêt CJCE du 17 décembre 1998 Baustahhlgewebe GmbH c. Commission.
16. Arrêt CJCE du 1er juillet 2008, Chronopost et La Poste/UFEX e.a., C–341/06 P et C–342/06 P.
17. Auby J. B., La globalisation, Le droit et l'Etat, Montchrestien, clefs politique, 2003, p. 98 et S.
18. Avis et rapport du Conseil Economique et social, Prélèvements obligatoires: compréhension, efficacité économique et justice sociale, Rapport présenté par M. Philippe Le Clézio. 2005. Mandature 2004–2009.
19. Berr C. J., Union douanière, Revue trimestrielle de droit européen, 2010, p. 389.
20. Bertrand A., Kalafatides L., OMC, le pouvoir invisible, Ed. Fayard, 2007.
21. Bleux J. M., Fanchon J. L., Génie mécanique automatismes industriels, ed. Nathan, 1996.
22. Calandri L., La notion de droit administratif français, LGDJ, janvier 2009.
23. Carreau D., Flory T., Juillard P., Droit international économique, 3°édition, Editions LGDJ, 1990, p. 106 et 110.
24. CJCE 21 février 1973, Europemballage corporation et continental can company, 6/72, rec. p. 215.
25. CJCE 5 octobre 1994, Allemagne c/ Conseil.
26. CJCE Ahlsthröm du 27 septembre 1988, 89/85, rec. p. 5193.
27. CJCE International Fruit Company du 12 décembre 1972.
28. CJUE, grande ch., 9 sept. 2008, affaires jointes C-120/06 P et C-121/06 P, FIAMM et FIAMM Technologies c/ Conseil et Commission, soutenus par l'Espagne et Giorgio Fedon & Figli SpA et Fedon America c/ Conseil et Commission, soutenus par l'Espagne.

29. Clamour G., Intérêt général et concurrence. Essai sur la pérennité du droit public en économie de marché» (2004), Prix de l'Académie française, Dalloz, coll. «Nouvelle Bibliothèque de Thèses», 2006, vol. 51.
30. Conseil d'État № 297711, lecture du 9 juillet 2007.
31. Conseil d'Etat, arrêt du № 228856 229824 lecture du vendredi 15 juin 2001.
32. Debussy C., Correspondance, François Lesure et Denis Herlin, Ed. Gallimard, 2005.
33. Décision du 30 juillet 1997, Europe, février 1998, n° 67, Obs. L. Idot.
34. Décision n° 2007-560 DC du 20 décembre 2007.
35. Delcourt Ch. Relations extérieures de l'Union européenne, Revue trimestrielle de droit européen, 2010, p. 745.
36. Depuis la Conférence économique internationale de Genève (SDN) du 4 au 23 mai 1927 (publication de la SDN n°1927.II.52 I et II).
37. du Maris B., Droit public de la régulation économique, Dalloz, Collection Amphi, 2004, p. 483 et s.
38. Dubouis L., Blumann C., Droit matériel de l'Union européenne, 3° edition, Montchrestien, p. 400.
39. Farjat G, La notion de droit économique, Archives de philosophie du droit, Ed. Sirey, 1992, tome 37, p. 27.
40. Garaud M. F., Impostures politiques, 2010, p. 51 et s.
41. Goldsmith E., Mander J., Le procès de la mondialisation, Fayard, 2001.
42. Gréau J. L., La trahison des économistes, Ed. Gallimard, sept. 2008,
43. Henry J.-P., La fin du rêve Prométhéen? Le marché contre l'Etat, R. D. P, 1991, p. 632.
44. Laget-Annamayer A. Le statut des accords OMC dans l'ordre juridique communautaire : en attendant la consécration de l'invocabilité, Revue trimestrielle de droit européen, 2006, p. 249.
45. Laubadère A., Droit public économique, cinquième Ed., 1983, p. 616 et s.
46. Leroy Ch., De la normativité économique en démocratie de marché, Mélanges offerts à Monsieur Le Professeur Jacques Dupichot, 2004.
47. Leroy Ch., L'intérêt général comme régulateur des marchés, Revue trimestrielle de droit européen janvier-mars 2001.
48. Leroy Ch., Les rapports contemporains entre l'Etat et le marché, Essai d'interprétation, La revue administrative, 1996.
49. Leroy Ch., Pour un droit souverain du marché européen. – URL: http://chrisleroy.free.fr/droit-souverain.htm.
50. Les entreprises du CAC 40 paient très peu d'impôt sur les sociétés, Journal Les échos du mercredi 6 juillet 2011.
51. Les incidences constitutionnelles de la réforme accordant son indépendance à la Banque de France, Les petites affiches, 18 juillet 1994, n°85, p. 5.
52. Ligneul N., Le droit de la concurrence dans le cadre de l'OMC. – http://www.cedroma.usj.edu.lb/pdf/omc/Ligneul.pdf
53. Ordonnance de la Cour du 2 mai 2001, OGT Frucht handelsgesellschaft, C–307/99, Rec. p. I–3159, point 24.
54. Pascal B., Pensées, 1670.
55. Pastré O., La méthode Colbert ou Le patriotisme économique efficace, Ed. Perrin, 2006.
56. Règlement (CE) no 125/2008 du Conseil du 12 février 2008.
57. Règlement (CE) No 3286/94 du Conseil du 22 décembre 1994 (Journal officiel L 349 du 31.12.1994, p. 71) modifié par le règlement (CE) n°125/2008 du Conseil du 12 février 2008, Journal officiel n° L 040 du 14/02/2008 p. 0001–0002.
58. Shiata I., The changing rôle of de state and some related gouvernance issues, Revue européenne de droit public, 1999, № 4, p. 1459.
59. Sur la voie d'une réforme de l'Organisation mondiale du commerce : résolution du Parlement européen du 24 avril 2008 (2007/2184(INI)).
60. Traité sur l'Union européenne et du traité sur le fonctionnement de l'Union européenne: Journal officiel n° C 115 du 09/05/2008, p. 0001–0388.
61. Truchet D., L'intérêt général dans la jurisprudence du Conseil d'Etat: retour aux sources et équilibre, Conseil d'Etat, rapport public 1999.

Christophe Leroy,
Doctor of Law, University of Perpignan (France)

The Globalized Free Competition: Essay about Interrelation between the Right of Free Trade and the Right of the Competition

A research objective is studying of interrelation between freedom of trade and the right of the competition. It turns out that freedom is used contrary to norms which are actually intended for her regulation. Thus the attempt to show how free trade can become the instrument of violation of the classical law of economy of the constitutional state – rule of law (and corresponding legal economy) in favor of economic normativity of behaviour. Differences in political goals and legal structures of free trade and the competition and also corresponding to them (and also various) institutional concepts of these divergences are analyzed. The legal means necessary for implementation of the economic policy designed to protect the interests of the nation (public interests), available for the sovereign state though any of these legal means hasn't got the constitutional level in France, for example, on the one hand are analyzed. On the other hand, the process of legal evolution connected with restriction of sovereignty of member states of the European Union (EU) and emergence of the exclusive competence of the EU which isn't allowing the certain states to use the specified means in the effective way is considered. Protection of common interests of the European countries isn't promoted in a full and desirable measure by activity of the WTO which doesn't correct the available competition distortions which appear as a result of free movement of goods between economic zones. The law of free trade limits divergence in the world market, remaining at the same time the law only of trade policy. Thus, some countries seek to get competitive advantage, having reduced all legal restrictions which can influence their competitiveness for the companies. In the same way the companies which often receive benefit from lack of coherence between various members of the WTO don't hesitate to transfer the industrial production or services to the countries with the least exacting legislation. Free trade acts as the opponent of legal economy. If the law on the competition is the right of civilized liberal economy, the right of free trade is more likely the right of financial predatoriness, and it tends to play on confusion which can remain between freedom and predatoriness. Free trade is an opponent of the market. This ruthless fight of financiers on reduction of the public economic law of the states by financial blackmail and to suppression of any project of protection of the European market leads, apparently, to disappearance in practice of the concept of the market. Freedom is opposed to regulation that is built in ideological, quasireligious dogma: the state, even democratic, is the economic evil, and the market without belief and the law is good. This dynamics of free trade blocks the laws structuring the market and as a result destroy it.

Key words: public law; public economic law; European law; right of the competition; freedom of trade; legislation on the competition; legislation on free trade; market; globalization; public interest; protection of interests of consumers; principle of justice; discrimination prohibition; equal treatment; proportionality; principle of legal safety; legal structure of liberalism; constitutional state – rule of law; European Union (EU); exclusive competence of the EU; World Trade Organization (WTO); hierarchy of norms; constitutional right of multinational corporations; constitutional values; sovereignty of the state; sovereignty restriction; legal means; market rules; pacta sunt servanda; "right market".

УДК 340.131

А. Р. Султанов*

Исполнение Постановления Конституционного Суда РФ – зеркало справедливости судебной системы

В данной статье рассмотрен вопрос об исполнении постановлений Конституционного Суда РФ через призму необходимости восстановления нарушенных прав и принципов эффективной правовой защиты.

Ключевые слова: Конституционный Суд РФ; пересмотр по новым обстоятельствам; толкование; справедливость.

Быть добрым совсем нетрудно; трудно быть справедливым.
В. Гюго

Мы всегда полагали, что оспаривание нормативных актов, как в процедуре оспаривания их конституционности, так и в процедуре административного судопроизводства, служит для защиты нарушенных прав, свобод и законных интересов граждан и их объединений [4].

Это утверждение звучит аксиоматично (как утверждение, не требующее доказательств), но оно может быть доказано, поскольку для того, чтобы обращения граждан или их объединений были приняты судом, нужно, чтобы их права были нарушены оспариваемым нормативным актом. Судебные органы, Конституционный Суд РФ взываются к правозащитной деятельности фактом нарушений прав и свобод, и заявитель должен быть «жертвой», его права, свободы и законные интересы должны быть нарушены [5], либо он должен доказать, что существует реальная угроза их нарушения[1].

Соответственно, признание нормативного акта неконституционным или противоречащим вышестоящему нормативному акту должно в дальнейшем стать причиной восстановления нарушенных прав.

Однако, когда знакомишься с правоприменительной практикой, иногда создается впечатление, что суды считают оспаривание не способом защиты нарушенных прав, а неким альтруистическим действием, которое не создает благоприятных правовых последствий для лиц, оспаривавших нормативный акт. Такая практика порождает сомнение в возможности добиться справедливости и подрывает веру в правосудие.

Рассмотрим в данной статье пример неисполнения Постановления Конституционного Суда РФ, вынесенного по важному социальному вопросу.

Некоторое время назад мы обращались к проблеме исполнения Постановлений Конституционного Суда РФ, подготовив по просьбе коллег ходатайство о разъяснении Постановления Конституционного Суда РФ, которое закончилось вынесением Определения Конституционного Суда РФ от 11 ноября 2008 г. № 556-О-Р «О разъяснении Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 5 февраля 2007 года № 2-П по делу о проверке конституционности положений ст. 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации».

Мы полагали, что данное Определение разрешило проблему и устранило барьеры в исполнении решений Конституционного Суда РФ. Это предположение

* **Айдар Рустэмович Султанов,** начальник юридического управления ПАО «Нижнекамскнефтехим» (г. Нижнекамск).

[1] См. ч. 2 ст. 62 КАС РФ.

© А. Р. Султанов, 2018

мы делали из следующих правовых позиций Конституционного Суда РФ: «Отсутствие непосредственно в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации такого основания для пересмотра дела, как выявление Конституционным Судом Российской Федерации конституционно-правового смысла нормы, который ранее в процессе правоприменения ей не придавался, не может служить поводом для отказа в пересмотре. Иное – вопреки требованиям и предназначению ст. 125 (ч. 4 и 6) Конституции Российской Федерации, а также ст. 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» – приводило бы к невозможности исполнения решения Конституционного Суда Российской Федерации и потому лишало бы смысла обращение заявителей в Конституционный Суд Российской Федерации, делая иллюзорным предоставленный гражданам и их объединениям способ защиты своих прав с помощью конституционного правосудия. Положение части второй ст. 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», определяющее последствия решений Конституционного Суда Российской Федерации, распространяется на любые административные процедуры, а также на все виды судопроизводства, предусмотренные Конституцией Российской Федерации. Указанное законоположение в соответствии со ст. 15 (ч. 1) и 76 (ч. 3) Конституции Российской Федерации обладает приоритетом перед имеющим статус федерального закона Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации. Ссылка в решении Конституционного Суда Российской Федерации на часть вторую статьи 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» означает, что *содержащееся в ней предписание о пересмотре дел заявителей подлежит исполнению, в том числе – при отсутствии в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации специально предусмотренных адекватных процедур* – на основе процессуальной аналогии».

Из этого со всей очевидностью можно было ожидать, что вопрос исполнения постановлений Конституционного Суда РФ не может быть зависим от пробелов в процессуальных законах или несовершенств содержащихся в них процедур.

Однако количество обращений в Конституционный Суд РФ с оспариванием положений ст. 392 ГПК РФ, как не обеспечивающей исполнение Постановлений Конституционного Суда РФ, показывает, что проблема требует законодательного регулирования.

Процедура пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам или новым обстоятельствам не может быть признана универсальным средством для исполнения решений Конституционного Суда РФ, тем более что она описана законодателем в ГПК РФ лишь рудиментарно [6], без учета правовых позиций Конституционного Суда РФ. К сожалению, сама по себе данная процедура в том виде, в котором она закреплена в ГПК РФ, не может в полной мере обеспечить восстановление нарушенных прав, хотя и может быть вполне успешно применена в качестве процессуальной аналогии для восполнения пробела. Всё же мы полагаем, что законодательный способ разрешения данной проблемы более правилен, поскольку применение аналогии в большой степени зависит от усмотрения суда [7]. Тем более что процедура пересмотра по вновь открывшимся или новым обстоятельствам предполагает, что пересмотр производит суд, который и вынес решение без учета требований Конституции РФ и который иногда может настаивать на своей «правоте» и уклоняться от исполнения решения Конституционного Суда РФ.

Недавний пример неисполнения судами Постановления Конституционного Суда РФ от 17 октября 2017 г. № 24-П «По делу о проверке конституционности п. 5 части четвертой ст. 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Д. А. Абрамова, В. А. Ветлугаева и других»,

которым п. 5 части четвертой ст. 392 ГПК Российской Федерации был признан не противоречащим Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования он не предполагает возможности отмены вступивших в законную силу судебных постановлений по новым обстоятельствам в связи с определением (изменением) практики применения правовой нормы, примененной судом в конкретном деле, в определении судебной коллегии Верховного Суда Российской Федерации, вынесенном по итогам рассмотрения другого дела в кассационном порядке.

Напомним, что причиной обращения в Конституционный Суд РФ явилось применение п. 5 части четвертой ст. 392 ГПК Российской Федерации, в частности, при рассмотрении Рудничным районным судом города Прокопьевска Кемеровской области гражданских дел по искам граждан к государственному учреждению «Кузбасское региональное отделение Фонда социального страхования Российской Федерации». Так, в пользу Д. А. Абрамова, В. А. Ветлугаева и С. Н. Долгунова решениями данного суда от 18 марта 2015 года, от 18 сентября 2015 года и от 3 февраля 2015 года соответственно, оставленными без изменения судом апелляционной инстанции, были взысканы суммы индексации несвоевременно выплаченных страховых платежей, определения правовой природы платежей по возмещению вреда здоровью и страховых выплат, осуществляемых по программе обязательного социального страхования от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний. Однако в 2016 году определениями того же суда, также оставленными без изменения судом апелляционной инстанции, эти решения были отменены в связи с новым обстоятельством, в качестве какового суды указали правовую позицию о недопустимости индексации указанных сумм на день исполнения решения, выраженную в определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 25 апреля 2016 года по делу № 81-КГ16-3, по данным делам был также осуществлен поворот исполнения судебных актов. То есть, хотя предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ была только неконституционность ст. 392 ГПК РФ, вопросов, касающихся справедливости нормативного регулирования и правоприменения, было больше, в частности, конституционности толкования ст. 445 ГПК РФ, положений закона об индексации. Некоторые из граждан в аналогичной ситуации стали строить защиту на оспаривании положений ст. 445 ГПК РФ[2], но в рассмотрении их жалобы Конституционным Судом РФ было отказано в связи с тем, что еще не закончена стадия пересмотра судебного акта по новым обстоятельствам на основе правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, сформированных в Постановлении от 17 октября 2017 года № 24-П.

Соответственно, вопрос исполнения Постановления Конституционного Суда РФ № 24-П от 17 октября 2017 года являлся значимым не только для заявителей по делу, но и для других лиц. Но здесь мы более внимательно рассмотрим исполнение Постановления Конституционного Суда РФ в делах некоторых заявителей. В соответствии с названным Постановлением Д. А. Абрамов, В. А. Ветлугаев, С. Н. Долгунов, Е. А. Казаченко и В. П. Печков, руководствуясь п. 3 части четвертой ст. 392 ГПК Российской Федерации, обратились в суд с заявлениями об отмене судебных постановлений, основанных на п. 5 части четвертой ст. 392 данного Кодекса, по их искам к государственному учреждению «Кузбасское региональное отделение Фонда социального страхования Российской Федерации» о взыскании денежных сумм.

[2] Определение Конституционного Суда РФ от 13 марта 2018 г. № 585-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Владимира Степановича Волосникова на нарушение его конституционных прав положениями части третьей ст. 445 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации».

Рудничный районный суд города Прокопьевска Кемеровской области производство по указанным заявлениям прекратил, указав, что судебные постановления, которыми дело не разрешается по существу, могут быть пересмотрены лишь в том случае, если они исключают возможность дальнейшего движения дела, к числу которых определения Рудничного районного суда города Прокопьевска Кемеровской области от 3 августа 2016 года, от 26 июля 2016 года, от 25 августа 2016 года и от 17 мая 2016 года (об отмене по новым обстоятельствам решений этого суда) не относятся, поскольку данными определениями делá не были разрешены по существу и их вынесение не может повлиять на возможность дальнейшего движения дел.

То есть суд полагал, что определение, вынесенное по результатам заявления о пересмотре по вновь открывшимся или новым обстоятельствам, не может быть объектом пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам или новым обстоятельствам. Полагаем, что в данном случае суд даже не задумывался о справедливости своего подхода, а лишь настаивал на его законности. Жаль, ведь это помогло бы исправить уже совершенную ошибку. Напомним позицию Верховного Суда РФ о том, что решение не может быть признано справедливым, судебная защита не может считаться полной и эффективной, когда допущена судебная ошибка, и что необходимо также руководствоваться ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г., согласно которой решение суда подлежит пересмотру, если какое-либо новое или вновь обнаруженное обстоятельство неоспоримо доказывает наличие судебной ошибки[3].

Некоторые процессуалисты полагали, что пересмотр судебного акта в случае выявления неконституционности нормы не должен осуществляться судом, вынесшим решение, а должен осуществляться в инстанционном порядке [8; 1 и др.]. Хотя мы не разделяли этой точки зрения, мы соглашались с тем, что при пересмотре судебного акта судом, вынесшим судебное решение, возникает риск неспособности суда, который при рассмотрении дела не увидел либо проигнорировал нарушение положений Конституции и/или Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, признать свою собственную судебную ошибку и вынести справедливое решение [3].

Однако вернемся к вопросу об объекте пересмотра. Надо отметить, что в ч. 1 ст. 392 ГПК РФ содержится лишь указание, что «решения, определения суда, постановления президиума суда надзорной инстанции, вступившие в законную силу, могут быть пересмотрены по вновь открывшимся обстоятельствам». В данной статье не содержится никакого ограничения для пересмотра определений.

Однако определение суда о том, что данная категория определений не подлежит пересмотру по вновь открывшимся обстоятельствам, не является произвольным, оно фактически основано на обязательной силе разъяснений Верховного Суда РФ.

А именно в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 11 декабря 2012 г. № 31 «О применении норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении судами заявлений, представлений о пересмотре по вновь открывшимся или новым обстоятельствам вступивших в законную силу судебных постановлений» дано разъяснение, сужающее объект для пересмотра по вновь открывшимся и новым обстоятельствам: «*Вступившие в законную силу ре-*

[3] См. Постановление Пленума ВС РФ от 20 декабря 2005 г. № 26 «О вопросе, возникшем после принятия Пленумом Верховного Суда Российской Федерации 5 апреля 2005 г. Постановления № 7 «О внесении изменений и дополнений в Постановление Пленума ВС РФ от 14 декабря 2000 г. № 35 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел, связанных с реализацией инвалидами прав, гарантированных Законом Российской Федерации “О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС”».

шения судов первой инстанции, определения судов апелляционной инстанции, постановления и определения судов кассационной инстанции, постановления Президиума Верховного Суда Российской Федерации могут быть пересмотрены по вновь открывшимся или новым обстоятельствам судом, принявшим постановление. Исходя из положений п. 2 ч. 1 ст. 331 ГПК РФ определения названных судов, которыми дело не разрешается по существу, могут быть пересмотрены в случае, если они исключают возможность дальнейшего движения дела (ч. 4 ст. 1 ГПК РФ)».

То есть граждане, обратившиеся за исполнением Постановления Конституционного Суда РФ, столкнулись с препятствием в виде ограниченного толкования Верховного Суда РФ.

Конституционный Суд РФ, рассматривая заявления граждан о разъяснении порядка исполнения Постановления Конституционного Суда РФ, не стал обращать внимание на данное разъяснение Верховного Суда РФ, возможно, потому, что был связан предметом обращения[4]. Конституционный Суд РФ в своем определении цитировал другую часть Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11 декабря 2012 года № 31 «О применении норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении судами заявлений, представлений о пересмотре по вновь открывшимся или новым обстоятельствам вступивших в законную силу судебных постановлений», в которой говорилось о том, что постановление Конституционного Суда Российской Федерации может являться новым обстоятельством (п. 3 ч. 4 ст. 392 ГПК РФ) и в случае, если оно содержит иное конституционно-правовое истолкование нормативных положений, примененных в конкретном деле, в связи с принятием судебного акта, по которому заявитель обращался в Конституционный Суд Российской Федерации, и в силу этого влечет пересмотр судебного акта в отношении заявителя. Хотя, надо отметить, причиной отказа в осуществлении процедуры явилось не отсутствие в процессуальном законе основания для пересмотра толкования Конституционного Суда РФ, а отрицание такого объекта для пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам, как определение суда о пересмотре судебного акта по вновь открывшимся обстоятельствам.

По всей видимости, Конституционный Суд РФ, связанный предметом обращения, вынужден был сконцентрироваться на обязательности пересмотра на основании его постановления и не стал вторгаться в исследование толкования Верховного Суда РФ, ограничивающего объект для пересмотра: *«Пересмотр по новым обстоятельствам судебных постановлений в связи с вынесением Конституционным Судом Российской Федерации решения, выявившего конституционно-правовой смысл правовой нормы, расходящийся с ее истолкованием, в котором эта норма была применена в конкретных делах заявителей, возможен только в процедуре, предусмотренной гл. 42 ГПК Российской Федерации. Следовательно, в соответствии с п. 3 части четвертой ст. 392 ГПК Российской Федерации пересмотру подлежат судебные постановления по делам заявителей – определения суда об отмене решений по новым обстоятельствам, которыми спор по существу не разрешен и которые не исключают возможности дальнейшего движения дел, а также основанные на этих определениях решения суда, вынесенные при новом рассмотрении дел, – в которых п. 5 части четвертой ст. 392 данного Кодекса был применен судом вопреки его конституционно-правовому*

[4] Определение Конституционного Суда РФ от 13 марта 2018 г. № 586-О-Р «По ходатайствам граждан Дмитрия Александровича Абрамова, Владимира Анатольевича Ветлугаева, Сергея Николаевича Долгунова, Елены Алексеевны Казаченко и Виктора Петровича Печкова о разъяснении Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 17 октября 2017 года № 24-П».

смыслу, выявленному в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 17 октября 2017 года № 24-П».

Однако толкование Пленума Верховного Суда РФ фактически было частью данной правовой ситуации, но не получило правовой оценки.

Полагаем возможным обратить внимание на то, что фактически данное толкование не содержит в себе запретов, а, скорее, осуществляет ограничение через дозволение. Всё же именно ограничение, поскольку сама ст. 392 ГПК РФ не ограничивает круг определений, подлежащих пересмотру. Мы не уверены, что возможно ограничение прав на судебную защиту судебным толкованием, особенно через дозволение – «в отношениях, где адресатами дозволительных норм являются граждане, общие дозволения могут быть конкретизированы лишь в плане расширения их прав» [2].

В то же время мы не уверены, что Верховный Суд РФ имел намерение ограничить пересмотр определений, вынесенных в порядке пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам.

Наше сомнение основано на том, что в разъяснении Верховного Суда РФ для определения круга определений, подлежащих пересмотру, сделана ссылка на п. 2 ч. ст. 331 ГПК РФ.

Ст. 331 ГПК РФ очерчивает круг определений суда, подлежащих обжалованию отдельно от решения суда. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ сделана ссылка только на п. 2 ч. 1 ст. 331 ГПК РФ, но опущена ссылка на п. 1 ч. 1 ст. 331 ГПК РФ, предусматривающая возможность обжалования определений отдельно от судебного решения, когда это предусмотрено ГПК РФ.

Мы можем предполагать, что это было сделано потому, что не было необходимости разъяснения возможности пересмотра определений в процедуре пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам, которые подлежат обжалованию, в связи с очевидностью этого. Однако на практике мы сталкиваемся с другим пониманием судов.

Правильней всё же давать толкования, исключающие неоднозначность во избежание необоснованного ограничения прав и свобод граждан. В качестве примера сошлемся на разъяснение аналогичного вопроса в Постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30 июня 2011 г. № 52 «О применении положений Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при пересмотре судебных актов по новым или вновь открывшимся обстоятельствам»: *«Определения суда могут быть пересмотрены по новым или вновь открывшимся обстоятельствам в случаях, если: 1) в соответствии с АПК РФ предусмотрено обжалование определения; 2) определение препятствует дальнейшему движению дела».*

Напомним, что определения о пересмотре по вновь открывшимся обстоятельствам в настоящее время подлежат обжалованию (ч. 2 ст. 397 ГПК РФ). Ранее существовавший запрет на обжалование таких определений был признан неконституционным в Постановлении Конституционного Суда РФ от 19 марта 2010 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности части второй ст. 397 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан И. В. Амосовой, Т. Т. Васильевой, К. Н. Жестковой и других»

Полагаем, что правовые позиции Конституционного Суда РФ из данного Постановления должны были быть учтены судом первой инстанции, что исключило бы задержку с восстановлением конституционных прав граждан: «Устанавливая запрет на обжалование в кассационном (апелляционном) порядке определения суда первой инстанции об удовлетворении заявления о пересмотре судебного постановления по вновь открывшимся обстоятельствам и не позволяя тем самым эффективно контролировать обоснованность отмены этого судебного постанов-

ления и возобновления рассмотрения дела, часть вторая ст. 397 ГПК Российской Федерации лишает заинтересованных лиц адекватных средств правовой защиты от произвольной отмены судебных постановлений, вступивших в законную силу, что, в свою очередь, может повлечь на этой стадии гражданского судопроизводства, носящей экстраординарный характер, неоправданные отступления от принципа правовой определенности и стабильности судебных актов. Тем самым нарушаются право на справедливое судебное разбирательство, как оно гарантировано в том числе ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, и, соответственно, – вытекающие из ее ст. 13 международные обязательства Российской Федерации. <…> Из принципа юридического равенства применительно к реализации конституционного права на судебную защиту вытекает требование, в силу которого однородные по своей юридической природе отношения должны регулироваться одинаковым образом; соблюдение конституционного принципа равенства, гарантирующего защиту от всех форм дискриминации при осуществлении прав и свобод, означает, помимо прочего, запрет вводить такие ограничения в правах лиц, принадлежащих к одной категории, которые не имеют объективного и разумного оправдания (запрет различного обращения с лицами, находящимися в одинаковых или сходных ситуациях); любая дифференциация, приводящая к различиям в правах граждан в той или иной сфере правового регулирования, должна отвечать требованиям Конституции Российской Федерации, в соответствии с которыми такие различия допустимы, если они объективно оправданны, обоснованны и преследуют конституционно значимые цели, а для достижения этих целей используются соразмерные правовые средства (постановления от 24 мая 2001 года № 8-П, от 3 июня 2004 года № 11-П, от 15 июня 2006 года № 6-П, от 5 апреля 2007 года № 5-П, от 25 марта 2008 года № 6-П и от 26 февраля 2010 года № 4-П). <…> Установление пониженного уровня процессуальных гарантий защиты прав граждан в делах, рассматриваемых судами общей юрисдикции, не может быть оправдано спецификой этих дел и приводит к нарушению закрепленного в ст. 19 (ч. 1) Конституции Российской Федерации принципа равенства всех перед законом и судом».

Таким образом, мы видим, что, действительно, препятствий в пересмотре определений по вновь открывшимся обстоятельствам или новым обстоятельствам, в этой процедуре не существует, а имеет место лишь неправильное толкование судами разъяснения Пленума Верховного Суда РФ.

На наш взгляд, любое толкование норм всегда должно осуществляться только через призму ст. 2 Конституции РФ: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства», ну а право само по себе – это искусство добра и справедливости, а не торжество бездушного формализма.

В начале судебной реформы в России были правильно расставлены акценты: «Благодаря судебному процессу закон применяется не механически, на манер клейма, а по правде и по совести. Суд не только устанавливает, но очеловечивает истину»[5].

Если бы эти основы не были забыты и если бы суд осознавал свою функцию как органа, должного восстановить нарушенные права применением неконституционного закона, он не стал бы искать причины, чтобы уклониться от восстановления нарушенных прав. Впрочем, это помогло бы ему и более правильно разрешать вопросы, связанные с толкованием законов в сторону их более справедливого правоприменения.

[5] Концепция судебной реформы в РСФСР, представленная Президентом РСФСР, одобрена Постановлением Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1.

P. S. Не можем не отметить, что скорость рассмотрения дел в Конституционном Суде РФ за последнее время сильно увеличилась, как и количество рассмотренных дел. Уже после того, как статья была практически закончена, было опубликовано Постановление Конституционного Суда РФ №35-П от 23.07.2018, которым была признана неконституционной ч. 1 ст. 208 ГПК РФ в той мере, в которой она не содержит критериев, в соответствии с которыми должна осуществляться индексация присужденных сумм. Также нам стало известно, что один гражданин, настоявший на пересмотре судебного акта на основании вышеуказанного Постановления Конституционного Суда РФ, всё же не смог добиться защиты своих интересов, и теперь жалоба гражданина В. С. Волосникова на нарушение его конституционных прав абзацем вторым части третьей ст. 445 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации принята Конституционным Судом РФ к рассмотрению.

По мнению заявителя, оспариваемые законоположения не соответствуют ст. 1 (ч. 1), 7 (ч. 1), 15 (ч. 4), 17 (ч. 1), 18, 19 (ч. 1), 39 (ч. 1), 45 (ч. 1), 46 (ч. 1) и 55 (ч. 3) Конституции Российской Федерации в той мере, в какой они позволяют суду по заявлению государственного органа осуществлять поворот исполнения решения суда о присуждении гражданину ежемесячных страховых выплат в счет возмещения вреда здоровью, причиненного в результате несчастного случая на производстве или профессионального заболевания, начисленных ему по исполнительному листу на основании вступившего в законную силу решения суда, отмененного судом кассационной инстанции, при отсутствии виновных действий лица, способствовавших назначению таких выплат, на том лишь основании, что соответствующие выплаты производятся в рамках отношений по обязательному социальному страхованию от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, а не в рамках отношений по возмещению вреда здоровью.

Борьба за право и справедливость продолжается…

Литература

1. Алиев Т. Т., Афанасьев С. Ф. О влиянии постановлений Конституционного Суда РФ на институт пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам решений, определений суда, вынесенных в порядке гражданского судопроизводства // Арбитражный и гражданский процесс. – 2004. – № 11. – С. 36.

2. Лазарев В. В. Что не запрещено – дозволено? // Лазарев В. В. Избранные труды. – Т. 2. – С. 409.

3. Султанов А. Р. Пересмотр решений суда по вновь открывшимся обстоятельствам и res judicata // Журнал российского права. – 2008. – № 11. – С. 96–104.

4. Султанов А. Р. Обжалование судебных актов, вынесенных по делам об оспаривании нормативных актов, лицами, не участвовавшими в рассмотрении дела в суде первой инстанции // Закон. – 2010. – № 4. – С. 143–155.

5. Султанов А. Р. О праве заинтересованных лиц на обжалование решения по делу об оспаривании нормативного акта // Вестник гражданского процесса. – 2016. – № 5. – С. 87–109.

6. Султанов А. Р. Унификация норм о пересмотре по вновь открывшимся обстоятельствам как совершенствование средств исправления судебной ошибки // Закон. – 2007. – № 11. – С. 99–113.

7. Султанов А. Р. Проблемы исполнения решений Конституционного Суда РФ // Журнал российского права. – 2009. – № 9. – С. 65–77.

8. Терехова Л. А. Система пересмотра судебных актов в механизме судебной защиты. – М., 2007. – 320 с.

Aidar Rustemovich Sultanov,
Head of the Legal Department of PJSC Nizhnekamskneftekhim
(Nizhnekamsk)

Execution of the Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation – a Mirror of Justice of the Judicial System

This article considers the execution of the Constitutional Court of the Russian Federation through the prism of the need to restore violated rights and the principles of effective legal protection.
Key words: Constitutional Court of the Russian Federation; review on new circumstances; interpretation; justice.

УДК 340

С. И. Глушкова*

Политико-правовое наследие Б. А. Кистяковского: основные идеи и подходы (к 150-летию известного правоведа)

В статье анализируются политико-правовые идеи известного российского правоведа Б. А. Кистяковского. Исследуются его понимание прав и свобод человека, правового государства, оригинальной концепции правового социализма, противоречия и особенности российского общества.

Ключевые слова: правовое государство; права человека; права личности; общество; право; власть; правовой социализм; свободы; реформы.

Имя Б. А. Кистяковского (1868–1920) не часто звучит при обсуждении, анализе формирования и развития политико-правовой мысли России, не в каждом учебнике по философии права или истории политических и правовых учений (далее – ИППУ) можно найти рассмотрение актуальных, важных (как для истории, так и для современности) идей этого известного российского правоведа, социолога, представителя неолиберализма. Хотя фигура Б. А. Кистяковского, создателя оригинальной концепции правового социализма, одного из представителей школы возрожденного естественного права в России, его политико-правовое наследие заслуживает пристального внимания не только изучающих и исследующих ИППУ, философию права, но и всех, интересующихся развитием идей прав и свобод человека, правового государства, либеральных идей в истории России.

С момента поступления Богдана Александровича на историко-философский факультет Киевского университета (1888) и до защиты докторской диссертации на тему «Общество и личность» (1898) прошло десять лет многолетних исследований в ряде российских и европейских университетов. Так, после исключения из Киевского, Харьковского, Дерптского (Тарту) университетов – по политическим мотивам, за пропаганду марксизма – он начал обучение на философском факультете Берлинского университета под руководством известного философа Г. Зиммеля. В 1897 г. Кистяковский продолжил изучение философии и права в фондах библиотек Сорбонны, Страсбургского университета, посещал лекции В. Виндельбанда, семинары Кнаппа, Циглера и др. Хотя Виндельбанд и Кнапп пытались убедить Кистяковского пересмотреть тему диссертации из-за ее глобальности и сложности, он решительно и последовательно занимался подготовкой научного исследования по избранной тематике [1, с. 656]. Изданная в 1899 г. на немецком языке, диссертация Б. А. Кистяковского «Общество и личность» вызвала большой интерес немецкой профессуры [там же, с. 657], получила высокую оценку Г. Еллинека. Однако если в Германии научные труды Б. А. Кистяковского гремели, то, по воспоминаниям А. Белого, в Москве он «был затерт» [2, с. 334].

На формирование мировоззрения Б. А. Кистяковского оказали влияние несколько важных факторов, среди которых прежде всего надо отметить роль отца, известного профессора уголовного права А. Ф. Кистяковского (1833–1885), автора «Исследования о смертной казни». В этой работе он отмечал, что в развитии права прослеживается тенденция к ограничению и отмене смертной казни, и это отнюдь не приведет к падению правосудия, как думали некоторые его современники. Также на формирование политико-правовых взглядов Б. А. Кистяковского по-

* **Светлана Игоревна Глушкова,** д-р полит. наук, завкафедрой прав человека, замдекана юридического факультета, директор Центра правового просвещения и прав человека Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

© С. И. Глушкова, 2018

влияло его сотрудничество, начавшееся в Берлине в 1896–1897 гг., с главой школы возрожденного естественного права П. И. Новгородцевым, с П. Б. Струве, редактором марксистского «Нового слова» в Петербурге.

Изменив взгляды на марксизм, он выступает с его критикой как один из авторов сборников «Проблемы идеализма» (1902) и «Вехи» (1909). Для «Вех» он подготовил знаковую для того времени статью «В защиту права (Интеллигенция и правосознание)», тесно сотрудничая с М. О. Гершензоном, писателем и издателем этого известного сборника критических статей о русской интеллигенции, выдержавшего четвертое издание в августе 1909 г. в связи с огромным спросом. Авторы сборника, рассуждая о роли и назначении либеральной и радикальной интеллигенции в России, способствовали интересу в обществе не только к теме интеллигенции, но и к возможным путям, перспективам развития России по пути реформ или революций. Так, В. Г. Короленко в беседе с Б. А. Кистяковским об огромном успехе сборника «Вехи» отмечал, что авторы и издатели «попали в точку» [3, с. 685–686].

Позже он продолжил совместную издательскую работу с П. Б. Струве, занимаясь выпуском и распространением журнала «Освобождение» с весны 1902 г.

Б. А. Кистяковский с большим воодушевлением воспринял Манифест 17 октября 1905 г., рассматривал его как конституцию и посвятил размышлениям о новом конституционном строе в России ряд статей в таких известных журналах того времени, как «Полярная звезда» и «Свобода и культура».

Обращая большое внимание на роль изучения периодических журналов и научных обществ для студенческой молодежи и опытных ученых, с восстановлением Московского юридического общества и его журнала «Юридический вестник», он становится в 1912 г. главным редактором этого известного журнала, издававшегося до 1917 г.

Преподавательская деятельность Б. А. Кистяковского началась с лекций по философии права в Демидовском юридическом лицее в Ярославле в 1906 г. [2, с. 335]. С 1906-го по 1909 г. он читал лекции по праву в Коммерческом институте (Москва), во главе которого в это время стоял глава неолиберализма и школы возрожденного естественного права П. И. Новгородцев. Также в это время Б. А. Кистяковский ведет занятия по праву на Высших женских курсах (Москва). В 1909 г. он преподавал в качестве приват-доцента кафедры государственного права в Московском университете.

Наряду с преподаванием Б. А. Кистяковский активно пишет научные труды («Социальные науки и право», «Государственное право (общее и русское)», др.), общедоступные просветительские программы по праву. Так, несколько изданий выдержала программа для самообразования по общей теории права, которую подготовил в это время Б. А. Кистяковский [1, с. 663], умевший доступно и в то же время основательно излагать сложные правовые конструкции.

Б. А. Кистяковский, доктор философии, успешно защитил в феврале 1917 г. вторую диссертацию – по праву, взаимодействие которого с социальными науками (философией и социологией) особенно интересовало его как ученого. Если темой докторской по философии была «Общество и личность», то на этот раз темой докторской по праву стала «Социальные науки и право». В этой работе он отстаивал методологический плюрализм, который выражался во взаимосвязи методов и подходов различных отраслей знания – юриспруденции, психологии, философии и социологии. Использование данного подхода можно наблюдать в научных трудах известных российских ученых М. М. Ковалевского, П. А. Сорокина.

Если П. И. Новгородцев отмечал и анализировал в начале XX в. кризис правосознания, то Б. А. Кистяковский обратил внимание в 1914 г., наряду с кризисом правосознания, также на научный кризис, который проявился и в кризисе юрис-

пруденции. Кистяковский имел в виду кризисы способов построения научного знания о праве – крушение старых и формирование новых правовых теорий, в частности появление движения в пользу «свободного права», психологической теории права, др. Как выйти из этих опасных кризисов? Выход Кистяковский видел в поддержке принципа автономии права и юриспруденции, недопущении поглощения их другими науками в процессе быстрого прогресса философии, психологии, политической науки и др. [4, с. 106].

Критикуя марксизм, Кистяковский отмечал, что причина возникновения и массовости таких утопических проектов, особенно в российской общественной мысли, заключается в игнорировании правовых начал при разработке модели государственного устройства. Единственным выходом в такой ситуации он считал конструкцию правового государства, убедительным сторонником которого Кистяковский оставался до конца своих дней. Разграничивая тип государственного устройства и тип государства (понятие метаюридическое), Б. А. Кистяковский критиковал С. А. Котляревского, который стремился «выделить тип правового государства и противопоставить его остальным государственным типам, присвоив ему по преимуществу эволюционный характер». Он был не согласен с трактовкой Котляревским правового государства как «известного уклона, устремления, запечатлевшегося в государственном строении или деятельности», так как нельзя искать принципы правового государства, например, в феодализме.

С методологической точки зрения, по мнению Кистяковского, можно «ставить вопрос только о различном проникновении права или правовых принципов в различные типы государства, а отнюдь не самого правового государства или его принципов» [5, с. 326–327]. Можно согласиться в этом с Кистяковским, так как реальным является развитие права, правовых принципов в политической системе, а не конкретного государства.

Б. А. Кистяковский понимал государство как «правовую организацию народа, обладающую во всей полноте собственною, самостоятельною и первичною, т. е. ни от кого не заимствованной властью» [Там же, с. 243]. Однако он предостерегал от таких опасностей, как, во-первых, отождествление власти с органом власти, которое искажает политику государства, способствует ограничению силовыми методами, и, во-вторых, отождествление государства и государственной власти, при котором в политике забываются другие признаки государства, в частности национальный суверенитет и народное представительство. К сожалению, как отмечал Кистяковский, данные отождествления являются распространенными явлениями. В таких государствах требуется беспрекословное подчинение власти, складывается «уродливая гипертрофия властвования». Анализируя историю Российского государства, Кистяковский сделал вывод о том, что произошла подмена власти понятиями «правительство» и «начальство», и в результате абсолютная монархия стала полицейским государством.

Противопоставляя правовое и полицейское государство, Б. А. Кистяковский отмечал, что в правовом государстве власть всегда поставлена в определенные рамки и носит «строго правовой характер».

Одним из первых в российской политико-правовой мысли, он поставил вопрос о легитимности власти, ее нравственном оправдании, рассматривая правовую власть как носительницу высоконравственной идеи. Так, Кистяковский отмечал: «Для современного культурного человека еще недостаточно того, что власть существует, мало и того, что она необходима, полезна и целесообразна. Только если власть способствует тому, что должно быть, только если она ведет к господству идеи права, только тогда мы можем оправдать ее существование, только тогда мы можем признать ее правомерной» [5, с. 282]. Таким образом, он рассмат-

ривал власть для лиц, наделенных ею, как общественное служение, правовую обязанность.

В правовом государстве, по мнению Б. А. Кистяковского, возникает проблема примирения интересов государства и личности, создания совершенно новых принципов организации, которые бы позволили разграничить сферы самостоятельной деятельности личности и государства. Основанием для такого разграничения должны стать, как считал Кистяковский, субъективные публичные права граждан, т. е. неотъемлемые гражданские права и общественные свободы. Среди неотъемлемых прав и свобод личности в качестве приоритетных он рассматривал следующие: свободу совести, религиозную свободу, свободу слова, свободу печати, свободу союзов и собраний.

Обращая внимание на важность гарантий прав и свобод личности, Кистяковский относил к таким гарантиям прежде всего ограничение государственной власти, что предполагало признание, регламентацию неотъемлемых, неотчуждаемых прав личности, сферы самоопределения и самопроявления личности.

Второй гарантией гражданских прав и свобод он считал обеспечение неприкосновенности личности, жилища, переписки, а также реализацию принципа подзаконности власти.

В качестве третьей гарантии прав личности Кистяковский рассматривал наличие гражданского общества; так, он отмечал: «Органы государственной власти бывают действительно связаны законом только тогда, когда им противостоят граждане, наделенные субъективными публичными правами. Только имея дело с управомоченными лицами, могущими предъявлять правовые притязания к самому государству, государственная власть оказывается вынужденной неизменно соблюдать законы» [6, с. 329].

Четвертой гарантией прав личности Кистяковский считал народное представительство, соучастника власти, которое позволяет поддерживать престиж конституционной государственной власти. Тем самым он разрабатывал концепцию параллельного, взаимозависимого, взаимосвязанного развития институтов гражданского общества и правового государства.

Кистяковский считал вполне закономерным переход России к конституционному строю. При этом он отмечал неоднократные попытки ограничить монархическую власть в России: деятельность земских соборов (последний такой собор был в 1653 г.), Боярской думы (упраздненной в 1700 г. Петром I), местничества (уничтожено в 1682 г.), др.

Важное и определяющее значение в движении России к конституционному строю, по его мнению, имели реформы Александра II: отмена крепостного права в 1861 г., судебная реформа 1864 г., земская реформа 1864 г. Также Кистяковский отмечал важность введения нового университетского устава 1863 г., введения большей свободы печати, всеобщей воинской повинности [Там же, с. 511–512, 514].

Реформы и их успешная реализация в России способствовали развитию в обществе либеральных, конституционных идей, росту ожиданий введения конституции, так называемого «увенчания здания реформ», которое ждали и в правительстве, и в обществе, как свидетельствовал Кистяковский. Но либеральные реформы закончились, и наступил период контрреформ, как нередко бывало в России, и вопросы конституционного устройства вновь были отодвинуты на второстепенный план. Эту тенденцию в российской истории Кистяковский оценивал как несчастье страны и народа, которые вели к обнищанию крестьянства, искусственному сдерживанию промышленного роста и развития образования, шаткости международного положения России. Кистяковский справедливо отмечал, что эпоха реакционных реформ Александра III уничтожила многие либеральные начина-

ния Александра II, дестабилизировала ситуацию в обществе и государстве. И следствиями этого стали разгром в войне с Японией, тяжелый революционный кризис 1905–1907 гг. и переход к конституционному строю в 1905 г., лишь спустя 25 лет после того, как Россия созрела для введения конституционного порядка и представительных учреждений [6, с. 516].

Высоко оценивая значение Манифеста 17 октября 1905 г., Кистяковский считал допустимым сопоставлять его с Декларацией независимости США (1776), Декларацией прав человека и гражданина во Франции (1789) и др. Это был первый законодательный акт, свидетельствующий о переходе России от абсолютно-монархического к конституционному строю.

Анализируя Основные государственные законы Российской империи (1906), Кистяковский не принимал распространенную в политико-правовой мысли точку зрения, согласно которой конституцию отождествляли только с ними. Он считал, что Конституция России включала в себя не только Основные государственные законы, но и Учреждения Государственной думы, Государственного совета, Положение о выборах в Государственную думу. Прочной основой для конституционного развития, созданной законодательством 1905–1906 гг., он справедливо считал создание народного представительства – Государственной думы, ограничение абсолютной власти монарха, обособление различных ветвей власти, провозглашение основных демократических прав и свобод российских подданных [Там же, с. 522, 530].

Б. А. Кистяковский был прав, считая основным противоречием в российском обществе, тормозящим его развитие, противостояние «волюнтаризма революционеров» и «интеллектуализма конституционалистов», которое вело к постоянной угрозе революционных потрясений.

Рассматривая путь к господству права в современной России, Кистяковский отмечал следующие условия его осуществления: 1) сословие юристов (судьи, адвокаты, ученые, преподаватели и т. д.) должно способствовать повышению авторитета права, 2) право должно иметь самостоятельное значение, а не быть придатком к экономической или политической жизни, 3) в профессиональной деятельности юристы должны соблюдать нейтралитет по отношению ко всем политическим партиям, 4) необходимо материальное усовершенствование правопорядка, 5) суд должен быть слугой устойчивости права в России, 6) усовершенствование действующего права целесообразнее осуществлять путем законодательства, 7) лучшим средством для установления справедливого и гарантирующего свободу порядка являются устойчивость и прочность самого правопорядка [5, с. 382–383].

Б. А. Кистяковский считал, что в правовом государстве права подданных могут трансформироваться в права граждан посредством реализации следующих субъективных прав (публичных, политических и частных гражданских прав): 1) свободы личности от государства, 2) права личности на положительные услуги со стороны государства, 3) права личности на участие в организации государства, то есть права влиять на направление государственной деятельности. При этом он использовал типологию субъективных прав Еллинека, представленную в его работе «Система субъективных публичных прав» (1905). Первая категория предполагает неприкосновенность личности, жилища, корреспонденции, свободу передвижения, т. е. отмену паспортной системы, свободу занятий, свободу совести, слова, печати, собраний, постоянных организаций и союзов. Вторая категория состояла из права на правовую охрану со стороны государства, права на судебную защиту, права обращения к административной власти для восстановления своего права. К третьей категории он относил активное и пассивное избирательное право, право на занятие государственных должностей, право петиций [6, с. 542–543].

Рассматривая процесс приращения прав и свобод человека, гражданина в политико-правовой мысли и законодательстве развитых европейских и американских государств, Кистяковский, по нашему мнению, делает вывод о развитии важной закономерности – движении в политико-правовой науке и конституционном праве этих стран (Франция, Англия, Бельгия, США, Германия) от утверждения национальных прав к установлению известных гарантированных прав личности, то есть тенденции развития от национальных к универсальным правам человека и гражданина [6, с. 545].

Б. А. Кистяковский, используя методологический плюрализм, разрабатывает модель правового социализма, оригинальную, интегральную концепцию, которая включала следующие отличия правового социалистического государства от правового государства: 1) социалистический строй устранит хозяйственную анархию, 2) будут расширены две основы правового государства – субъективные публичные права и участие народа в законодательстве и управлении страной, прежде всего в хозяйственной сфере, 3) права человека и гражданина получат здесь «полное признание и окончательную формулировку», 4) появится новая категория – социалистические права, в том числе право на труд, на пользование землей и орудиями производства, на участие в использовании материальных и культурных благ – все это и составит право на достойное существование [7, с. 498–499].

Новое государство, которое осуществляло солидарные интересы людей, общее благо, рассматривалось Кистяковским как социально ориентированное государство. Задачей такого государства должно было стать расширение сферы субъективных публичных прав, изменение положения личности – формирование полноправной личности [8, с. 89].

Можно согласиться со многими идеями Богдана Александровича, в том числе и с его оригинальной концепцией правового социализма, которая стала одной из интегральных теорий первой половины XX в., одной из попыток примирить, соединить, трансформировать классическую модель правового государства в современную реальность Советского государства. Он не застал ужасных, бесчеловечных проявлений «деспотии большинства», извращенного социализма в периоды репрессий, борьбы с «врагами народа» и любым проявлением инакомыслия в Советской России, поэтому остался верен при жизни идее правового социализма. В годы перестройки в России эта идея – правового социализма – отчасти снова возникла в виде концепции «социализма с человеческим лицом», но она не получила развития.

Политико-правовое наследие Б. А. Кистяковского богато ценными и актуальными идеями, разработками для будущих поколений, глубокими размышлениями о базовых ценностях, неизменным уважением к правам и свободам человека, человеческому достоинству, гражданскому обществу и правовому государству. Научные труды Б. А. Кистяковского еще ждут своего читателя, они актуальны и в современном российском обществе и государстве.

Литература

1. Василенко Н. П. Академик Богдан Александрович Кистяковский // Кистяковский Б. А. Философия и социология права. – СПб., 1998.

2. История русской правовой мысли: Биографии. Документы. Публикации. – М., 1998.

3. Кистяковский Б. А. – Гершензону М. О. Хатки, 1 августа 1909 г. // Кистяковский Б. А. Философия и социология права. – СПб., 1998.

4. Кистяковский Б. А. Кризис юриспруденции и дилентантизм в философии // Юридический вестник. Журнал Московского юридического общества. Кн. 5 (1). – М., 1914.

5. Кистяковский Б. А. Социальные науки и право // Кистяковский Б. А. Философия и социология права. – СПб., 1999.

6. Кистяковский Б. А. Государственное право (общее и русское) // Кистяковский Б. А. Философия и социология права. – СПб., 1999.

7. Кистяковский Б. А. Государство правовое и социалистическое // Вопросы философии и психологии. Кн. 4 (84). – М., 1906.

8. Туманова А. С., Киселев Р. В. Права человека в правовой мысли и законотворчестве Российской империи второй половины XIX – начала XX века. – М., 2011.

Glushkova Svetlana Igorevna,
Doctor of Political Sciences, the Head of Human Rights Department,
the Deputy dean of Law department,
the Chairman of Centre for education in the law
and human rights at Liberal Arts University (Ekaterinburg)

Political and legal heritage of B. A. Kistyakovsky:
governing ideas and flagship approaches (to the 150 anniversary of the famous jurist)

The paper analyses the political and legal ideas of the famous Russian jurist B. A. Kistyakovsky. The author investigates his understanding of rights and freedoms of a man, a constitutional state, the original concept of legal socialism, contradictions and features of the Russian society.

Key words: constitutional state; human rights; individual rights; society; right; authorities; legal socialism; freedoms; reforms.

УДК 347.78

Н. С. Солопова*

Некоторые проблемы перехода произведения в общественное достояние

Статья посвящена теоретической концептуализации проблем, возникающих при переходе произведения в общественное достояние. Исследуются коллизии между содержанием международного и национального законодательств в данной области. Указывается на сомнительный характер сужения круга объектов охраны авторского права в России, в частности на выведение из него авторских идей и методов. Проводится компаративистский анализ содержания правового понятия «общественное достояние». Отмечается, что в сфере правового регулирования перехода произведения в общественное достояние можно констатировать синдром размягчения права, когда расширение свободы действий лиц строится не только на нормативно-правовых актах, но и на социальных (религиозных, семейных и иных) обыкновениях, распространенных в тех или иных странах. Указывается, что до вступления в силу Бернской конвенции статус произведения, перешедшего в общественное достояние, в государствах, впоследствии выразивших согласие на обязательность данной конвенции, регулировался по-разному. Отсутствие гармонизации в области правового регулирования перехода произведения в общественное достояние наблюдается и в настоящее время. Формулируется вывод о том, что переход произведения в общественное достояние как явление правовой действительности характеризуется наличием ряда проблем как доктринального, так и прикладного характера, и в первую очередь – в аспекте трансграничной судебной защиты таких произведений, а также гармонизации соответствующего правового регулирования.

Ключевые слова: произведение; общественное достояние; авторское право; коллизионное регулирование; трансграничные правоотношения.

В Российской Федерации переход произведения в общественное достояние связан с истечением срока действия исключительных прав на него. При этом, как установлено в ч. 4 ГК РФ [2], все личные (абсолютные) права автора на произведение сохраняются и охраняются государством.

Переход произведения в общественное достояние означает его свободное использование. При присоединении к Бернской конвенции [1] в 1994 г. Россия сделала оговорку, что действие данного международного договора не распространяется на произведения, которые на дату вступления этой конвенции в силу для России уже являются на ее территории общественным достоянием (п. 2 постановления Правительства Российской Федерации от 3 ноября 1994 г. № 1224). Таким образом Россия фактически нивелировала действие ст. 18 Бернской конвенции, несмотря на то что Конвенция не допускает оговорок.

В марте 1995 г. Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений вступила в силу на территории РФ. В Бернской конвенции минимальный срок охраны исключительных прав на произведение – в течение всей жизни автора и не менее 50 лет с момента его смерти. Бернская конвенция устанавливает принцип национального режима, тем не менее некоторые положения сформулированы без отсылки к внутреннему законодательству. В связи с тем, что Бернская конвенция не содержит механизма принуждения к выполнению странами-участницами ее норм, многие из них (Россия, США и др.) внесли многочис-

* **Надежда Саввична Солопова**, канд. филос. наук, доцент, профессор кафедры социальных и гуманитарных наук, Уральский государственный архитектурно-художественный университет (г. Екатеринбург).

E-mail: poa@ru66.ru

© Н. С. Солопова, 2018

ленные оговорки относительно, прежде всего, охраны «старых» иностранных произведений.

«Однако затем обе страны вступили в ВТО (США – 1995 г., Россия – 2012 г.), – отмечает С. Л. Будылин. – Как известно, Бернская конвенция является частью соглашения ВТО, а оно предусматривает возможность санкций за его нарушение. Ввиду этого обеим странам в преддверии вступления в ВТО пришлось отказаться от своего “творческого” прочтения Бернской конвенции и принять законодательство (США – 1994 г., Россия – 2004 г.), “восстанавливающее” авторские права на “старые” иностранные произведения» [5, с. 48]. Здесь важно подчеркнуть, что в терминологии цитируемого автора под «старыми иностранными произведениями» понимаются произведения иностранных авторов, перешедшие в общественное достояние до присоединения государств к Бернской конвенции.

Безусловно, вступление РФ и США в ВТО обусловило выполнение указанными государствами условий Бернской конвенции, касающихся регламентации правового статуса произведений, перешедших в общественное достояние в странах-участницах ВТО.

Вместе с тем по-прежнему существует ряд проблем, которые только обозначены в научной литературе, но пока еще не восприняты законодательством РФ в сфере охраны произведений, перешедших в общественное достояние.

Так, специфика правового режима общественного достояния произведений рассматривается в исследованиях В. И. Сергеева, А. С. Мардашиной, Н. Кобленава, Т. Мартьяновой, С. Будылина, Р. Яковлевой, В. Калятина, О. Луткова, Д. Смирнова и др.

Были подняты проблемы юридико-лингвистического значения термина «общественное достояние», о возможности применения в отношении произведения, перешедшего в общественное достояние, специального правового режима (к примеру, досрочного перевода произведения в общественное достояние), проблема коллизионных привязок к переходу произведения в общественное достояние и др.

Так, к примеру, вызывает интерес проблема перехода произведения в общественное достояние до истечения срока действия исключительного права на произведение. Р. Б. Яковлева полагает, что «исследуя проблему перехода произведения в общественное достояние до истечения срока действия исключительного права, необходимо найти ответы на два основных вопроса: 1) допускается ли законом переход произведения в общественное достояние до истечения срока действия исключительного права на произведение, и если да, то в каких случаях? Частью четвертой ГК РФ прямо предусмотрен только один случай досрочного перехода произведения в общественное достояние (ст. 1283), а именно в случае, когда исключительное право на произведение входит в состав выморочного имущества (ст. 1151). Это право прекращается, и произведение переходит в общественное достояние (в отличие от других видов имущества, переходящего в собственность Российской Федерации). Таким образом, законодательство допускает возможность досрочного перехода произведения в общественное достояние; 2) учитывается ли законом воля автора и правообладателя в отношении использования произведения в режиме общественного достояния? Статья 1282 ГК РФ устанавливает, что «необнародованное произведение, которое перешло в общественное достояние, может быть обнародовано любым лицом при условии, что это не противоречит воле автора, определенно выраженной им в письменной форме (в завещании, письмах, дневниках и т. п.)». Таким образом, в отношении произведения, перешедшего в общественное достояние, допускается ограничение в его использовании в части обнародования и, соответственно, опубликования, если такова воля автора, определенно выраженная им в письменной форме любым способом. Однако закон ничего не говорит о том, как должна быть выражена воля

автора, если он хочет, чтобы его произведение перешло в общественное достояние до истечения срока действия исключительного права и это его решение не могло быть в дальнейшем оспорено его наследниками» [8, с. 80–81].

Следует констатировать, что механизм перевода произведения в общественное достояние до истечения срока действия исключительного права не определен (хотя юридическая возможность такого действия существует).

В. О. Калягин, рассматривая проблему неприкосновенности произведения после его перехода в общественное достояние, обнаружил возможность легального исчезновения такого объекта, так как на основании такого произведения может быть создано новое (так называемое производное произведение), и при этом будет утрачен оригинал произведения. «Такая ситуация возможна, – пишет автор, – например, при реставрации или реконструкции объекта: при значительном изменении произведения можно говорить уже о возникновении нового объекта, поглощающего предыдущий. Даже если оставить в стороне вопрос допустимости столь серьезного изменения, то в любом случае сохраняется вопрос прав лица, осуществляющего указанные реставрационные или реконструкционные работы, на полученное произведение» [6, с. 9].

Таким образом, по нашему мнению, в сфере правового регулирования перехода произведения в общественное достояние можно констатировать синдром размягчения права, когда расширение свободы действий лиц строится не только на нормативно-правовых актах, но и на социальных (религиозных, семейных и иных) обыкновениях, распространенных в тех или иных странах. Это происходит благодаря тому, что «в наиболее развитых странах основная линия развития за истекшие десятилетия может быть охарактеризована как стремление к максимальному расширению свободы действий индивидов, т. е. отдельной личности, и корреспондирующих этому демократических начал организации и функционирования отдельных государств» [7, с. 13].

И здесь возникает проблема, связанная с определением творческого характера произведений, фактически перешедших в общественное достояние до принятия Бернской конвенции. Законодатель объективно переносит на такие объекты авторского права современное видение проблемы, когда, к примеру, в п. 5 ст. 1259 ГК определено, что́ не защищается авторским правом (к примеру, методы, идеи). Следует, по нашему мнению, отметить, что для старых произведений, перешедших в общественное достояние, четкой градации в отношении элементов формы и содержания произведения не было. И это порождало (и, возможно, будет порождать в дальнейшем) юридико-технические дефекты коллизионного регулирования. В качестве примера обратимся к известному делу *Baker v. Selden* [4], рассмотренному Верховным Судом США в 1879 г.

Г-н Шелден являлся автором литературного произведения – практического руководства по бухгалтерскому учету. Данное руководство содержало всего 650 слов, а также 20 примерных форм-бланков бухгалтерской отчетности в качестве отдельного приложения. Впоследствии г-ном Шелденом было написано еще 5 книг на аналогичную тематику, которые содержательно были практически идентичны первой. Все книги г-на Шелдена были изданы в издательстве м-ра Бейкера, который, однако, не приобретал исключительных прав на его произведения. Важно отметить, что на момент рассмотрения данного дела (1879 г.) действующее законодательство об авторском праве США предусматривало гораздо меньший (по сравнению с действующим) срок охраны исключительного авторского права – 20 лет с момента смерти автора.

Первая книга г-на Шелдена была издана в 1859 г. (сам он умер в 1871-м). Книгоиздатель Бейкер после смерти автора, несмотря на то, что исключительное

право на произведения не было отчуждено в его пользу, продолжал реализацию его первой книги.

Вдова г-на Шелдена, узнав о том, что после смерти ее супруга его книги продолжают продаваться, переиздаются и т. д., предъявила к Бейкеру иск о пресечении данной незаконной деятельности.

Верховный Суд США, рассматривая данное дело, пришел к важным выводам:

а) в суде г-н Бейкер апеллировал к тому, что, вследствие крайне небольшого объема, книги г-на Бейкера не могут быть признаны произведением, так как не обладают творческим характером: они, по его мнению, составляли «сумбурную инкорпорацию различных бухгалтерских методик», принадлежавших другим авторам. В этом смысле, по мнению Бейкера, книги умершего автора Шелдена не обладают качеством литературного произведения, не будучи продуктом творческого труда. Однако Верховный Суд США не согласился с такой трактовкой, отметив: «Независимо от достоинств и недостатков произведения, его объема, структуры, композиции и проч., мы не можем, тем не менее, отказать книге покойного мистера Шелдена в статусе произведения. Для нас важно не то, как выражена идея автора, но сама его идея. И именно эту идею, а не книгу как внешнюю форму ее воплощения, защищает наш закон. Поэтому тот, кому принадлежит идея и кто смог воплотить ее несовершенными средствами человеческой техники, есть по нашим законам автор, а то, во что он воплотил свою идею, – будет являться произведением»;

б) г-н Бейкер (ответчик) считал, что после смерти автора его произведение становится достоянием общества; соответственно, каждый член общества, по его мнению, «вправе в своих личных целях использовать произведение». При этом Бейкер полагал, что каждый вправе вносить туда поправки. В отношении составных произведений (каковым Бейкер считал книги Шелдена) срок перехода в общественное достояние (по тогда действовавшему законодательству) составлял 7 лет после смерти автора. Бейкер также настаивал на том, что коммерческая составляющая в его действиях (т.е. в продаже книг умершего автора) отсутствует, а он лишь исполняет его волю, «ясно и точно выраженную в совместной беседе», тем самым подчеркивая, что он не нарушал исключительного права, а по факту исполнял посмертную волю автора. Верховный Суд США этот аргумент не принял. Суд подчеркнул: «Общественным достоянием мы называем то состояние произведения, при котором оно становится памятником культуры. В этом смысле охрана таких памятников – это задача федерации (США). Памятник для нас – это нечто неизменное, то, что мы можем ценить, но чего изменить не вправе. Потому, становясь предметом общественного достояния, произведение приобретает абсолютную защиту: никто не может ни изменить его содержание, ни поменять форму».

Существо проблемы, поднятой в вышеприведенном судебном акте, состоит в том, что в те времена не производилось юридическое различение методической разработки (т. е. в терминологии п. 5 ст. 1259 ГК РФ – метода) и произведения науки. В этом смысле, в отсутствие на тот момент единого международно-правового регулятора юридического статуса произведения (в том числе и произведения науки), продукт любого творческого труда приобретал статус произведения и соответствующую правовую охрану. Такой регулятор появился несколько позднее – 9 сентября 1886 г., когда была принята Бернская конвенция. Примечательно, что данный международно-правовой акт не содержит положения об обратной силе его норм; тем самым, как определено в п. 1 ст. 18 данной конвенции, «настоящая Конвенция применяется ко всем произведениям, которые к моменту ее вступления в силу не стали еще общественным достоянием в стране происхождения вследствие истечения срока охраны». Следовательно, концептуализация произведения как объекта интеллектуально-правовой охраны, определенная в

Бернской конвенции, приобрела для стран-участниц обязательный характер с момента вступления в силу данного международного договора, способствовавшего определенной унификации в части определения такого понятия как «произведение, перешедшее в общественное достояние».

В связи с этим важно отметить, что до вступления в силу Бернской конвенции статус произведения, перешедшего в общественное достояние, в государствах, впоследствии выразивших согласие на обязательность данной конвенции, регулировался по-разному. Отсутствие гармонизации в области правового регулирования перехода произведения в общественное достояние наблюдается и в настоящее время. К примеру, в п. 5 ст. 1259 ГК РФ определено, что авторские права не распространяются на идеи и методы. Вместе с тем проанализированное выше решение Верховного Суда США свидетельствует о том, что авторское право США распространяется и на идеи, и на методы.

Данное расхождение порождает коллизию в области юридической защиты иностранного произведения, перешедшего в общественное достояние, в рамках трансграничных правоотношений. Так, к примеру, для защиты таких произведений в России используется коллизионная привязка – закон страны, где испрашивается охрана авторских прав, т. е. *lex fori*. В этом смысле, если, к примеру, в российский суд подается иск о защите произведения, опубликованного в США и впоследствии перешедшего в общественное достояние, то отечественный суд будет применять к статусу такого произведения российское авторское право, что, как видится из изложенного, существенно сужает сферу объектов такой защиты (в частности, из нее выпадают идеи и методы, не охраняемые авторским правом России, но признаваемые в США в качестве таковых в соответствии с Законом об авторском праве 1976 г. (§ 108(a)(3)) [3].

Таким образом, переход произведения в общественное достояние как явление правовой действительности характеризуется наличием ряда проблем как доктринального, так и прикладного характера, и в первую очередь – в аспекте трансграничной судебной защиты таких произведений, а также гармонизации соответствующего правового регулирования.

Литература

1. Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений от 09.09.1886 (ред. от 28.09.1979) // СПС «Консультант Плюс».
2. Гражданский кодекс Российской Федерации: часть четвертая от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ // СПС «Консультант Плюс».
3. Copyright Act of 1976 // Pub. L. 94–553.
4. Baker v. Selden, 101 U.S. 99 (1879).
5. Будылин С. Л. Винни-Пух вступает в ВТО. Проблема авторских прав на «старые» иностранные произведения // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2014. – № 3. – С. 48.
6. Калятин В. С. Проблемы определения сферы общественного достояния в современном информационном обществе // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2016. – № 2. – С. 9.
7. Поленина С. В. Размягчение права как основная тенденция его современного развития и обусловленные этим последствия в области прав человека // Государство и право. – 2015. – № 3. – С. 13.
8. Яковлева Р. Б. Проблемы перехода произведения в общественное достояние до истечения срока действия исключительного права на произведение // Имущественные отношения в РФ. – 2010. – № 2 (101). – С. 80–81.

Nadezhda Savvichna Solopova,
PhD in Philosophy, Associate Professor,
Professor at the Social and Humanitarian Sciences' Chair,
the Ural State University of Architecture and Arts (Ekaterinburg)

The Theoretical Conceptualization of Problems Arising when a Work Becomes Public

The article is devoted to the theoretical conceptualization of problems that arise when a work of art is transferred to the public domain. The author investigates conflicts between the content of international and national legislation in this field. In the author's view, narrowing the range of copyright protection objects in Russia is unreasonable by nature, in particular, it concerns the derivative ideas and methods. A comparative analysis of legal concept of "public domain" is carried out. It is noted that when the legal regulation of transferring the work into the public domain occurs, one can diagnose the syndrome of softening law, because expanding the freedom of individuals' actions is built not only on legal acts, but also on social (religious, family and other) customs of different countries. The author points out that before the Berne Convention's entry into force, the status of a work of art having become public was regulated in different ways in states that later expressed their consent to be bound by this convention. The lack of harmonization in the field of legal regulation a work transferring into the public domain is also observed now. The conclusion is drawn that the transfer of a work into the public domain as a phenomenon of legal reality is characterized by a number of problems, both doctrinal and applied, and primarily in the aspect of cross-border judicial protection of such works, as well as harmonization of the relevant legal regulation.
Key words: work; public domain; copyright; conflict of laws; cross-border legal relations.

ФИЛОСОФИЯ

УДК 1(091)

Г. В. Болдыгин*

И. Кант о совместимости знания и веры

Статья посвящена решению И. Кантом вопроса об основании, позволяющим мирно сосуществовать естественно-научному и религиозному мировоззрениям, что особенно ярко продемонстрировала научная революция Нового времени. Этим основанием он считал принципиально разные предметы теоретического и практического видов познания и обусловленные этим различием цели, задачи и приемы исследования. Предметом первого вида познания оказываются *естественные* (независимые от чьей-либо воли) *явления* и процессы, предметом второго – разумное *поведение* свободных и поэтому морально ответственных *лиц*. Итог теоретического познания – *знание* о не поддающихся произвольному изменению свойствах мира, итог практического – *вера* в осуществимость желаемого с помощью свободно избираемых правил поведения.

Ключевые слова: Кант; природа; практическое; теоретическое; познание; знание; вера; правила поведения.

Предлагаемая работа продолжает серию статей, посвященных противопоставлению И. Кантом *теоретического* и *практического* видов познания – (*theoretische Erkenntnis* и *praktische Erkenntnis*)[1]. В этих публикациях, в частности, говорится, что в начале 1770-х годов Кант в ходе размышлений о проблемах этики, современной ему метафизики и ряда естественно-научных дисциплин, которые он читал на протяжении многих лет, пришел к выводу, что практические поступки людей направляются особой деятельностью разума, использующего совершенно иные познавательные приемы, чем в случае *теоретического познания* природы и ее закономерностей. С открытия противоположности двух самостоятельных видов познания, а также первых попыток выявить их специфику начинается период в творчестве Канта, который принято называть *критическим*. В письме М. Герцу от 21 февраля 1772 г. он сообщает о замысле «предложить критику чистого разума, которая рассматривает природу и теоретического, и практического познания, поскольку оно есть чисто интеллектуальное. Сначала я составлю первую часть этой критики, содержащую источники метафизики, ее метод и границы, а потом уже – чистые принципы морали. Что касается первой части, то я издам ее в течение трех ближайших месяцев» [17, с. 490].

Как известно, работа над *пропедевтикой* (Кант называл ее также *феноменологией*) вместо предполагаемых трех месяцев растянулась на многие годы, потребовала от него издания громадной *Критики чистого разума*, посвященной в основном *теоретическому* познанию и лишь частично – *практическому* в главе *Канон чистого разума* (чуть менее 60 страниц в первом издании). Затем были *Основоположение метафизики нравов* и *Метафизические начала естествознания*. Ему пришлось опубликовать отдельным изданием *Критику практического разума*, ко-

* **Геннадий Васильевич Болдыгин,** канд. филос. наук, доцент, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

[1] Болдыгин Г. В. И. Кант о теоретическом и практическом видах познания // Вестник РУДН. Серия : Философия. – 2012. – № 3. – С. 68–91 ; Болдыгин Г. В. Истина или польза. Избранное. – Saarbrücken : Lambert Academic Publishing, 2013. – С. 43–76 ; Болдыгин Г. В. К истории слова «философия» (Против утилитаризма). – 2013. – № 1 (1). – С. 127–138 ; Болдыгин Г. В. И. Кант о специфике *теоретического* и *практического* видов познания (статья первая). – 2014. – № 3 (6). – С. 120–136 ; Болдыгин Г. В. И. Кант о специфике *теоретического* и *практического* видов познания (статья вторая). – 2015. – № 3 (10). – С. 70–92 ; Болдыгин Г. В. И. Кант о *знании* и видах *веры*. – 2016. – № 4 (15). – С. 58–68.

© Г. В. Болдыгин, 2018

торая задумывалась как часть первой *Критики* в ее втором издании[2]. Во время работы над второй *Критикой* Кант задумывает *Критику вкуса*, превратившуюся в *Критику способности суждения.* Завершающей *Критику разума* стала работа *О поговорке «Может быть это и верно в теории, но не годится для практики»,* где дается *критическая* теория права, *пропедевтика* к правовой части *Метафизики нравов*. Работа над *критическим* введением отняла у Канта и время и силы, которых ему не хватило для завершения *Метафизики природы*, что вполне объяснимо, так как ему пришлось переосмыслить едва ли не весь понятийно-терминологический аппарат европейской науки, созданный за две с лишним тысячи лет ее истории. Кант даже вынужден был изобретать новые термины для обозначения открывавшихся перед ним сторон и нюансов в деятельности человеческого интеллекта.

Примером **переосмысления** может служить термин *знание.* Его современники писали и говорили о теоретических и практических *знаниях,* которые добываются *теоретическими* и *практическими науками.* Кант же полагал, что *знание* не может быть *практическим*, поскольку обозначающий его термин (*das Wissen*) означает не содержательную часть научного вывода, а оценочную категорию, которая наряду с *мнением* и *верой* говорит о *степени убежденности* в истинности суждения. В одном из последних разделов *Критики чистого разума,* который так и называется «О мнении, вере и знании», он писал, что *знание* возможно только как результат *теоретического* познания; *практической* может быть только *вера* (*прагматическая, моральная* и *религиозная*)[3], т. е. меньшая, чем *знание*, степень убежденности, которая появляется как итог *практического познания*. И, однако, не теоретическая убежденность в истинности представлений, не *знание*, побуждает совершать людей те или иные практические действия, считал Кант, а только вера в осуществимость желанной цели, если следовать тем или иным *правилам поведения.*

Примером **изобретения** новых терминов являются словосочетания *теоретическое познание* и *практическое познание*. Его современники писали и говорили о *теоретических* и *практических науках*; а слово *познание* они определяли как *рациональное* либо *эмпирическое*. О *теоретическом,* а особенно о *практическом познании* они ничего не знали и, разумеется, не использовали эти термины. Но и наши современники почти не используют изобретенные Кантом словосочетания, возможно, потому, что им, привыкшим к оппозиции *теоретическое – эмпирическое*, пришедшей в русский язык из так называемой *философии науки* XX века, непонятны основания, по которым *теоретическое* познание противопоставляется *практическому*, которое чаще всего трактуется как разновидность *эмпирического* познания. В свою очередь, современники Канта даже не предполагали, что могут существовать основания для противопоставления *эмпирических* знаний *теоретическим*. Они, следуя перипатетической традиции, разделяли все науки и добываемые ими знания на *теоретические* и *практические* на основании различия их *предметов*.

Предметами *теоретических наук* считались объекты, возникновение, способ существования и изменения которых не зависят от чьего-либо произвола. О таких объектах, по выражению Аристотеля, *мы не принимаем решений, поскольку* они «существуют с необходимостью», не могут быть «такими и инакими»[4]. Неизме-

[2] См.: Мальтер Р. К истории возникновения «Основоположения к метафизике нравов» и «Критики практического разума» [17]

[3] Аналогом *практической веры* Кант считал *доктринальную веру*, которая является итогом логически безупречных выводов о предметах, не подкрепленных опытом.

[4] «Никто, – поясняет Аристотель, – не принимает решения о вечном… а также и о том, что, изменяясь, изменяется всегда одинаково… (как, например, солнцевороты или восходы)» [4.1112 a20–23].

няемостью таких объектов, а также постоянством регулярных изменений некоторых из них объяснялось возможность достижения истинного *знания* (ἐπιστήμη), невозможного, как вслед за софистами считали Платон и Аристотель, при познании текучих, постоянно меняющихся вещей. Недоступность этих объектов произвольным изменениям, а также сознательным воздержанием от них объяснялось и то, почему единственно возможный способ поведения с ними (например, с *космосом*) – это *созерцание*, или *теория*. Буквальное значение слова *θεωρια – созерцание*, *наблюдение* с помощью чувств либо ума[5]. Древние в своем большинстве оценивали достоверность результатов *умозрения* выше итогов чувственного созерцания, полагая, что последнее из-за его тесной связи со страстью (παθοζ) способно дать лишь изменчивое *мнение* (δόζαι). Демокрит, по легенде, выколол себе глаза, чтобы размышлять об *истинных* атомах и пустоте, не отвлекаясь на *мнимые* цветовые, вкусовые, осязательные и другие чувственные характеристики вещей. Однако и чувственное *созерцание* для древних эллинов – это все та же θεωρια (теория).

Предметами *практических* наук считались объекты, в возникновении и изменении которых решения людей, направляемые их волей, имеют определяющее значение. Сфера решений, считал Аристотель и перипатетики, ограничена *будущим*, но не всякое будущее – предмет практических размышлений и решений, а только то, которое в отличие от неизбежных солнцеворотов и восходов может быть, а может и не быть, поскольку «зависит от нас и не всегда бывает одинаково» [4, 1112 b18]. Только о будущих *поступках* как *средствах* достижения практических целей *мы принимаем решения*, считал Аристотель [Там же, 1112a–1113a]. Выбор того или иного средства, полагал он, осуществляет практический *ум,* который *отличается от теоретического ума своей направленностью к цели* [1, 433 a15][6]. Этот выбор Аристотель отождествляет с *поиском* и *анализом*, «как в задачах на построение» [4, 1112 b 15], уже описанных им в *Аналитиках*. Иными словами, два вида *ума* используют одинаковые приемы познания, отличаясь лишь предметами своих размышлений.

Кант во многом идет за Аристотелем, но две с лишним тысячи лет не могли не сказаться на его взглядах и взглядах его современников. Так, в классификации наук Хр. Вольфа, ставшей основой учебных планов немецких и вслед за ними первых русских университетов, перипатетическое членение наук по предметам, сформировавшееся в эпоху эллинизма, дополнялось еще и указанием на используемые этими науками *способы* познания – *рациональные* и *эмпирические*. В результате Вольф и его последователи изучали и преподавали не только *теоретические рациональные,* но и *теоретические эмпирические* науки, противостоящие *практическим* наукам – *рациональным* и *эмпирическим*[7].

---

[5] Об *умозрении* как особой познавательной способности говорил Аристотель, когда рассуждал о *созерцающем* (т. е. *теоретическом*) *уме*, отличающемся от практического *ума, направленного на деятельность*: «Созерцающий ум не мыслит ничего относящегося к деятельности и не говорит о том, чего следует избегать или добиваться…» [1, 432 b25–30].

[6] Вот как представлял Аристотель принятие практического решения *умом, направленным на деятельность*: «*Решение* наше касается *не целей, а средств к цели*… никто из… мастеров [не сомневается] в целях, но, поставив цель, он заботится о том, каким образом и какими средствами ее достигнуть; и если окажется несколько средств, то прикидывают, каково самое простое и наилучшее; если же достижению цели служит одно средство, думают, как ее достичь при помощи этого средства и что будет *средством для этого средства*, покуда не дойдут до *первой причины*, *находят которую последней*. Принимая решение, занимаются как бы поисками и анализом описанным выше способом (так же как в *задачах на построение*)» [4, 1112 b10-15].

[7] По Вольфу, *теоретические рациональные науки* – это рациональные *космология, теология* и *психология*, *теоретические эмпирические – догматическая физика, телеология*; практические рациональные науки – этика, политика, экономика, практические эмпирические.

Критический Кант создал свою классификацию наук и видов познания, значительно отличающуюся от той, в согласии с которой он читал лекции в alma mater, но и для него противопоставление *теоретического* познания *эмпирическому* было немыслимо. Возможность *созерцать* предметы, независимые от чьего-либо произвола, оставалось для него отличительным признаком наук *теоретического познания*, количество которых Кант сократил до двух. Ими, с его точки зрения, могут считаться только математика и естествознание, «ибо только они могут показать нам предметы в созерцании…» [11, с. 33]. Кант имел в виду чувственное созерцание. *Интеллектуальное созерцание* (*умозрение*), считавшееся в его время источником р*ациональных теоретических наук*, Кант исключил из числа *познавательных способностей* людей. Учение об интеллектуальном созерцании, иронизировал он, «вытекает из желания… созерцать вещи, не пользуясь чувствами…из желания обладать возможностями познания, совершенно отличающимися от человеческих способностей…» [5, с. 437].

Все *рациональные теоретические науки* из классификации Вольфа Кант переводит в разряд наук *спекулятивного* познания[8], которое «направлено на такой предмет или такие понятия *о* предмете, к которым нельзя прийти ни в каком опыте. Оно противоположно *познанию природы*, которое направлено только на те предметы или их предикаты, которые могут быть даны в возможном опыте» [5, с. 815]. Однако не природу, считает Кант, изучают науки *теоретического познания* математика и естествознание, хотя слово *Natur* входит в состав названия одной из них – *die Naturwissenschaft*, но *предметы возможного опыта* и *их предикаты*. Словосочетание *познание природы* он использует как метафору, обычную в его время.

Кант обращает внимание на то, что термин *природа* используется его современниками для обозначения трех достаточно разных понятий только лишь потому, что каждое из них исключает малейшую возможность произвольного изменения подразумеваемых ими объектов. Первое из них (Кант называет его *формальным*) – перипатетическое понятие *природы-естества* (*φύσις*) как неизменной *сущности*, определяющей способ *естественного* (ненасильственного) движения различных классов вещей, включая их *естественное* (неискусственное) возникновение, изменение и уничтожение. Это понятие подразумевается, поясняет Кант, когда «мы говорим о природе жидкой материи, огня и т. п.» [Там же, с. 565]. Второе (*материальное*) *понятие* природы *как совокупность явлений,* находящихся *во взаимной всепроникающей связи, некоторое существующее целое* [Там же] стало привычным после Декарта, который уничтожил антично-средневековое представление о различных *природах* протяженных телесных вещей. Понятие *существующего целого* в свою очередь состоит, по Канту, из двух понятий: «*математическое целое,* обозначаемое чаще всего термином ***мир,*** и *динамическое целое*, которое чаще всего и обозначают термином ***природа***» [Там же, с. 563–565].

Природа во всех трех значениях этого слова обозначает, по Канту, *понятия разума*, кардинально отличающиеся от *понятий рассудка*, которые обязательно включают в себя чувственные характеристики познаваемого предмета (например, характерный блеск в понятии *металл*), поскольку *рассудок* не автономен: «Наш *рассудок* и наша *чувственность* могут определять предметы *только в связи* друг с другом» [Там же, с. 413]. Участие чувственности в понятийном познании рассуд-

[8] Латинское слово speculātio – этот точный аналог греческой θεωρία – первоначально означал у римлян, как и у эллинов, *созерцание, наблюдение*. Даже производное от него слово speculātor имеет сходные с древнегреческим *теоретиком* значения – *наблюдатель*, *разведчик*, *вестовой.* Поздняя схоластика странным образом превратила speculātio в *умосозерцание,* отличая ее от *интуиции* (*intuition*), под которой до Декарта с его *рациональной интуицией* понималось исключительно чувственное *созерцание*.

ком *предметов опыта* и их *предикатов* Кант оправдывает название этого вида познания как *теоретическое*. *Разум* же автономен, т. е. в своей деятельности независим от *принуждения чувственности* и созданных с ее участием *понятий рассудка*. Для своих практических нужд он самостоятельно создает собственные понятия – *понятия разума,* или *идеи*, объекты которых никогда не встречаются в опыте, даже в *возможном опыте*: «Под идеей я разумею такое необходимое понятие разума, для которого в чувствах не может быть дан никакой адекватный предмет» [5, с. 493]. Все три *понятия природы* – это лишенные чувственных характеристик *понятия разума*, т. е. *идеи*. Можно созерцать огонь, но его *природа*, как и *природы* воды, воздуха, земли, недоступна чувствам. И *целое всех явлений*, настаивает Кант, также «есть *только идея,* так как мы никогда не можем представить это целое в образе, и потому оно остается *проблемой* без всякого разрешения» [Там же, с. 495].

Идеи, считал он, практичны по своей сути: каждая из них оправдывает стремление людей к желанным целям. Идеи бога и бессмертной души, по Канту, выражают желание общественного устройства на основе моральных начал, а *категорический императив* указывает путь к этой цели[9]. Три идеи *природы*, каждая из которых исключает свободу воли, оправдывают нелюбимые Кантом атеизм, фатализм, материализм. Однако именно идея *природной необходимости* наиболее адекватно воплощается в *предметах опыта*, которые, по Канту, принадлежат *области понятий природы*, т. е. сфере *теоретического познания*, где законодательствует *рассудок* и нет места для произвола, пусть даже божественного. *Теоретическое познание*, по его убеждению, атеистично: «*Объяснять* способы устроения природы или их изменение, прибегая для этого к помощи Бога как первооснователя всех вещей, – это, по меньшей мере, не физическое объяснение…» [Там же, с. 667].

Однако, высоко оценивая возможности *теоретического познания* получать истинное *знание*, Кант считал большой ошибкой абсолютизацию его как единственного, которое можно считать действительно *познанием*. Его никак не устраивал формировавшийся в его время культ природы и естествознания как последней инстанции в разрешении всех проблем, волнующих людей. В этом однобоком культе он видел угрозу моральной ответственности людей, которая возможна лишь при наличии у них свободы воли. Но просветители, допуская *свободу* как возможность поступать в соответствии со своими *желаниями,* отрицали *свободу воли*, то есть способность людей отдавать предпочтения одним желаниям и подавлять другие, руководствуясь собственным разумом. Человек как часть природы, полагали они вслед за Спинозой, *не волен* в выборе собственных *желаний*, так как они являются вытесняющими друг друга *аффектами*, сила и характер которых обусловлены воздействием на него материальных причин, преломляющихся через призму его телесной организации. Кант приходит к выводу, что неспособность *рациональной теологии* и *рациональной психологии* убедительно опровергнуть материализм и атеизм и доказать способность нематериальной души руководить отданным в ее распоряжение телом обусловлена тем, что приемы *теоретического познания* пригодны лишь для предметов, чьи важнейшие характеристики исключают возможность их произвольного изменения. Но эти приемы непригодны для познания своевольных *действий* людей, которые в своем поведении руководствуются собственными представлениями о том, что имеет право на *существование* (*Dasein*), а что нет. Кант указывает на кардинальное различие целей двух видов познания: «Я ограничиваюсь здесь дефиницией теоретического познания как такого, посредст-

[9] «Если вы представите себе человека, который уважает моральный закон и которому приходит на ум мысль (он вряд ли может избежать ее), какой мир, руководствующийся практическим разумом, он *создал* бы, если бы это было в его силах, и притом так, чтобы и сам он оставался в нем как его часть, – то, если бы ему был предоставлен выбор, он не только остановился бы именно на таком, какой порождает моральная идея о высшем благе…» [10, с. 10].

вом которого я познаю, *что есть (da ist),* а практического – как такого, посредством которого я представляю себе, что *должно быть (dasein soll)*» [5, с. 812, 813]. Правила, которыми руководствуются свободные индивиды, выбирая ту или иную цель, тот или иной способ ее достижения, являются предметом особого *практического познания*.

Слова *практическое, свободное, разумное*, с точки зрения Канта, почти синонимы, они представляют собой триединую характеристику поведения вменяемых людей, отличающих его от инстинктивного поведения животных. Противопоставляя *практику* бездумным действиям (Hantierungen), что тоже случается с людьми, Кант видел в ней «осуществление (Bewirkung) цели, которое мыслится как следование определенным, обобщенно представленным принципам поведения» [9, с. 241]. В начале своего *критического* предприятия он выделял три таких *принципа*, или три *практических правила поведения,* – правила *умения,* или *искусности* (Geschicklichkeit), правила *благоразумия* (Klugheit), правила *нравственности* (Sittlichkeit) [19, с. 2]. Эти правила он называл также *императивами* – техническими, прагматическими и моральным, единственным в отличие от двух первых, но в трех широко известных формулировках. Следование одним *практическим правилам* или другим, а также отказ от любого действия, считал Кант, является результатом свободного выбора в отличие от рефлекторного поведения неразумного животного и потерявшего разум невменяемого человека, находящегося во власти *патологической* (*животной*) *воли*. Не принудительно неизбежно, считал он, следование *советам благоразумия* и даже *правилам нравственности*, хотя их *веления* требуют не считаться с обстоятельствами *места* и *времени*: человек свободен в выборе морального, аморального или даже преступного поведения.

Все *практические правила – умения, благоразумия*, *нравственности* – и соответствующие им три вида практики, которые выделял Кант, вполне самостоятельны[10]. Ни один из этих видов не является *базисным* или *надстроечными*, как в более поздней марксистской теории, которая разделяет отношения людей с вещами и друг с другом на *первичные* (производственные) и *вторичные* (идеологические). Для истинно человеческой жизнедеятельности, считал Кант, нужны и *умения*, и *благоразумие* и *нравственность,* благодаря которым он способен не просто рефлекторно реагировать на внешние стимулы и сигналы собственного организма, но проектировать и пытаться осуществлять тот мир, в котором *он сам хотел бы жить*.

Однако самодостаточность и важность для людей всех трех видов практической деятельности не исключает иерархии руководящих ими *императивов*. Кантовская иерархия *практических правил* напоминает перипатетическую *лестницу существ*, размещение на ступенях которой различных животных определяются не первичностью или вторичностью происхождения, не степенью их родства, а степенью совершенства. Принципом кантовской лестницы *практических правил поведения* является степень их разумности. *Разум*, в его кантовской трактовке, руководит всеми практическими, а значит, свободными действиями людей[11].

Кант с большим уважением относился к *искусности* (*Geschicklichkeit*) умельцев, включающей и редкое *искусство* (*Kunst*) поэтов, художников, музыкантов и любого из тех, кого немцы называют *Künstler*, а мы обобщенно – *художником* или, по советской традиции, *работником искусства*. Но участие разума в деятельности умельцев-искусников ограничено. Гениальные изобретатели и художники могут продемонстрировать свое редкостное *умение*, но зачастую не способны объяснить даже себе, как им удается легко делать то, что другим не удается никогда либо

[10] См.: Hinske N. Kant als Herausvorderung an die Gegenwart. – Freiburg/München, 1980.

[11] «…Разум, – писал Кант, – есть постоянное условие всех произвольных поступков, в которых проявляется человек» [5, с. 719].

удается далеко не лучшим образом. Поэзия, как заметили еще в античности, невозможна без некоторой доли безумия, которого так не хватает расчетливым графоманам. В *Антропологии* даются примеры разной степени разумности, которая требуется для различных практических действий[12].

До написания окончательного варианта «*Критики способности суждения»* Кант считал, что разум в гораздо большей степени, чем в *правилах умения*, присутствует в управленческих по сути *прагматических императивах*, следуя которым можно использовать других *лиц* в качестве *средства* для достижения собственного или всеобщего *счастья*, хотят ли они этого или нет. На высшую ступень в иерархии *практических правил поведения* Кант, как известно, ставил *веления нравственности*. Из всех императивов его восхищает только *моральный закон*, который *внутри нас* и который, по Канту, исключительно *разумен*, поскольку требует беспрекословного подчинения себе всегда и везде в отличие от остальных правил, вынужденных учитывать обстоятельства *места* и *времени*. Только морально-правовые нормы, составляющие *метафизику нравов*, которую *каждый человек имеет в себе, хотя и в туманном виде*, могут быть предметом *практической философии*, создаваемой одним только *разумом*, считал Кант [12, с. 237].

Многочисленные же *правила умения,* включивших в себя согласно последней *Критике* и *правила благоразумия*, считал Кант, не заслуживают того, чтобы быть предметом *практической философии*, поскольку применение их зависит от *случайных* целей, а сами они есть *коллорарии* – необязательные следствия из естественно-научных теорий. Впрочем, свою *теорию морали*, изложенную в *Основоположении метафизики нравов* и в *Критике практического разума*, а также собственную *теорию права* из работы *О поговорке* "*Может быть это верно в теории, но не годится для практики"* Кант также не включает в *практическую философию*, поскольку их предметом является *природа*, *естество* отдельного человека, поведение которого в рамках *рода* (в больших социальных группах) подчинено статистическим закономерностям и также является предметом *теоретического познания*[13].

В кантовской иерархии *практических правил поведения* нижнюю ступень всегда, начиная с набросков первой *Критики*, занимали *правила умения*, с которыми в последней *Критике* объединились *правила благоразумия* в рубрике *технически-практических императивов.* Умение управлять *лицами* принципиально не отличается от *умения* обращаться с *вещами*, посчитал Кант в последнем варианте *Введения* в *Критику способности суждения*, окончательно расставаясь с идеей *практической философии*, которая по первоначальным замыслам должна была состоять из *прагматической* и *моральной* философии. «Практическая философия содержит… правила благоразумия и нравственности. Она, таким образом, есть прагматическая и моральная философия…» – говорил Кант во вводной лекции к курсу этики, который он читал в период работы над *Критикой чистого разума* [19, s. 5].

С точки зрения наших современников, имеющих дело с колоссальным количеством исследований, посвященных *технологии* и теории *управления*, внимание Канта к этим формам практического знания представляется недостаточным. Так, в *Основоположении к метафизике нравов* говорится: «Как возможен императив

[12] «Действующий соответственно строгому приказу слуга или государственный служащий нуждается только в рассудке; офицер, которому для выполнения задания дано лишь общее правило и представляется самому определить, как поступать в каждом данном случае, должен обладать способностью суждения; генерал, которому надлежит судить обо всех возможных случаях и самому разработать для них правила, должен обладать разумом» [15, с. 223].

[13] См., напр.: работу *Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане*, где Кант обращает внимание на то, что действия людей, определяемые их *свободной волей*, вместе с тем, как говорит статистика, например, заключаемых браков, поддаются количественным и, значит, *природным* закономерностям.

умения, это, конечно, не нуждается в особом исследовании. Кто хочет цели, тот хочет (поскольку разум имеет решающее влияние на его действия) также и совершенно необходимого для нее средства, которое находится в его власти» [6, с. 131]. Кант, конечно же, не догадывался, до каких масштабов на рубеже тысячелетий вырастет промышленный шпионаж, целью которого станет похищение именно *императивов умения*, называемых в наши дни *know-how*, самостоятельное изобретение которых весьма проблематично, а то и вовсе невозможно. Именно поэтому *know-how* являются коммерческой тайной в отличие от практически бесполезных результатов *фундаментальной науки* (*fundamental science*), публикуемых в открытой печати.

Однако хищение практически знаний существовало с древнейших времен, что отражалось даже в мифах. Адам вместе Евой были наказаны за то, что вопреки запрету приобрели божественное умение различать добро и зло. Свое наказание получил и Прометей, передавший людям секреты ремесел, принадлежавших олимпийским богам. Кант, конечно, был наслышан о кражах тщательно охраняемых фамильных рецептов мастерства. Вполне вероятно, он имел в виду и эти неприглядные с моральной позиции факты, когда объяснял трудности самостоятельного изобретения *know-how* отсутствием у подражателей и копиистов гениальности, которая отличается как раз неповторимостью. «Талант к изобретению называют *гением.* Однако так всегда именуют только *мастера,* т. е. того, кто умеет что-то *сделать,* а не того, кто только обладает многими сведениями и *знаниями;* но и не того мастера, который просто подражает, а того, кто создает свое творение первоначально, и наконец, в том случае, если его продукт может считаться *образцовым,* т. е. если он достоин того, чтобы служить примером (exemplar) для подражания» [13, с. 254].

Противопоставление Кантом двух видов познания, сыгравшее колоссальную роль в становлении *критического идеализма,* не получило, однако, признания у современников и их потомков. Не прижились и обозначающие их термины. Кант, пытаясь объяснить непонимание важнейших для него идей, утверждал в *Первом Введении* в *Критику способности суждения*, что его оппоненты, отрицая принципиальные отличия *трех способностей души – способности познания, чувства удовольствия и неудовольствия* и *способности желания,* – «объявили это различие лишь мнимым и стремились свести все способности к одной только способности познания» [8, с. 855]. Нелегко понять, кого именно упрекает Кант в сведении всех интеллектуальных способностей к одной единственной. Скорее всего, он имеет в виду общую для просветителей убежденность в том, что все несчастья людей происходят исключительно от предрассудков, а единственный способ избавиться от них – широкое распространение *знаний*, полученных с помощью *естественного света разума*.

Однако упреки Канта в адрес реальных или возможных оппонентов были не вполне справедливы: его учение о *трех способностях души* окончательно сложилось только в процессе работы над *Критикой способности суждения*. В обновленном *Введении* к ней, где эти упреки отсутствуют, Кант сосредоточился на разъяснении собственных воззрений на специфику этих *способностей*, лежащих в основе *теоретических, практических, телеологических* и *эстетических* суждений. Следует всё же признать, что непонимание или сознательное неприятие учения о специфике и равноправии различных форм интеллектуальной деятельности, безусловно, способствовали тому, что противопоставление Кантом двух видов познания и особенно его взгляды на *практическое познание* не привлекли должного внимания. Это невнимание во многом обусловлено также чрезвычайно редким использованием самим Кантом термина *практическое познание*. В последней

Критике словосочетание *практическое познание* автору этой статьи встретилось всего один раз (см.: [8, с. 136, 137]).

Кроме того, слово *познание* (*Erkenntnis*) Кант в соответствии с нормами немецкого языка употреблял в двух основных значениях – как познавательный процесс и, наряду со словами *Kenntnis* и *Wissen*, как его результат, т. е. *знание*, которое, как он считал, может быть итогом только *теоретического познания*. Видимо, поэтому уже в первой *Критике* при характеристике интеллектуальной деятельности, лежащей в основе практических действий, термин *практическое познание* начинает оттесняться словосочетаниями *практическое применение* и *практическое употребление разума*.

От произведения к произведению всё реже встречается и термин *теоретическое познание*. Вместо него Кант использует слово *познание* без уточняющего определения *теоретическое*, видимо, потому, что почти исчезло оппозиционное ему словосочетание – *практическое познание.* Означает ли постепенное расставание Канта с терминологией начала *критического периода* кардинальное изменение его взглядов на противоположность двух видов интеллектуальной деятельности, либо в основе изменений терминологического аппарата лежат какие-то иные причины, например, смещение интереса к другой проблематике – вот вопрос, который, подобно едва ли любому вопросу, касающемуся кантовских убеждений, не имеет однозначного ответа.

Вероятно, одной из причин всё более редкого использования Кантом термина *практическое познание* была и та, что *разум*, главным назначением которого он считал руководство с помощью *правил поведения* практической деятельностью людей, играет громадную роль и в *теоретическом познании,* выполняя *регулятивную* и *логическую* функции, – дает направление познавательной деятельности рассудка и осуществляет итоговый *вывод* из посылок, создаваемых *рассудком* и *определяющей способностью суждения*. Кант называл исполнение *разумом* этих функций *теоретическим употреблением* (Gebrauch), а иногда *применением* (Anwendung) *разума* и использовал в качестве оппозиций этим терминам их антонимы – *практическое применение* и *практическое употребление разума*, которые он не противопоставляет словосочетанию *практическое познание,* а использует как их аналоги[14].

И еще. Умозаключения *разума* о *практических правилах поведения*, если следовать Канту, трудно назвать *познанием*, т. е. приобретением *знаний*. *Правила нравственности*, образующие *метафизику нравов*, не познаются, а лишь проясняются в процессе размышлений о *разумных* началах общественной жизни. *Правила умения*, к которым в последней *Критике* были причислены и *правила благоразумия*, впервые становятся достоянием человечества в результате загадочной деятельности *разума* отдельных *гениев* по их изобретению. «Практическое правило есть всегда продукт разума…» – говорится во второй Критике об источнике всех императивов, в том числе и технических [7, с. 323].

Остальные люди чаще всего познают изобретенные кем-то *правила умения* и *благоразумия* как некую данность, как то, что уже существует (da ist), т. е. *теоретически*. Лишь некоторым из нас и лишь малую часть этих правил приходится изобретать самостоятельно. *Категорический императив*, устанавливающий границы разумности во взаимоотношениях *лиц*, принадлежит *природе человека* и является предметом кантовской *теории морали* и *права.* Тот мыслительный процесс,

[14] В первой *Критике*, где Кант вслед за дефиницией теоретического и практического видов познания, указывающей на различие их целей, совершенно недвусмысленно говорит: «Соответственно этому теоретическое употребление разума есть то, посредством которого я *a priori* (как необходимое) познаю, что нечто существует (daß etwas sei), а практическое – то, посредством которого я *a priori* познаю, что должно произойти (was geschehen solle)» [5, с. 812, 813].

который Кант называл *практическим познанием* или *практическим употреблением разума,* есть не *изобретение* и, тем более, не *открытие*, а оценка пригодности уже известных *практических правил* для достижения желаемых результатов. Именно такое поведение мы считаем осмысленным и *разумным*, отличая его от инстинктивного поведения животного или психически больного человека, которым овладевает *патологическая животная воля.* «…Разум, – писал Кант, – есть постоянное условие всех произвольных поступков, в которых проявляется человек» [11, с. 719]. Выбор подходящих для этого *правил* осуществляется *разумом* в процессе мыслительной деятельности, сходной с той, которую немного позже стали называть *проектированием*, а Кант называл *практическим познанием разума*[15].

Еще одна особенность *теоретического* познания в кантовской трактовке – его *ретроспективность*, поскольку оно направлено на предмет *опыта* (Erfahrung), на то, что уже *произошло* и что, образно выражаясь, осмысляется *после поездки*[16]. Даже предметы *возможного* опыта уже *есть* и другими стать не могут, если, конечно, их изменения не предопределены природными закономерностями. В отличие от ретроспективного *теоретического* познания *практическое* познание, или *практическое применение* разума, можно назвать *перспективным*. Следуя Канту, его нельзя считать познанием *будущего*, которое, как модус неумолимого *времени* – предмет *теоретического* интереса[17]. *Практическое познание* перспективно потому, что направлено на поступки, которые еще не произошли, но могут произойти, а могут не произойти никогда, если на это не будет нашей воли. *Разуму*, в трактовке его Кантом, не доступно *знание* будущего, которое он проектирует. *Знание* – это прерогатива *рассудка*. Однако и рассудок не способен *знать* то будущее, которое зависит не от законов *природы,* но только от нашего *решения* совершить поступок или воздержаться от него. В основе же наших решений, предшествующих поступкам, лежит не *знание* того, *что есть*, а *убежденность* в осуществимости задуманного, т. е. *вера*, которая может быть *разумной*, а может быть и неразумной, если в ее основе лежит *патологическая воля*.

Нам, полагал Кант, не дано *знать*, как выглядят *вещи*, не рассматриваемые через призму *теоретических* познавательных способностей – чувственности и рассудка или через призму *разумных* целей и средств, с помощью которых мы решаем практические задачи. Для того чтобы узнать, какой может быть *вещь*, *рассмотренная сама по себе (Ding an sich selbst betrachtet)*[18]*,* т. е. не *теоретически* и не *практически,* нужно обладать, по ироническому замечанию Канта, *нечеловеческими* познавательными способностями. Может быть, такими их видит бог *рациональной теологии*, не ограниченный специфическим устройством человеческих органов чувств? Но мы этого *знать* не можем, как не можем *знать* и того, существует ли бог (*da ist*) или нет, хотя его существование, полагал Кант, настоятельно *требует* (*постулирует*) *разум,* занятый решением моральных проблем. Через

[15] По одному из определений *практического познания*, оно есть мысленное *превращение в действительность* (*wirklich zu machen*) познаваемого предмета, то есть того, что, по другому определению, *должно быть* (*dasein soll*) [5, с. 10, 11] .

[16] «После поездки» – возможный буквальный перевод слова «Erfahrung», где частица «er» говорит о выполненном, совершенном действии, а термин «Fahrung», образованный от «fahren» (ездить, путешествовать), употребляемый сейчас почти исключительно горняками для обозначения передвижения внутри горы, шахты, можно истолковать как *поездка.*

[17] «Каузальность разума… *не возникает* и не начинается в определенном времени, чтобы произвести действие. Ибо в противном случае сама была бы подчинена естественному закону явлений, поскольку этот закон определяет причинные ряды во времени, и тогда каузальность [разума] была бы природой, а не свободой» [5, с. 719].

[18] Г. Праусс еще в 70-х годах прошлого века убедительно доказал, что в текстах Канта термин Ding an sich (вещь в себе) является редуцированной формой более развернутого словосочетания *Ding an sich selbst* (вещь сама по себе), а оно, в свою очередь, является формой сокращения оборота *Ding an sich selbst betrachtet* (*вещь, рассмотренная сама по себе*) (см.: [20]).

призму же человеческих способностей вещи нам даны либо *теоретически*, и тогда они для нас – неподатливые, игнорирующие наши желания *предметы опыта*, либо *практически,* и тогда они – *ноумены*, т. е. мысленно *осуществляемые* предметы наших желаний.

Взгляды Канта на суть *теоретического познания* и интеллектуальной деятельности, руководящей практикой, от произведения к произведению существенно уточнялись, а некоторые из них серьезно менялись[19]. Можно даже сказать, что именно эти изменения инициировали создание двух последних *Критик* и примыкающую к ним работу *О поговорке "Может быть, это и верно в теории, но не годится для практики"*. Не менялось только убеждение Канта, что образ мира и населяющих его вещей (*область понятий природы*), который исследует *теоретическое познание*, серьезнейшим образом отличается от того, каким он нам видится через призму *практического познания* (*область понятия свободы*), или, говоря другими словами, через призму *практического применения* и *употребления разума.* Возможность сосуществования разных, лишь по видимости взаимоисключающих, образов мира в сознании людей, которое вовсе не свидетельствует о шизофреническом раздвоении личности, – важнейший вывод, который сделал Кант из противопоставления теоретического и практического видов познания. Скорее, убеждение в возможности мирного сосуществования двух различных мировоззрений обосновывалось им с помощью противопоставления двух видов познания.

В *Критике способности суждения* Кант пишет: «…между областью понятия природы… и областью понятия свободы… лежит необозримая пропасть, как если бы это были настолько различные миры, что первый не может иметь никакого влияния на второй, – тем не менее второй *должен* влиять на первый, а именно понятие свободы должно осуществлять (wirklichmachen) в чувственно воспринимаемом мире выдвинутую его законами цель…» [8, с. 89–91].

Утверждение Канта о способности практического *мира свободы* влиять на теоретический *мир природы* основывается на неоспоримости того факта, что люди успешно (пусть и не всегда) действуют с вещами, руководствуясь *практическими правилами поведения,* включая и те, которые диктуются моральными нормами. Возможность своевольного (конечно, до некоторых пределов) поведения в *мире природы* Кант усматривал в том, что *разумная воля* отдельного человека сама есть *природное* явление, атрибутивное качество специфической *природы* человека: «…мы познаем практическую свободу как одну из естественных причин, а именно как каузальность разума в определении воли…» [5, с. 832].

Если следовать Канту, то образ мира, который постигает и создает *теоретическое познание*, – это мир исключительно *природной необходимости*, каким он виделся Паскалю, Спинозе, Гольбаху. В *области понятий природы*, т. е. в мире *теоретического познания,* считали они, нет места для произвола, а самостоятельное принятие нами *решений* – иллюзия, поскольку даже желания, лежащие в основе наших поступков, – это вытесняющие друг друга аффекты, над которыми мы не властны и, по сути, являемся их рабами.

Практический же образ мира, принадлежащий области *понятия свободы*, вариативен, он не окончателен и может меняться в соответствии с нашими *желаниями*. В *области понятия свободы* вещь, которая в *теоретическом мире* являлась

[19] Достаточно сравнить суждения Канта о *теоретических и практических науках* из *Лекции по этике* и из последней *Критики.* «Познания (Erkenntnisse)… называют теоретическими и практическими, каковы бы ни были их объекты… так, есть, например, теоретическая и практическая геометрия, теоретическая и практическая механика, теоретическая и практическая медицина, теоретическая и практическая юриспруденция…» – говорится в *Лекциях по этике, в Критике чистого разума* [19, s. 2]. А в *Критике способности суждения* читаем: «Практическая геометрия как обособленная наука есть бессмыслица…» [8, с. 841].

нам как независимый от нас *предмет опыта*, т. е. *феномен* (от греч. φαινόμενον – *являющееся*, *становящееся явным*), превращается в проект нашего собственного разума, в *ноумен* (от νοούμενον – *мысленное, умопостигаемое*), в то желанное нам, каким оно *должно быть* (*dasein soll*) с *нашей* точки зрения. В мире *практического познания* нет *природной необходимости* с ее независимыми от нас *причинами* и неотвратимыми *следствиями*, но есть только настоятельная потребность в *средстве*, нужном для достижения желанной нам *цели*.

Эту настоятельную потребность в средстве можно назвать *практической необходимостью*. Русский язык допускает возможность такого словосочетания, поскольку слово *необходимость* используется не только в значении препятствия, которое невозможно *обойти* или преодолеть каким-либо иным способом, будь это закон природы, или неизбежность, обусловленная всем предшествующим ходом событий, или предопределение божественной воли, или какая-то иная неотвратимость. В повседневном русском языке слово *необходимость* чаще всего используется для обозначения настоятельной *потребности* в *средстве*, без которого трудно или невозможно *обойтись* при достижении поставленной цели[20]. Но в немецком языке термин *praktische Notwendigkeit* невозможен [21]. Кант его и не употребляет. Для характеристики практического средства, которое русские называют *необходимым*, он использует оборот *безусловно-практическое*. Так, он говорит о *безусловно-практическом познании* (unbedingt-praktischen Erkenntnis), как единственном средстве, без которого не обойтись при постижении *мира свободы*.

Если следовать Канту, два образа мира – *теоретический* и *практический* – сосуществуют в нас, сменяя друг друга в зависимости от наших же познавательных интересов. Если нам важно знать, какие свойства в интересующих нас предметах составляют их *природу,* которую невозможно изменить с помощью имеющихся средств и самых настойчивых усилий, в дело вступает *теоретическое познание*. Рассудок, диктующий его принципы, требует, чтобы мир состоял из одних только безразличных к нашим желаниям природных *необходимостей.* Если предметом нашего интереса становятся правила поведения с *вещами* и *лицами*, включающие правила управления ими, то образ *мира* как *природы* сменяется образом пластичного *мира свободы,* в котором возможно исполнение любых *желаний*, а препятствием к этому могут быть лишь незнание нужных для этого *правил поведения* и отсутствие или недостаток собственной воли. По Канту, главная функция *практического познания*, или *практического употребления разума,* – прояснение действительно разумных *целей* и выбор таких же разумных *средств* их достижения.

Результаты *теоретического познания – знания* о том, что непреодолимо (как в случае *природной необходимости*) или недопустимо (как в случае моральных запретов или юридических норм), – представляются не менее важными для принятия практических решений, чем *вера* в осуществимость наших замыслов с помощью свободно избранных правил поведения. Эти *знания* и эта *вера* легко уживаются в нашей повседневной жизни, что порождает, если следовать Канту, иллюзию постоянного взаимодействия результатов *теоретического* и *практического познания*. Однако, считал он, два образа мира, создаваемые *рассудком* и *разумом,* сосуществуют в субъекте совершенно обособленно, хотя наш разум не соглашается с неразумностью природного мира и требует подчинения его своим целям («понятие свободы должно осуществлять в чувственно воспринимаемом мире выдвинутую его законами цель»).

---

[20] Даже в русском математическом языке под *необходимым* наряду с *достаточным условием* подразумеваются *средство*, без которого *не обойтись* при решении той или иной задачи.

[21] Среди множества значений глагола wenden (от него образованного существительное Wendigkeit), нет близкого по смыслу русскому *обходиться* без чего-либо нужного, аналог которого в немецком языке – глагол *abgehen* либо обороты *entberenkönnen, missenfertigwerden.*

Кант развеивает иллюзию превосходства мира *свободы*, создаваемого *разумом,* и влияния его на *чувственно-рассудочный* мир *природы*, как, впрочем, и наоборот – иллюзию тотального господства *законов природы*, полностью исключающих разумную целесообразность свободного поведения человека: «Рассудок a priori устанавливает законы для природы как объекта чувств в целях теоретического познания ее в возможном опыте. Разум a priori устанавливает законы для свободы и ее особой каузальности как сверхчувственного в субъекте в целях безусловно-практического познания (unbedingt-praktischen Erkenntnis). Область понятия природы под одним законодательством и область понятия свободы под другим полностью оторваны друг от друга из-за глубокой пропасти, отделяющей сверхчувственное от явлений и не допускающей какого-либо взаимного влияния... Понятие свободы ничего не определяет в отношении теоретического познания; понятие природы точно так же ничего не определяет в отношении практических законов свободы; и в этом смысле невозможно перекинуть мост от одной области к другой» [8, с. 137].

Учение Канта о самодостаточности и независимости друг от друга образов мира, порождаемых теоретическим и практическим видами познания, было слишком необычным, чтобы его легко приняли современники[22]. Для них, впрочем, не было секретом сосуществование в обществе и даже в сознании одного человека естественно-научного и религиозного воззрений на мир. Но, не считая их равноправными, они стремились доказать подчиненность одного воззрения другому. Теологи продолжали доказывать главенство религиозного образа мира и зависимость от него научных выводов, которые никак не могут и, главное, не должны противоречить Писанию. Просветители (и деисты, и атеисты), поддерживавшие и пропагандировавшие культ всего *природного*, *естественного*, отдавали науке о *природе* приоритет в решении всех вопросов, включая вопросы поведения людей, и отводили религии в лучшем случае, как это делал Вольтер, роль пугала, способного нейтрализовать преступные замыслы, порождаемые страстями менее сильными, чем страх перед загробным воздаянием.

В случае отсутствия у человека *добрых чувств* и *морального интереса* не считал предосудительным запугивание с помощью религиозных верований и Кант: «…имеется достаточно средств для того, чтобы вселить в него *страх* перед бытием бога и загробной жизнью» [5, с. 1041]. Он, однако, был убежден, что внушаемый религией страх не сможет сделать человека моральным. Религиозную веру, основанную на страхе, он называет «*негативной* верой», которая, по его словам, «не могла бы порождать моральность и добрые чувства, но могла бы создать им аналог, а именно могла бы в значительной степени сдерживать порывы к совершению зла» [Там же, с. 1041].

Кант всегда был верен идеалам *Просвещения* как духовно-практического движения, задача которого – с помощью широкого распространения научных знаний сделать невозможным возврат к Средним векам, когда церковь обладала монополией в постановке и решении всех вопросов, которыми допустимо задаваться человеку. Суждения Канта о *пропасти*, разделяющей *область безусловно-практического познания* (право, мораль и *религия разума*) и *область* исключительно *теоретического познания* (мир *природы* и всего *естественного*), пресле-

[22] Менее чем через 100 лет представление о сосуществовании равноправных образов мира, в основе которых лежат различные познавательные интересы и приемы интеллектуальной деятельности, станет вполне обычным. О различном видении одних и тех же объектов в *науках о природе* и в *науках о духе* говорил В. Дильтей; В. Виндельбанд и Г. Риккерт писали о принципиальном отличии методов естествознания и истории, которые порождают два самостоятельных образа мира – *природу* и *культуру*. О двух видах числительных (количественных и порядковых), лежащих в основаниях идей *природы* и *истории*, рассуждал О. Шпенглер.

довали, помимо прочего, и цель оградить *естествознание* и науки вообще от диктата теологов, которая была всё еще актуальной в немецких землях конца восемнадцатого века. О важности этой цели свидетельствует и полемика Канта с *библейскими теологами* в работе *Спор факультетов*, и нашумевшая отставка в том же 1798 году И. Г.Фихте из Йенского университета из-за обвинений в атеизме.

Разграничение Кантом сфер эксклюзивных компетенций двух видов познания напоминает средневековое учение о *двух истинах*, которое служило, по сути, той же цели – предоставлению разуму свободы в исследовании любых предметов и постановке любых проблем. Аверроисты, а затем Фома и томисты, обосновывая право *естественного* разума на самостоятельные разыскания истины (ведь бог наделил людей разумом не для того, чтобы он бездействовал), всё же признавали приоритет *истин веры* в случае их противоречия с *истинами разума*. Кант же считал своей важнейшей задачей доказательство мнимости отношения взаимоисключения между естественно-научным (теоретическим) образом мира и религиозным (морально-практическим) мировоззрением[23].

Естествознание, которое Кант называл *теоретическим*, и бурно развивающаяся биология[24] рассматривались просветителями и теологами восемнадцатого и последующих столетий как альтернатива религиозному мировоззрению и главный источник атеистической аргументации. Однако, полагал он, *знания* о природе и *религиозная вера* отнюдь не исключают друг друга и вполне совместимы в сознании людей, которые вовсе не мучаются от противоположности мировоззрений, порождаемых их собственным *рассудком* и их же собственным *разумом*. В своих выводах Кант опирался не только на свою спокойную и уравновешенную *религиозную веру*. Возможно, он имел в виду широко известный факт экзальтированной религиозности Кеплера и Ньютона, а также искреннюю веру в бога многих других творцов научной революции XVII–XVIII вв., что не мешало им создать новое естествознание, не нуждающееся, по его словам, в *помощи бога* для объяснения способов *устроения природы или их изменения* [7, с. 667].

Религиозная вера, по Канту, есть неистребимая потребность *разума*, такая же естественная для человека, решающего моральные проблемы, как и непреодолимое стремление его *рассудка* к *знанию*. Поэтому, считал он, аргументы *теоретического естествознания* не могут превратить верующего в атеиста, а доводы рациональной теологии и догматического богословия не являются *основаниями, перед которыми не устояла бы даже самая упорная скептичность*, а потому они не способны принудить человека, *равнодушного* к моральному закону, поверить в существование бога и загробной жизни [5, с. 1039–1041].

Естествознание и религия, полагал он, дают ответы на совершено разные вопросы, которые одинаково важны для людей и не могут подменять или исключать друг друга. Принципы *теоретического познания*, итогом которого является *знание* о *природе,* не позволяют даже поставить вопрос о том, *что и как* следует *делать*, если речь идет о морально-правовой сфере. Поэтому *теоретическое естествознание*, отвечая на вопрос, *что есть*, принципиально не может быть, по Канту, конкурентом религии, которая отвечает на вопрос *практического познания*, что обязательно *должно быть* и какое *поведение* способно превращать должное в *действительное*. Но и религия, практическую суть которой Кант видел в доведении до каждого человека *совокупности* его *обязанностей*[25], не способна конкури-

[23] Термин *мировоззрение* (*Weltanschauung*) появился в немецком философском языке уже после Канта.

[24] Кант не включал биологию (часть современной ему *телеологии*) в *теоретическое естествознание* из-за господствовавших в ней тогда *искусственных* классификаций.

[25] «Религия – это… совокупность всех наших обязанностей вообще как *велений* божьих», – говорится в *Споре факультетов* [16, с. 80].

ровать с теоретическим естествознанием в ответе на вопрос о том, *что есть*, а что лишь мнится и воображается. И *рассудок*, эксклюзивная сфера которого – *теоретическое познание* с его культом *знания* ради *знания,* и *разум*, руководящий поступками людей на основе *практической веры* в осуществимость *желаемого*, должны оставаться, по Канту, в границах своих предметных областей и своих познавательных возможностей.

Резкое разграничение *области понятий природы* и *области понятия свободы*, позволявшее, по мысли Канта, избегать заблуждений, возникающих из-за использования приемов теоретического и практического видов познания за границами их применимости, делало еще более острым и без того чрезвычайно сложный вопрос о возможности практического использования теоретических знаний. Кант, правда, полагал, что своим описанием в *Критике чистого разума определяющей способности суждения* и ее функций, а также и аргументацией в работе *О поговорке «Может быть, это и верно в теории, но не годится для практики»* он сумел доказать, что решение *практически-технических* задач находится в исключительной компетенции рассудка и, следовательно, *теоретического познания*. Однако его критики, начиная с Ф. Г. Якоби, вполне справедливо, как кажется, утверждали, что образ действий, который намечает, по Канту, рассудок, касается исключительно *явлений*, тогда как люди практически действуют с непознаваемыми *вещами вне нас* (*Dinge außer uns*)[26]. Впрочем, решение Кантом вопроса о практическом использовании результатов *теоретического познания*, по легенде вставшим уже перед первым теоретиком древности Фалесом, упавшим в яму на дороге во время созерцания звездного неба, требует особого исследования и, значит, новой статьи.

Литература

1. Аристотель. О душе // Аристотель. Сочинения : в 4 т. – Т. 1. – М., 1975.
2. Аристотель. Метафизика // Аристотель. Сочинения : в 4 т. – Т. 1. – М., 1975.
3. Аристотель. Физика // Аристотель. Сочинения : в 4 т. – Т. 3. – М., 1981.
4. Аристотель. Никомахова этика // Аристотель. Сочинения : в 4 т. – Т. 4. – М., 1984.
5. Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. – Т. 2. – Ч. 1. – 2-е изд. – М., 2006.
6. Кант И. Основоположение метафизики нравов // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. – Т. 3. – М., 1997.
7. Кант И. Критика практического разума // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. – Т. 3. – М., 1997.
8. Кант И. Критика способности суждения // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. – Т. 4. – М., 2001.
9. Кант И. О поговорке «Может быть это и верно в теории, но не годится для практики» // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. – Т. 1. – М., 1994.
10. Кант И. Об изначально злом в человеческой природе // Сочинения в шести томах. – Т. 4. Ч. 2. – М., 1965.
11. Кант И. Пролегомены // Кант И. Сочинения : в 8 т. – Т. 4. – М., 1994.
12. Кант И. Метафизика нравов // Кант И. Сочинения : в 8 т. – Т. 6.
13. Кант И. Антропология // Кант И. Сочинения : в 8 т. – Т. 4. – М., 1994.

[26] Термин Ding außer uns (иногда außer mir, т.е. *вне меня*) появляется в *Предисловии* ко второму изданию *Критики чистого разума*, где Кант называет *скандалом для философии* необходимость доказывать реальное существование именно *вещей вне нас,* от которых *мы получаем весь материал для познаний* [5, с. 43]. Термин Ding außer uns – почти синоним словосочетания Ding an sich (Ding an sich selbst betrachtet). Последнее подчеркивает невозможность для людей рассматривать *вещь* такой, какой ее мог бы видеть бог, не связанный пространственно-временными ограничениями человеческого восприятия. Ding an sich – более широкое понятие, обозначающее у Канта и ту *вещь*, которая находится *вне нас* (außer uns), и ту, которая *внутри нас*, то есть *душу*, какой ее мыслила *рациональная психология* его времени.

14. Кант И. Из рукописного наследия. – М., 2000.
15. Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском праве // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. – Т. 1. – М., 1994.
16. Кант И. Спор факультетов // Кант И. Сочинения : в 8 т. – Т. 7. – М., 1994.
17. Кант И. Статьи и письма разных лет // Кант И. Сочинения : в 8 т. – Т. 8. – М., 1994.
18. Мальтер Р. К истории возникновения «Основоположения к метафизике нравов» и «Критики практического разума // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. – Т. 3. – М., 1997.
19. Eine Vorlesung Kants über Ethik / Herausg. von Paul Menzer. – Berlin, 1924.
20. Prauss G. Kant und das Problem der Dingean sich. – Bonn, 1974.

Gennadiy Vasil'evich Boldygin,
Candidate of Philosophy, Associate Professor,
Liberal Arts University – University for Humanities
(Ekaterinburg)

I. Kant on Coexistence of Knowledge and Belief

The article deals with I. Kant's attempt to solve a problem of the foundation ensuring peaceful coexistence of scientific and religious world outlooks. That was particularly evident during the scientific revolution of the New Age. He believed that principally different subject matters of theoretical and practical cognition and the consequent differences in goals, aims and methods of research constitute the base for the coexistence. The subject matter of the theoretical mode of cognition proved to be natural, i. e. not depending on anyone's will, phenomena and processes. The practical cognition approves reasonable behavior of free persons sharing moral responsibilities as its subject matter. The result of theoretical cognition is knowledge of the qualities of the world that cannot be changed, while the practical cognition creates the belief in achieving the desired result by virtue of freely chosen rules of conduct.

Key words: Kant; nature; the practical; the theoretical; cognition; knowledge; belief; rules of conduct.

УДК 159.964.2

Е. А. Батюта*, Е. В. Белоусова**

«Наша лучшая надежда»: роль Теодора Райка в становлении прикладного психоанализа и психоанализа культуры

Статья посвящена личности и творчеству Т. Райка, одного из первых учеников и последователей З. Фрейда, его роли в начале дискуссии о прикладном психоанализе; также рассмотрены перспективы развития прикладного психоанализа и психоанализа культуры в России.

Ключевые слова: психоанализ культуры; прикладной психоанализ; З. Фрейд; Т. Райк; психоаналитическое образование.

Тема данной статьи связана, прежде всего, с несомненным интересом основателя психоанализа к вопросам, далеко выходящим за пределы клинического применения психоанализа. То, что психоанализ давно превратился в нечто намного превосходящее первоначально диагностический метод, давно стало общим местом. Остаются актуальными вопросы об отношении психоанализа к разным видам мировоззрения, о структуре и тенденциях развития того сложного образования, которым является современный психоанализ.

З. Фрейд заметил в заключительной, 35-й лекции «Введения в психоанализ», что психоанализ не способен создать свое особое мировоззрение, что ему и не нужно это, что он является частью науки и может примкнуть к научному мировоззрению. Здесь З. Фрейд, как кажется, пытался магически оградить психоанализ от всех дальнейших обвинений в антинаучности [9]. Наиболее известна критика психоанализа К. Поппером. Рассматривая взаимоотношения психоанализа и философии науки, Г. Скирбекк и Н. Гилье писали, что аргументы Поппера в работе «Гипотезы и опровержения» можно сформулировать следующим образом. То, что теория Фрейда обладает огромной объяснительной силой и совместимостью с человеческими переживаниями, парадоксально свидетельствует о его научной слабости. В то время как научные теории несовместимы с некоторыми возможными результатами наблюдения («фактами») и, следовательно, могут быть фальсифицированы, психоанализ совместим со всеми фактами, относящимися к человеческому поведению. Таким образом, психоанализ не может быть фальсифицирован, и, следовательно, он не научен. Психоанализ является псевдонаукой, своеобразной «метафизикой». Поппер утверждал, что Фрейд конструирует теории таким образом, что они оказываются нефальсифицируемыми. Но из-за этого они не становятся ни неинтересными, ни «бессмысленными». Психоанализ содержит интересные положения, но не в форме, которая является проверяемой, а в форме ненаучного или «метафизического» (согласно попперовскому определению) учения [8].

Возможно, что из-за этого сродства объясним тот живой отклик, который психоанализ получил именно со стороны философии (метафизики). Сам Фрейд относился к философии достаточно амбивалентно, но вряд ли уделял ей большое внимание, справедливо ссылаясь на некомпетентность в этом вопросе. В уже упоминавшейся 35-й лекции он писал: «Из трех сил, которые могут поспорить с

* **Екатерина Анатольевна Батюта,** канд. филос. наук, директор Центра практической психологии и психоанализа Института по переподготовке и повышению квалификации, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург).

** **Елена Валентиновна Белоусова,** канд. культурологии, доцент кафедры философии, биоэтики и культурологии, Уральский государственный медицинский университет (г. Екатеринбург).

E-mail: elena-valentinovna@mail.ru

© Е. А. Батюта, Е. В. Белоусова, 2018

наукой, только религия является серьезным врагом. Искусство почти всегда безобидно и благотворно, оно и не хочет быть ничем иным, кроме иллюзии. Если не считать тех немногих лиц, которые, как говорится, одержимы искусством, оно не решается ни на какие вторжения в область реального. Философия не противоположна науке, она сама во многом аналогична науке, работает частично при помощи тех же методов, но отдаляется от нее, придерживаясь иллюзии, что она может дать безупречную и связную картину мира, которая, однако, распадается с каждым новым успехом нашего знания. Методически она заблуждается в том, что переоценивает познавательное значение наших логических операций, признавая и другие источники знания, такие как интуиция. И достаточно часто считают, что насмешка поэта (Г. Гейне), когда он говорит о философе:

Он старым шлафроком и прочим тряпьем
Прорехи заштопает у мирозданья[1], –

не лишена основания. Но философия не имеет никакого непосредственного влияния на большие массы людей, она интересует лишь самую небольшую часть самого узкого верхнего слоя интеллектуалов, оставаясь для всех прочих малодоступной. Напротив, религия является невероятной силой, которая владеет самыми сильными эмоциями человека. Как известно, когда-то она охватывала все духовное в человеческой жизни, она занимала место науки, когда наука едва зарождалась, и создала мировоззрение, отличавшееся беспримерной последовательностью и законченностью, которое еще сегодня, хотя и пошатнувшееся, продолжает существовать» [9].

Со стороны философии прозвучала также оправдательная аргументация в пользу психоанализа. Так, немецкий социальный философ Ю. Хабермас в работе «Познание и интерес» попытался реконструировать психоанализ как теорию о систематически искажаемой коммуникации. Согласно Хабермасу, принадлежащее самому Фрейду эпистемологическое понимание психоанализа основано на сциентистском непонимании уникальности психоанализа. Психоанализ – это не естественная наука, а, скорее, довольно «глубокая герменевтика», которая пытается понять смысл искаженных «текстов» (невротических симптомов, сновидений и т. д.). Психоанализ, следовательно, должен объединить герменевтическую интерпретацию с психологическими исследованиями квазипричинных связей, то есть бессознательных мотивов, которые функционируют как причины «за спиной» индивида. Следовательно, мы можем сказать, что Фрейд развил уникальную демистифицирующую «глубокую герменевтику» или интерпретационную методику для понимания и исправления систематически искажаемой коммуникации. По Хабермасу, психоаналитическую терапию лучше всего сравнить с расширяющимся «самопониманием» [8].

В связи с вышесказанным рассмотрим личность и творчество ученика Фрейда с философским образованием. Теодор Райк (12.05.1888, Вена –31.12.1969, Нью-Йорк) – один из учеников и последователей З. Фрейда, член Венского психоаналитического общества с 1911-го по 1928 год. Изучал философию и литературу в Венском университете, в 1912 г. стал доктором философии, его диссертация была посвящена Г. Флоберу и называлась «Искушение Св. Антония». Но судьбоносным для него стало знакомство в 1910 г. с Зигмундом Фрейдом. Молодой человек познакомился с Фрейдом, когда тот совершал свою традиционную прогулку по Рингштрассе. Т. Райк попросил разрешения проводить мэтра до дома. По пути он рассказал о себе, своих интересах и проблемах, а также попросил у Фрейда совета относительно будущей профессии. Создатель психоанализа прямого совета не дал, но, по всей видимости, сказалось влияние его личности. В своей автобиогра-

[1] Перевод Г. Сильман.

фической книге «Слушая третьим ухом. Внутренний опыт психоаналитика» Т. Райк сравнил выбор профессии с женитьбой. «В тот вечер… я решил стать психоаналитиком. К добру, или нет, но я женился на этой профессии» [3]. Райк восхищался Фрейдом, подражал ему, одевался, как Фрейд, носил бороду, как у Фрейда, и курил те же сигары, что и Фрейд. По этой причине в первом венском круге его звали «псевдо-Фрейд» [3]. Райк, не будучи врачом, тем не менее получил достойное психоаналитическое образование. Личный анализ при содействии Фрейда он прошел у К. Абрахама бесплатно. Однако, как пишет в своей книге Е. А. Ромек, ссылаясь на переписку Фрейда, «позже Фрейд уже не желал прислушиваться к жалобам Райка на бедность и не принимал на веру его “страшные сказки”. Он продолжал поддерживать Райка, но так же, как и других учеников и коллег, – направляя к нему пациентов и оказывая консультационную помощь в сложных случаях» [7].

Хотя Т. Райк, скорее всего по причине молодого возраста, не входил в «Комитет», созданный по инициативе Э. Джонса в 1912 г., и, соответственно, не был «носителем кольца», он был особо отмечен Фрейдом. В 1918 году Фрейд учредил «Prix d'honneur» – «Почетный приз» – за лучшую немедицинскую работу. В работе «Неизвестный убийца» Райк демонстрирует, как можно использовать психоанализ для понимания отношения общества, судей и присяжных к подозреваемым. Когда в 1925 году венский магистрат запретил ему психоаналитическую практику, обвинив в шарлатанстве, Фрейд горячо заступился за Райка, *«одного из самых образованных среди моих учеников-немедиков»,* и добился прекращения процесса. По этому поводу Фрейдом в 1926 г. была написана статья «К вопросу о дилетантском анализе». Вот фрагмент из письма З. Фрейда П. Федерну, написанного в марте 1926 года: «Я не призываю членов Общества сплотиться вокруг моих взглядов, но сам я собираюсь отстаивать их в приватном порядке, и публично, перед любым судом… Борьба по поводу немедицинского психоанализа все равно разразилась бы рано или поздно. И лучше начинать ее сейчас, чем вновь отложить. *Пока я жив, я буду препятствовать поглощению анализа медициной*» (цит. по: [5, с. 356]).

В истории психоанализа «дело Райка» рассматривается как знаковое начало дискуссии о «прикладном психоанализе». Дискуссия эта со временем оформилась в ряд вопросов, однозначного ответа на которые нет и поныне: *Каким должно быть образование психоаналитика?* Е. А. Ромек (доктор философии, профессор философского факультета ЮФУ) в своей книге, отмечая, что «дело Райка» стало первым вызовом новому профессиональному сообществу психотерапевтов, пишет: «Выдвинутое против Райка обвинение стало катализатором одного из важнейших инсайтов отца психоанализа. В 1926 г. он написал работу “К вопросу о дилетантском анализе. Разговор с непредвзятым собеседником”, в которой фактически обосновал профессиональную самостоятельность не только психоанализа, но и психотерапии в целом. В этой статье Фрейд рассматривает вопрос: Какими знаниями и умениями должен обладать профессиональный аналитик в отличие от дилетанта или шарлатана?» [7].

Второй вопрос, но связанный с первым, заключается в содержании тех, как писал З. Фрейд, «весьма далеких от медицины» областей знания, «с которыми врач не встречается в своей практике: истории цивилизации, мифологию, психологии религии и литературоведения. Пока он не овладеет этими предметами, аналитик ничего не сможет сделать с огромной частью имеющегося материала... Значительная часть того, что он усваивает в медицинской школе, малопригодна для его целей». Е. А. Ромек считает, что Фрейд сознательно не включил в этот список философию, в силу известной неприязни и недоверия к ней [7]. Но его отношение к Т. Райку и его вкладу в психоанализ позволяет нам сформулировать следующие

вопросы: *Каково место философии и других гуманитарных дисциплин в психоаналитическом образовании? Нужна ли философская рефлексия самому современному психоанализу?* На эти вопросы до сих пор нет однозначного ответа. Во всяком случае, «философский психоанализ» или «философия психоанализа» были включены в процесс аналитического обучения в ряде учебных заведений, а сами видные российские психоаналитики часто имеют научные степени не по психологии, а по философии.

Возможно, философское образование сказалось в том, что для Райка психоанализ – это, прежде всего, самоанализ, проект самопознания. Не случайно он вспоминает знаменитое высказывание Сократа: «Заговори, чтобы я тебя увидел». Интересно, что В. И. Овчаренко (советский и российский философ, социолог, историк и психолог, доктор философских наук, почетный член Русского психоаналитического общества и т. д.) включил в свою книгу «Российские психоаналитики» [6] сведения о М. К. Мамардашвили. В связи с этим вспоминается определение, которое встречается в «Лекциях по философии» М. К. Мамардашвили: «Философия – это самосознание вслух». Т. Райк был против того, чтобы что-то записывать во время сеттинга, ему казалось, что это может разрушить атмосферу психоанализа. Райку определенно нравилось это словосочетание – «атмосфера психоанализа». В работе «Третье ухо» он писал, что кабинет психоаналитика по своему набору предметов мебели может мало отличаться от кабинета врача или адвоката, но вот «атмосфера между пациентом и аналитиком превращает благоразумную ситуацию в магическую». Как замечает В. Мазин (российский философ, психолог-психоаналитик, канд. филос. наук, заведующий кафедрой теоретического психоанализа Восточно-Европейского института психоанализа), магичность ситуации заключается в том, «что два человека разговаривают друг с другом, но не совсем, а иногда даже совсем не друг с другом. Пациент говорит не с психоаналитиком, «а перед ним», *и к тому же* перед незримой, не присутствующей здесь и сейчас аудиторией. Психоаналитик – настолько же реальная фигура, насколько и фантастическая, он – между реальностью и фантазией, да и вообще аналитическая ситуация обнаруживается «между фантазией и реальностью»… Магия, *магия слова* – вот что важно в психоанализе. Аналитическая ситуация, как говорит Райк, должна «убедить даже самых упрямых скептиков в том, что даже в наш век современных технических достижений магия по-прежнему работает» Т. Райк не случайно считал, что психоаналитик – «человек с третьим ухом». Психоаналитик – это человек, который «не боится тишины». К магии слов Райк добавляет магию тишины. «Психоаналитик слушает «третьим ухом», слышащим не только то, что пациент говорит, но также свои собственные внутренние голоса, то, что возникает в глубинах его собственного бессознательного». Райк был меломаном, влюбленным в музыку своего венского современника Густава Малера. Размышляя над этим самым третьим ухом, Райк вспоминает Малера, который как-то заметил, что самое главное в музыке отнюдь не содержится в партитуре. Также и в психоанализе «самое важное – не то, что говорится, а то, что речь скрывает и что открывает тишина» [3].

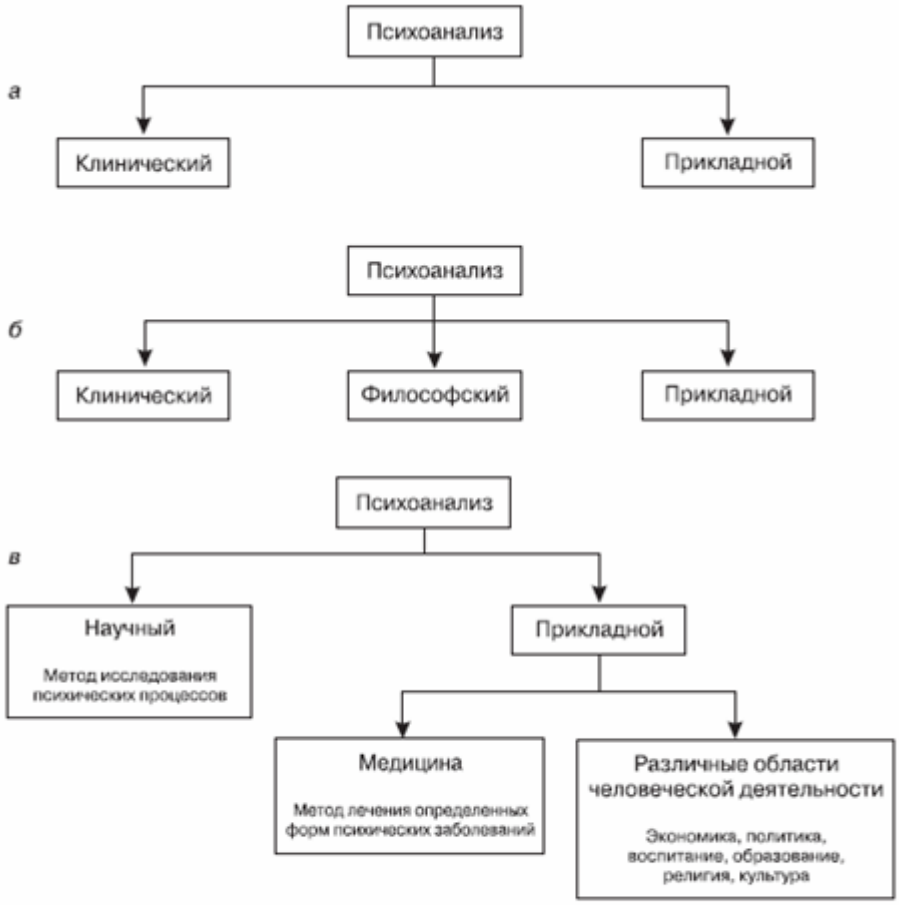
Третий вопрос, исторически связанный с фигурой Теодора Райка, можно сформулировать следующим образом: *Что такое прикладной психоанализ и какова его дальнейшая судьба? Как соотносятся понятия «прикладной психоанализ» и «психоанализ культуры»?*

В. М. Лейбин (доктор философских наук, заведующий кафедрой основ клинического психоанализа Московского института психоанализа, профессор Московского государственного медико-стоматологического университета, почетный доктор Восточно-Европейского института психоанализа, почетный член Межрегиональной общественной организации «Русское психоаналитическое общество» и т. д.)

в книге «Психоанализ: Учебное пособие» приводит высказывание З. Фрейда: «По практическим соображениям и для наших публикаций мы приобрели привычку отделять клинический анализ от других приложений анализа. Но это некорректно. В реальности граница проходит между научным психоанализом и его применениями (в медицинской и немедицинской областях)» [2].

Таким применением стал сделанный самим Фрейдом анализ различных форм культуры: магии, религии, морали, искусства. Это применение и может толковаться как психоанализ культуры. На наш взгляд, он был гораздо ближе З.Фрейду, чем абстрактные философские рассуждения. Интересно, что становление таких наук, как культурная и социальная антропология, во многом шло в тесном взаимодействии с развитием самого психоанализа (например, психоаналитическая трактовка магии, которая рассматривалась нами ранее). Таким образом, психоанализ культуры можно трактовать как перспективное направление в развитии прикладного психоанализа.

В. М. Лейбин схематически описывает три разных трактовки прикладного психоанализа:



а — точка зрения, находящая отражение в зарубежной психоаналитической литературе; *б* — точка зрения, находящая отражение в отечественной литературе; *в* — точка зрения З. Фрейда, высказанная им в 1926 году в работе «К вопросу о дилетантском анализе» (на русский язык переведена как «Проблема дилетантского анализа»)

В. А. Медведев (российский философ, психолог-психоаналитик, канд. филос. наук, соучредитель и председатель правления Всероссийской ассоциации прикладного психоанализа, член Российского философского общества. Руководитель проекта «Russian Imago», гл. ред. журнала «Russian Imago. Исследования по психоанализу культуры» и книжной серии «Imago») считает неудачным проект Всероссийской ассоциации прикладного психоанализа. В одной из своих статей он писал о «горестной судьбе прикладного психоанализа» на Западе: «Периодически,

в ритме навязчивого повторения (“вечного возвращения”), каждое новое поколение организованных под эгидой IPA психоаналитиков возвращается к теме природы “прикладного психоанализа”… Последним рецидивом подобного рода навязчивого ритуала отыгрывания бессознательного чувства вины стала чатовая дискуссия, организованная лондонской штаб-квартирой IPA в 1998 году по поводу нашумевшей статьи Аарона Эсмана “Что же «прикладывается» в прикладном психоанализе?”. Анализ этой очередной дискуссии показывает, что в горестной судьбе прикладного психоанализа не изменилось ничего со времен смерти его создателя. Международная психоаналитическая организация психоаналитиков-клиницистов до сих пор не признает права на существование внеклинических форм подготовки и профессиональной деятельности коллег. До сих пор актуальными являются коллективные страхи перед старыми корпоративными табу, перед возможностью “впадения в ереси”, традиционно связанные с именами Адлера, Юнга, Райка и Лакана. Все психоаналитические изыскания прикладного характера, как правило, концентрируются в безопасной зоне понимания текста (кинофильма и пр.) как пациента, а единственной темой для обсуждений ставится проблема компенсации отсутствия диалога с пациентом при работе с культуральным, т. е. якобы вторичным (сотворенным), материалом» [4].

В отечественных исследованиях, посвященных данной проблеме, термин «прикладной психоанализ» нередко заменяется термином «психоаналитическая культурология», «психология религии» или «психоанализ культуры и религии». Последний термин представляется нам более предпочтительным и понятным (хотя и более узким) по сравнению с термином «прикладной психоанализ». Предпочтительным – ввиду более явной связи с исследованиями культуры, что было характерно и для самого Т. Райка. Д. С. Дамте (канд. филос. наук, исследователь психологии религии) замечает, что Теодор Райк является автором ряда интересных трудов, посвященных проблемам психоаналитической интерпретации мифа и библейских текстов. В отличие от Фрейда, усматривавшего скрытую основу многих литературных произведений в Эдиповом комплексе, или Ранка, который говорит о широком распространении в текстах мировой литературы мотива инцеста и отголосков «травмы рождения», Райк обращает наше внимание на другой скрытый мотив – воспоминание об инициации. Сведения об обрядах инициации, которые относятся к более широкой группе обрядов перехода, Райк почерпнул из трудов выдающегося французского этнографа Арнольда ван Геннепа [1].

Таким образом, именно психоанализ культуры является плодотворной экстраполяцией глубинной психологии.

Литература

1. Дамте Д. Теодор Райк. Вехи жизни и творчества [Электронный ресурс] // Классика мирового религиоведения : [сайт]. – URL: http://religious-studies.fzrw.info/doku.php?id=%D1%82%D0%B5%D0%BE%D0%B4%D0%BE%D1%80_%D1%80%D0%B0%D0%B9%D0%BA

2. Лейбин В. М. Научный и прикладной психоанализ // Лейбин В. М. Психоанализ : учеб. пособие. – СПб. : Питер, 2008. – С. 15–17.

3. Мазин В. Теодор Райк. Набросок портрета // Знаки. – 2011. –№ 7. – С. 50–55.

4. Медведев В. А. Прикладной психоанализ – глобальная миссия и российская судьба [Электронный ресурс]. – URL: http://proekt-psi.narod.ru/biblio/medv_ppa.html

5. Медведев В. Спор о природе психоанализа // Russian Imago. – СПб. : Алетейя, 2000.

6. Овчаренко В. И. Российские психоаналитики. – М. : Академический Проект, 2000.

7. Ромек Е. А. Психотерапия: рождение науки и профессии. – Ростов н/Д : ООО «Мини Тайп», 2005. – С. 356–361.

8. Скирбекк Г., Гилье Н. Психоанализ и философия науки // История философии : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / пер. с англ. В. И. Кузнецова ; под ред. С. Б. Крымского. – М. : Гуманит. изд. центр «Владос», 2003. – С. 638–644.

9. Фрейд З. Тридцать пятая лекция. О мировоззрении // Введение в психоанализ / пер. с англ. Г. В. Барышниковой ; лит. ред. Е. Е. Соколовой и Т. В. Родионовой. – СПб. : Алетейя, 1999.

10. Эсман А. Что «прикладывается» в прикладном психоанализе // Russian Imago-2001. Исследования по психоанализу культуры. – СПб. : Алетейя, 2002. – С. 483–498.

Ekaterina Anatol'evna Batyuta,
Candidate of Philosophy, Director of the Center for Practical Psychology
and Psychoanalysis, Institute for Retraining and Advanced Training,
the Ural Federal University named after the First President
of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg)
Elena Valentinovna Belousova,
Candidate of Culturology, Associate Professor at the Chair of Philosophy,
Bioethics and Culturology, Ural State Medical University (Ekaterinburg)

«Our Best Hope»: the Theodor Reik's Role in Developing the Applied Psychoanalysis and the Psychoanalysis of Culture

The article addresses the personality and the works of T. Raik, one of the first disciples and followers of Freud, his role in initiating the discussion on applied psychoanalysis. The authors also reviews the prospects of applied psychoanalysis and psychoanalysis of culture in Russia.
Key words: culture; psychoanalysis; applied psychoanalysis; Z. Freud; T. Raik; psychoanalytic education.

УДК 1(540)

Ю. А. Уймина*

Западноевропейские философско-религиозные концепции в учении Ошо Раджниша

Учение неоиндуистского гуру Ошо Раджниша представляет собой некое синтезированное единство различных философско-религиозных концепций Востока и Запада. Ошо считает, что «чтобы заинтересовать западного человека медитацией, приблизить восточное мышление в западному, нужно взять что-то у одного и что-то у другого» [9, с. 106] – и успешно воплощает эту идею в своем учении, соединив «западную психотерапию» и «восточную медитацию»; первая составляющая учения рассмотрена ниже.

Ключевые слова: Ошо Раджниш; неоиндуизм; психотерапия; экзистенциализм; психоанализ.

Для современного глобального мира характерны поиски духовного обновления. Западная традиция обращается к Востоку, а Восток – к Западу. Учение одного из ярких неоиндуистских наставников Ошо Раджниша является синтезом, некой «выборкой» элементов различных религиозно-философских систем Востока и Запада – Ошо свел воедино «восточную медитацию» и «западную психотерапию», при этом вторая составляющая, по его мнению, является лишь подготовительной ступенью к *осознанности,* одной из ключевых категорий его учения: «Когда добиваешься того, что может западная психотерапия, можно переходить к медитации» [9, с. 106]. Особое место в творчестве Ошо отводится философии Ф.Ницше, З. Фрейда (а также учениям других философов психоаналитической направленности), экзистенциалистам (философии Ж.-П. Сартра), также в некоторых беседах[1] гуру ссылается на В. Райха. Особое внимание Ошо уделяет философской позиции Сократа. А. С. Сиргия отмечает, что Ошо «наибольшее внимание уделял именно тем концепциям европейской философии и культуры, в которых проблеме человека отводится главенствующая роль» [13, с. 74].

Взгляды Сократа в учении Ошо

Шри Раджниш нередко в своих беседах цитирует греческих философов, приводя в пример их высказывания, истории, связанные с ними – Гераклитом, Диогеном, Платоном, – но особое место в его творчестве уделено Сократу. Раджниш говорит о Сократе в сборниках бесед: «И здесь, и сейчас: о бессмертии души и смысле жизни»[2], «Творчество»[3], «Библия Раджниша» и др. Ошо придает учению Сократа о человеке особое значение, так же как и греческий философ, отводя человеку главную роль в процессе познания, вернее, самопознания и разделяя его взгляды на проблему возможности достижения им истинного знания: «Я знаю, что я ничего не знаю» – кредо Сократа – становится определяющей позицией и для Ошо.

Раджниш «отождествлял себя с Сократом», как и греческий философ, он выбирает устную форму передачи своих знаний, который представляет собой «методически направляемый к определенной цели диалог со своими учениками» [13, с. 75]. Ошо цитирует философа, говоря, что смерти не существует, приводя в

* **Юлия Анатольевна Уймина,** аспирант АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

E-mail: yulia.uimina@yandex.ru

[1] Например, см.: [3, с. 61–64].

[2] Подробнее см.: [4].

[3] См.: [6].

© Ю. А. Уймина, 2018

пример казнь Сократа, во время которой греческий философ произносит следующие слова: «Постепенно всё тонет, но *я* всё еще жив…» [4, с. 20] – эта позиция сходна со взглядами самого Раджниша, который говорил о себе, что он «никогда не рождался» и «никогда не умирал» [9, с. 149]. А. С. Сиргия, исследователь творчества Ошо, подмечает, что ирония Ошо во многом напоминает сократическую иронию, а сомнение как философская позиция, так же как и Сократу, «служит Раджнишу предпосылкой для обращения человека к рефлексии над основаниями своего мышления и самой жизни» [13, с. 76]. Сомнение – «знак вопроса», «открытые двери», согласно Ошо, стремление человека самому открыть истину, познавать, исследовать[4] – необходимая для духовного роста составляющая: «Сомневайтесь, пока не откроете. Не верьте до тех пор, пока не узнаете сами. Нужно отбросить всё ваше знание, всё, что вы приняли на веру, должно быть выброшено в канаву» [12, с. 17]. Сомнение – «единственное, что выделяет человека из животного мира» [Там же, с. 10], это, следуя воззрениям Раджниша, «привилегия человека»[5] [15, с. 105], и ни в коем случае человеку не следует во что-то «верить слепо», полагаясь на «закостенелые знания», которые не являются его собственными знаниями (тем, что он познал на личном опыте) и которые Ошо символически сравнивает с застойной водой в пруду [2, с. 128].

Ошо часто в своих беседах обращается не только к античности, но и к философским взглядам Ф. Ницше. А. С. Сиргия утверждает, что мыслитель оказал влияние на формирование учения Раджниша о человеке – сам Ошо считает Ф. Ницше «величайшим философом, которого знал мир», «прирожденным мистиком» [10, с. 12][6]. Раджнишу импонировал скептический настрой философа относительно морали и религии, а концепция homo novus, «нового человека» Ошо напоминает «сверхчеловека» Ф. Ницше, однако «Зорба-Будда» Ошо «отличен от сверхчеловека Ф. Ницше», поскольку является «просто человеком, осознающим живую целостность и единство реального мира, человеком, ставшим достаточно зрелым, чтобы постоянно выходить за пределы самого себя» [13, с. 80], безо всякого «сверх», стремления стать выше или лучше других, быть первым, непревзойденным[7].

Поддерживает гуру и мнение философа о том, что творческие люди, мыслящие неординарно, вернее, в большей степени чувствующие, ощущающие взаимосвязь с миром: писатели, поэты, художники, музыканты – «мечтатели» – необходимы обществу, поскольку без них «случится величайшее бедствие» [2, с. 130]. «Мечтатели», по мнению Раджниша, обладают качеством спонтанности, способностью мыслить и действовать неординарно, удивляться и радоваться, жить «во всей полноте», *тотально*[8] – это качества «Зорбы» Ошо[9]. Раджниш говорит о стадиях духовного совершенствования человека, заимствуя из «Речи Заратустры» Ф. Ницше символику верблюда, льва и ребенка[10]. Совершенствование человека в учении Ошо лежит в параллели от верблюда до ребенка: от нежелания познавать, неосознанности, неосведомленности (верблюд) через стремление, эмоции и действия (лев) до высшей стадии невинности, пребывания в бытии (ребенок). «Ребенка» определяет способность удивляться и восхищаться миром, он обладает

[4] Позиция, созвучная суфийскому мистицизму.

[5] Поэтому, к примеру, Ошо критикует христианство, иудаизм, индуизм, мусульманство.

[6] Фридриху Ницше Ошо посвящает свои беседы «Заратустра: Танцующий Бог», «Заратустра: Смеющийся пророк» (1987).

[7] Один из циклов его бесед называется «Никогда не будьте первыми». (Подробнее об этом см.: [6].)

[8] Тотальность является второй важнейшей категорией учения Ошо.

[9] Качества «Будды» (осознанность) человек приобретает, согласно гуру, на дальнейшей ступени его духовного развития – медитации.

[10] Данную символику также можно также встретить во многих суфийских притчах.

осознанностью, приходящей, когда человек «слышит голос собственной души» [15, p. 115].

Стоит несколько слов сказать о сходстве взглядов Ошо и Ф. Ницше в вопросе религии. А. С. Сиргия отмечает, что оба этих мыслителя видят в «христианской морали лишь средство уравнять сильного, независимо от любых убеждений человека, и слабого, который боится прямо выразить свою волю к власти» – согласно этой позиции, чувство сострадания также имеет эгоистические основания [3, с. 80]. Ошо, однако, не всегда соглашался с философом, высказывая неоднозначные суждения: «Ницше постоянно говорил о том, что Иисус утверждал, будто когда кто-то ударил тебя по одной щеке, нужно поставить ему другую щеку. И Ницше заключил, что это бесчеловечно, потому что, подставляя обидчику другую щеку, вы выглядите превосходящим его… А по-человечески нужно сделать так: врезать ему, и по первое число! Мол, так вы, по крайней мере, уважите его!» Здесь можно наблюдать скептический настрой Ошо, которому в данном случае более близка позиция Иисуса Христа. В другом отрывке той же беседы[11] можно прочесть следующее: «Надменный человек утверждает свое эго, скромный человек тоже утверждает свое эго, только иначе» [1, с. 161]. Согласно гуру, человеку не нужно быть ни высокомерным, ни скромным, так как оба этих качества являются проявлением эго, но они исчезают, когда человек познает свою природу, становясь осознанным.

Интересно отношение Ошо к знаменитой фразе Ф. Ницше «Бог мертв»: гуру интерпретирует ее по-своему, говоря, что Бог «таким, каким его видят философы, определенно мертв»[12], но божественность, «настоящий Бог», который и есть «сама Реальность», не мертв, поэтому «Ницше и Сартр тоже не правы» [11, с. 24].

Ошо был хорошо знаком и с философией экзистенциализма, со взглядами Ж.-П. Сартра, которые были во многом близки идеям гуру. Согласно Раджнишу, современный человек «постоянно находится в кризисе», в состоянии напряжения, беспокойства. Ошо интересуют вопросы, связанные с сущностью человека, его внутренней противоречивостью, с тем, что в конечном итоге определяет человеческое состояние, способы и формы бытия[13]. Так же как и Ж.-П. Сартр, гуру критикует рационализм в качестве основного метода познания истины [13, с. 85]: «Жан-Поль Сартр прав, назвав *другого* адом. Но в действительности другой не может быть адом… Весь ад – в тебе, в твоей немедитативности, в неспособности быть одному и наполнить свое существо ликованием. Вы оба не способны на это» [7, с. 285].

К З. Фрейду и философам психоаналитического направления[14] Ошо так же часто обращается, высказывания З. Фрейда и истории про него можно прочесть практически в любом цикле бесед Ошо: начиная с метода работы психоаналитика и заканчивая описанием личных вещей философа[15]. Раджниш считает метод психоанализа З.Фрейда «весьма полезным», но до определенной степени, говоря о том, что этот метод «не объясняет смысла жизни, не показывает ее значимости, не выводит за пределы жизни и смерти[16]», не способствует рождению «цельной души», не делает людей счастливыми, но только «чуть менее несчастными» [9, с. 165]. Психоанализ, считает гуру, укоренен в разуме и не способен выйти «за пределы ума»: «Зигмунд Фрейд… пытается найти средства, которые вернули бы разум к нор-

[11] Ошо. Дзен – легкость бытия. Смерть эго – это жизнь в любви / Ошо Раджниш. – М. : ИПЛ, 2018.

[12] В данном случае имеется в виду понятие личностного Бога.

[13] Например, в цикле бесед [2].

[14] Например, к К. Г. Юнгу.

[15] Подробнее см.: [5, с. 42; 7, с. 186].

[16] На это, считает гуру, способна лишь медитация.

ме… Но одной только нормальности мало» [9, с. 165]. Этот метод не выполняет главной задачи – «не обеспечивает духовный рост», «лишь помогает подготовить нужную почву» [9, с. 106]. Согласно гуру, человеку необходимо вернуться в естественное состояние не-ума, отбросить сознательный ум, «проникнув в область сверхсознания» [13, с. 83].

Методика В. Райха в учении Ошо тоже представлена особым образом. Ошо считал В. Райха «уникальным гением, способным видеть и чувствовать недоступное обыкновенным людям», который обнаружил «то, что на Востоке называется аурой»: «он нашел способы собирать энергию, которая находится в атмосфере»[17], «источник жизни» [3, с. 61–63]. А. С. Сиргия отмечает, что общим для методов В. Райха и учения Ошо является «работа над вскрытием телесных и психоэнергетических блоков», которые приобретаются в процессе аккультурации: любое умственное нарушение отражается в теле человека, «в нем что-то затвердевает и мертвеет» [8, с. 134], и дух человека невозможно освободить, не избавившись от таких блоков[18].

Проанализировав таким образом европейские философско-религиозные концепции Ф. Ницше, Ж.-П. Сартра, З. Фрейда, а также взгляды Сократа в качестве источников учения Ошо, можно отметить, что многие идеи, изложенные в них, несомненно находят отражение в его учении о новом человеке, об идеальном обществе, о том, какова должна быть позиция человека в отношении мира, бытия и знания[19]. Ошо считает в общем и целом, что философские концепции Запада не могут обеспечить человеку духовный рост, но способны «подготовить почву» для него: гуру утверждает, что психоанализ полезен в работе с сознанием человека, а значит, может быть первой ступенью к человеческой осознанности. Дальнейшее духовное осознание человека, согласно гуру, возможно лишь посредством медитации – метода, изложенного в различных философско-религиозных концепциях Востока.

Литература

1. Ошо. Дзен – легкость бытия. Смерть эго – жизнь в любви / Ошо Раджниш ; пер. с англ. – М. : ИПЛ, 2018. – 304 с.
2. Ошо. Медитация – состояние пробужденности. Экспериментальные духовные практики / пер. с англ. А. В. Степанова. – СПб. : Весь, 2017. – 256 с.
3. Ошо. О здоровье: от медицины к медитации : пер. с англ. – М. : Книжное изд-во «София», 2017. – 224 с.
4. Ошо. И здесь, и сейчас: о бессмертии души и смысле жизни : пер. с англ. – М. : Книжное изд-во «София», 2017. – 256 с.
5. Ошо. Творчество. Высвобождение внутренних сил : пер. с англ. – СПб. : ИГ «Весь», 2017. – 192 с. – (Ключи к новой жизни).
6. Ошо. Дао – река жизни. Никогда не будьте первыми / Ошо Раджниш ; пер. с англ. – М. : ИПЛ, 2017. – 320 с.
7. Ошо. Белый лотос: Беседы о мастере дзен Бодхидхарме : пер. с англ. – М. : София, 2012. – 320 с.
8. Ошо. Когда туфли не жмут: беседы по историям даосского мистика Чжуан-цзы : пер. с англ. – СПб. : ИГ «Весь», 2009. – 334 с.
9. Ошо. Автобиография Духовно Неправильного Мистика / пер. с англ. К. Семенова. – СПб. : Весь, 2008. – 368 с.
10. Ошо. Заратустра: танцующий Бог : пер. с англ. – М. : Нирвана, 2006. – 288 с.

[17] Ошо говорит о том, что позже в СССР эту энергию можно было увидеть на фотографиях, сделанных Кирилианом [3, с. 62].

[18] Отметим, что эта позиция Ошо и В. Райха пересекается с китайскими методиками цигун и некоторыми искусствами, берущими начало в даосской традиции (например, тайцзицюань) [14].

[19] Ошо также обращается и к русским мыслителям и писателям, ученым, говоря вскользь о них в своих беседах: Ф. М. Достоевском, И. С. Тургеневе, Г. И. Гурджиеве, И. П. Павлове и др.

11. Ошо. Записки сумасшедшего : пер. с англ. – М. : Три Л, 1998. – 288 с.
12. Ошо. Библия Раджниша : пер. с англ. Ф. Садыкова, С. Штейнман – М. : Rajneesh Foundation International, 1995. – Т. 3. – Ч. 1. – 384 с.
13. Сиргия А. С. Творчество Раджниша в контексте взаимодействия культур востока и Запада : дис. … канд. филос. наук : 24.00.01 / Сиргия Анна Сергеевна. – СПб., 2013. – 160 с.
14. Цэнь Юйфэн. Цигун – китайская гимнастика для здоровья: современное руководсьво по древней методике исцеления / Цэнь Юйфэн, Лун Юнь. – М. : Э, 2017. – 320 с. – (Главные секреты медицины Востока).
15. Osho. The wisdom of the sands. Sufism: a way into the Mysteries of Existence. – Vol. 1. – Mumbai : Thomas Press Ltd, 2009. – 260 p.

Julia Anatol'evna Uimina,
Postgraduate Student, Liberal Arts University – University for Humanities
(Ekaterinburg)

**Western European Philosophical
and Religious Conceptions in Osho Rajneesh Teaching**

The teaching of Osho Rajnesh, the Neohinduism guru, is a synthesis of various philosophical religious conceptions of the East and the West. Osho claims that to interest the western man and to make closer the eastern mind to the West, people need take something from one and something from the other. Osho makes this successfully in his teaching, connecting "the western psychotherapy" and "the eastern meditation".
Key words: Osho Rajnesh; Neohinduism; psychotherapy; existentialism; psychoanalysis.

УДК 130.2

Д. В. Суворов*

Становление советской цивилизационной модели в свете проблемы модернизации

В статье автор рассматривает события 1917–1929 гг. в свете проблем модернизации. Анализ событий этого времени (и философских рефлексий на эту тему) приводит к выводам об архаическом, антимодернизационном характере происшедшего – даже вопреки общеизвестным декларациям восторжествовавшего большевизма. Период «новой экономической политики» рассматривается как неудачная (но имевшая исторический шанс) попытка ремодернизации.

Ключевые слова: архаическая регенерация; модернизация; ремодернизация; Серебряный век; большевизм; утопия; марксизм.

Россия пережила революцию. Эта революция не дала того, чего от неё ожидали. Положительные приобретения… ещё остаются по меньшей мере проблематичными… Русская гражданственность, омрачаемая многочисленными смертными казнями, необычайным ростом преступности и общим огрубением нравов, пошла положительно назад.

о. С. Булгаков. Героизм и подвижничество.

Буржуя не было, но в нем была потребность…

Максимилиан Волошин

В XX веке событийная и понятийная логика российской истории ломает свой линейный характер – вполне по известному вердикту Н. Бердяева о дискретности российского историко-культурного пути. При рассмотрении семантического и субстанционального аспектов советского периода российской цивилизации мы сталкиваемся с тем, что Л. Гумилев удачно охарактеризовал как «зигзаг истории» – т. е. явление, не могущее однозначно квалифицироваться в понятийных рамках «прогрессивности» или «регрессивности» (и вообще не в рамках линейно-поступательного модуса исторического развития), а представляющее собой некий «горизонтальный протуберанец», «мутацию» исторической эволюции (с тенденцией некоторой «регенеративности» и затем, в нескольких разновременных вариантах, – стремлением к определенной цивилизационно-культурологической «репризности», возвращением – хотя бы декларативному – к исходному «стартовому» состоянию, понимаемому каждый раз по-особенному). Именно такое семантическое значение происходящего констатировал С. Франк [13, с. 135–136], отмечавший, что феномены типа коммунизма или фашизма не могут быть подгоняемы под традиционные определения «правого» и «левого» (т. е. прогрессивного и регрессивного) [12, с. 226–228]: философ даже говорил о «лево-правости» всех тоталитаризмов XX века, подчеркивая, в частности, взаимопереливчатость в данных феноменах худших черт «левизны» и «правизны» (на примере большевизма и черносотенства – т. е. фашизоидности – как «системы сообщающихся сосудов»). При таком положении дел интересующие нас модернизационные и антимодернизационные процессы в описываемое время будут иметь характер настолько неоднолинейный, как ни на одном предшествующем историко-цивилизационном этапе российского исторического бытия.

* **Дмитрий Владимирович Суворов,** канд. культурологии, доцент факультета бизнеса и управления, АНО ВО «Гуманитарный университет», (г. Екатеринбург).

© Д. В. Суворов, 2018

Первый этап советского периода отечественной истории (1917–1929 гг.) может быть назван этапом становления и кристаллизации советской цивилизации. Внутри данного макроэтапа явственно различимы два достаточно резко очерченных временных отрезка, объединенных общим вектором эволюции (становление системы) и общим характером идеологического осмысления и самопрезентации (различные модификации утопической модели «мировой коммунистической революции» в русле своеобразно трактуемых концепций политического и экономического марксизма), но достаточно резко разнящихся между собой в плане как идейно-политическом (каждая конкретная модификация в этом отношении весьма специфична), так и семантическом, смысловом – реальное (не декларативное) содержание каждого из интересующих нас временных отрезков отличалось друг от друга довольно существенно, это относится и к главной проблеме данной статьи – проблеме модернизации.

Первый период (1917–1921 гг.), обычно определяемый в отечественной историографии как период «революции и гражданской войны». Стало уже общим местом квалифицировать советский эксперимент как «утопию у власти». Стопроцентно справедливо это именно по отношению к данному периоду – поскольку именно в это время имела место попытка бескомпромиссной реализации абсолютно утопического проекта, генетически восходящего к средневековым манихейско-хилиастическим теориям «царства Божьего на земле». Все хорошо известные декларации о «мировой революции» как о «мировом пожаре» (причем непременно «в крови»), торжестве всемирного коммунизма по всеобщей уравнительной матрице, прямолинейной ликвидации всех предшествующих форм социального общежития и т. д. – в 1917–1921 гг. были практическим руководством к немедленному действию. В этом – уникальность данного исторического момента в отечественной истории: утопические движения были и раньше, и даже – у власти (маздакиты, гуситы, анабаптисты), но никогда в таких масштабах, с такими глобальными амбициями и с такой безоглядной практикой по внедрению своих абсолютно «виртуальных» (в плане оторванности от реальной жизни) проектов (С. Франк оценивал происходящее как процесс превращения «120 миллионов русских… в подопытных кроликов») [13, с. 139]. Н. Бердяев точно квалифицировал большевизм как гибрид средневекового утопизма, наивного рационализма (вульгарное переосмысление идей Просвещения) и «субъективного произвола», понимаемого как «беспредельный классовый субъективизм» [1, с. 60]. Собственно, вся жестокость большевиков и их союзников в первую очередь проистекает из необходимости, во-первых, радикально сломать все без исключения существовавшие социальные нормы и традиции и, во-вторых, создать поле максимальной нестабильности – в противном случае «мировой пожар» был бы немыслим, уже не говоря о том, что в любой более стабильной обстановке леворадикальный блок не имел ни малейших шансов прийти к власти. «Так как утопизм представляет собой не только намерение навязать социуму ту или иную модель развития, но и вообще идеологический по своей сути, схемотворческий умозрительный подход к органической жизни социальности, он решительно несовместим с… попытками самопостроения человека» [5, с. 23].

Реально главной причиной взрыва стало предсказанное еще маркизом А. де Кюстином «восстание бородатых против бритых» (т. е., противостояние не столько по социальной, сколько по культурологической демаркации). Показательно, что С. Франк (в работе «По ту сторону «правого» и «левого») прямолинейно констатировал – применительно к ситуации 1917 года, – что «дворянская Россия… умерла, и взамен ее созревает и слагается мужицкая Россия» [12, с. 216]. Это, может быть, и некоторое преувеличение (применительно к началу XX века), но как господствующая тенденция для петербургского периода в целом редакция

С. Франка может быть принята за данность. Напомним официальную статистику на *пореформенную* эпоху: крестьян – 85 % населения, дворян – 3 %, все остальные социальные страты – 12 % (в дореформенное время диспропорция была явно еще больше). При таком социальном раскладе культурная лакуна между элитой и основной массой населения (к тому же политически бесправной, существующей в системе социального апартеида) действительно должна была стать мощнейшим деструктивным элементом системы. М. Малиа чрезвычайно точно охарактеризовал обстановку на селе после октябрьских событий 1917 г. как «крестьянскую жакерию» [7, с. 130] – т. е. как чисто повстанческое явление, имеющее мало общего с «марксистскими» (в понимании Ленина) сверхзадачами и установками.

Этот момент накладывал отпечаток и на теоретические и практические действия леворадикалов: фактически они реализовывали не столько марксистские, сколько народническо-нигилистические установки (утопическо-хилиастические фантазмы того времени имеют именно такой генезис). Г. Федотов прямо констатировал наличие в фундаменте ленинизма «упрощённого» вульгаризированного Маркса (цит. по: [2, с. 375]), а позднее Т. Самуэли недвусмысленно заметил: «“Пролетариат” занял место “народа”, и две разновидности мессианизма, русская и марксистская, слились воедино» (цит. по: [10, с. 415]). То есть сам глубинный, смысловой характер ленинизма как феномена имел принципиально иное содержание и иные истоки, нежели те, которые позднее начали в него привычно вкладывать. Отсюда имело место следствие чрезвычайного характера: в глазах правоверных марксистов (и всего сопредельного мира тоже) Ленин и компания были кем угодно, только не наследниками настоящей марксистской традиции – последняя однозначно негативно относится к путчизму (захвату власти меньшинством), ассоциируя его с бланкизмом. Кроме того, у наследников Марксовой теоретической базы вызывало понятное раздражение то, что «Ленин на каждом этапе своей эволюции… перекраивал марксизм таким образом, что последний вступал во всё большее противоречие с собственными формальными догмами, и переиначивал официальную марксистскую логику истории так, чтобы она соответствовала российской отсталости» [7, с. 99].

С точки зрения социально-психологической и духовной, имеет смысл вспомнить следующий отрывок из трудов Ю. Лотмана и Б. Успенского: речь идет о важнейшем водоразделе между древнерусским и западноевропейским культурными мирами, который предстояло преодолеть России: «Основные культурные ценности (идеологические, политические, религиозные) в системе русского средневековья располагаются в двуполюсном ценностном поле, разделенном резкой чертой и лишенном нейтральной аксиологической зоны… Система русского средневековья строилась на подчеркнутой дуальности: промежуточных зон не предусматривалось. В земной жизни поведение могло быть или грешным, или святым; светская власть могла трактоваться как божественная или дьявольская, но никогда – как нейтральная по отношению к этим понятиям. Наличие нейтральной сферы в западном средневековье приводило к тому, что возникала некая субъективная непрерывность между отрицанием сегодняшнего и ожидаемым завтрашним днем… Нейтральная сфера жизни становилась нормой, и высоко семиотизированные сферы верха и низа средневековой культуры вытеснялись в область культурных аномалий. В русской культуре соответствующего периода господствовала иная ценностная ориентация. Дуальность в отсутствие нейтральной аксиологической сферы приводила к тому, что новое мыслилось не как продолжение, а как эсхатологическая смена всего… Изменение протекает как радикальное отталкивание от предыдущего этапа. Новое возникало не из структурно “неиспользованного” резерва, а являлось результатом трансформации старого, так сказать, выворачивания его наизнанку. Отсюда, в свою очередь, повторные смены

могли фактически приводить к *регенерации* архаических форм» [6, с. 4–6]. Сказанное, повторяю, относится к стыку средневековья и Нового времени в русской истории, но ядовитость ситуации заключается в том, что коренящееся в толщах народного подсознания «коллективное бессознательное» постоянно воспроизводило и воспроизводит данную аксиологическую установку на протяжении *всей* последующей российской истории.

Если взглянуть под данным углом зрения на описываемую социокультурную ситуацию, всё происходившее в 1917–1921 гг. есть чуть ли не буквальная иллюстрация к словам Ю. Лотмана и Б. Успенского о «регенерации архаических форм». Весь взятый в целостности феномен «второй Смуты» (так определил происходящее А. Деникин) носил предельно отчетливо выраженный характер взрыва архаики, отката в некую духовную реальность «нового средневековья» (Н. Бердяев), «возврата к варварству» (выражение из Нобелевской лекции А. Солженицына), «нашествию внутреннего варвара» (С. Франк), лучше всего опять-таки понимаемого в свете известной теории К. Юнга о «коллективном бессознательном». Причин такого отката несколько: и преобладание во всех враждующих группировках крестьянства – социального слоя, в наибольшей степени сохранившего домодернизационные элементы в своем менталитете, и симптомы посттравматического синдрома чуть ли не у большинства населения страны, прошедшего через горнило Первой мировой войны, и, конечно, описанные Ю. Лотманом и Б. Успенским культурологические предпосылки российской цивилизации к реархаизации.

Во многом объясняет характер и результаты происходящего классификация культурных пластов российского общества, приведенная В. Ильиным, А. Панариным и А. Ахиезером. Ученые считают, что «анализ истории России позволяет выделить пласты культуры, отличающиеся векторами конструктивной напряженности, их нацеленностью на разный уровень и характер эффективности. Они характеризуются разным уровнем приверженности к крайним формам инверсии, разным уровнем и формой организации человеческих возможностей. Эти пласты – варианты единой культуры, которые в целом содержат исторически накопленное разнообразие программ воспроизводства. В основе каждого из этих пластов лежит представление об общем характере, форме человеческих отношений, что позволяет говорить об их нравственном содержании. Освоение людьми каждого их них означает превращение его в нравственный идеал, т. е. в подлежащий воспроизводству идеал отношений» [4, с. 340]. Авторы выделяют следующие пласты:

- *традиционный* (синкретичный; существует с доисторических времен). «Для него характерен синкретизм, неотличимость результата от деятельности, средств от условий целей, стремление человека раствориться в сложившихся природных и социальных ритмах. В своей основе этот пласт нацелен на сохранение в неизменном состоянии… способности сдерживать дезорганизацию на приемлемом для выживаемости общества уровне… Воспроизводство этого идеала воссоздает систему архаичных догосударственных отношений» [Там же, с. 340–341];
- *соборный*; «связан с определенным ограниченным отступлением от синкретизма… это открывает крайне ограниченные возможности роста примитивных форм рынка. Для этого пласта характерно… стремление к автаркии. Исторически этот идеал может использоваться как нравственная основа для формирования определенных ограниченных форм государственности» [Там же, с. 341];
- *авторитарный*; «однороден с соборным, однако здесь вектор напряженности охватывает государство, большое общество» [Там же]. Структурирует государственность, основанную на патриархальном идеале;
- *утилитарный*; для этого пласта, «имеющего в России многовековую историю, характерно ценностное отношение к миру как набору реальных и потенци-

альных средств… Для утилитаризма характерно медленное наращивание потенциала модернизации, что не исключает возможности обратного движения;

- *либеральный*; «реализуется в условиях господства рыночных отношений. Именно либерализм открывает скрытую тайну мировой истории – истинным и конечным субъектом истории, хозяйственного развития и всего, что имеет место в обществе, является личная творческая инициатива личности… Это на определенном этапе истории превращает развитие в высшую культурную ценность» [4, с. 341–342]. Кроме того, авторы отмечают существование и промежуточных, гибридных форм, возникающих из-за инстинктивного страха в обществе перед дезорганизацией.

Применяя данную классификацию, можно утверждать, что в целом в годы «второй Смуты» (выражение А. Деникина) грандиозный реванш взял даже не соборный (как полагает А. Ахиезер), а именно традиционный пласт. Поэтому срыв в архаизацию – при наличии определенных «флуктуаций», вроде субъективной слабости и ретроспективной самопрезентации власти – был вполне реален, и эта потенция (к сожалению) стала явью: атмосфера всеобщей деструкции реально ведет исключительно к системному откату по всем без исключения пунктам (что «блестяще» и продемонстрировала историческая коллизия тех лет, отбросившая страну, говоря словами Н. Бердяева, в «состояние допетровской Руси» – или, используя известную дихотомию Э. Маркаряна, в «домашинный» этап цивилизации).

С этой позиции не удивительно, что практика всех без исключения комбатантов гражданской войны – вне зависимости от программных заявлений и политических деклараций лидеров – носила отчетливый привкус архаики, начиная с исключительно жестокой манеры воевать (И. Ильин охарактеризовал все происходящее как «узаконивание уголовщины») [3, с. 271] до глубинных, почти подсознательных мотивов поведения и стереотипов действий, ради чего вообще всё сотворяемое и происходит. Причем точное бердяевское определение ситуации как «средневековой» расшифровано философом через следующее выразительное свидетельство: «Новые люди, пришедшие снизу, были чужды традициям русской культуры, лишены всякой культуры и жили *исключительно верой*» (курсив мой. – *Д. С.*) [1, с. 20]. А физическая выбраковка в годы гражданской войны целых сословий и социальных групп России, имевшая место, в частности, во время красного террора, привела к тому, что, по определению Н. Бердяева, «в России появился новый антропологический тип» [Там же, с. 101] – т. е. можно говорить о глубочайших комплексных и даже экзистенциальных изменениях во всех сторонах существования России как цивилизации.

Наиболее точно глубинный (в т. ч. философский) смысл происходящего, на наш взгляд, уловил С. Франк – в уже цитированной работе «По ту сторону “правого” и “левого”». Прежде всего, мыслитель декларирует признание исторической и культурной обусловленности российского Апокалипсиса, его фундаментальные цивилизационные корни (к таковым С. Франк прежде всего относит социально-культурную поляризацию российского социума, духовный кризис института монархии, который, по Франку, был единственно «укреплен корнями в последних религиозных глубинах народной души» [13, с. 213] – «падением великого фетиша» назвал в 1905 г. этот драматичнейший момент российской духовности В. Розанов) [Там же], а также маргинальность нигилизма как главного фактического идейного содержания русской революции – философ справедливо квалифицирует нигилизм как продукт некритического и «типично русского» заимствования «идей, в сущности отрицавших устои западной культуры»; т. е. как результат «догоняющего культурного типа», причем семантически антиевропейский (данный пункт Франк подчеркивает особо, замечая, что русские радикалы даже европей-

ские по генезису идеи «заимствовали… в сущности отрицавшие устои западной культуры») [13, с. 220]. Этот момент в рассуждениях Франка почти дословно повторен и продолжен в наши дни у В. Скоробогацкого: согласно мнению философа, одной из важнейших предпосылок возникновения тоталитаризма в России явился «нигилизм как явление, связанное с установкой на радикальную переоценку ценностей; моментами этой установки являются… имморализация и “разнаучивание” системы классических ценностей культуры и определяемых ими отношений индивида к миру. Итогом ее действия оказывается перевертывание системы ценностей и такое изменение иерархии внутри нее, когда место доминирующей (сверх) ценности занимает… ставший явным дух насилия» [9, с. 40]. В. Скоробогацкий говорит также о «маргинальном индивиде», ищущем выхода в «бегстве из культуры, в беспочвенности, ставшей сознательным принципом его существования» [Там же, с. 41] и о «прорастании» последнего в «тоталитарного индивида» [Там же] как результате подобной психологической операции.

Вывод из вышесказанного у С. Франка звучит следующим образом: «Русская революция по своему внутреннему социально-политическому существу есть болезненный кризис острой демократизации России» [Там же, с. 215]; при этом философ специально оговаривается, что под «демократизацией» он понимает в данном случае не «какие-либо формы правления или государственного устройства» (т. е., общепринятое значение этого слова), а «движение народных масс, руководимое смутным, политически не оформленным, по существу скорее психологически-бытовым идеалом самочинности и самостоятельности» [Там же] (почти полное совпадение с позднейшей квалификацией А. Ахиезера по поводу событий 1917–1921 гг. как взрыве «локализма»!). С. Франк неоднократно подчеркивает иррациональный в своей глубинности характер происходящего (как «смуты» и «победившей пугачевщины») и отмечает хорошо известный историкам факт разрушения «мужицким потопом» не только отживших (помещичье землевладение, монархия) но и вообще *всех* (в том числе вполне жизнеспособных и перспективных) существовавших форм социальной, экономической и культурной жизни [Там же, с. 217]. Кроме того, по словам философа, «в дальнейшем развитии социализма… его генетический корень сказался в характерном для социализма отрицании начала свободы» [Там же, с. 232] – т. е. в отторжении главного философского краеугольного камня европейской культуры. Об этом же впоследствии размышляли позднейшие независимые философы в СССР, оценивая и (используя выражение Ж. Деррида) «деконструируя» всё происшедшее: «Европейская культура построена на идее признания самоценности человеческой личности, ее свободы и достоинства, на жизненном усилии» (В. Смирнов); «глубочайшая ее (личности. – *Д. С.*) ценность заключается в ясном сознании: всё, что происходит в мире, зависит от твоих личных усилий – а значит, ты не можешь жить в мире, где неизвестными остаются источники, откуда к тебе “приходят” события» (М. Мамардашвили) [11, с. 492]. Каково было поле свободы в годы гражданской войны и насколько оно сузилось даже сравнительно с самыми репрессивными годами петербургской эпохи – общеизвестно: более определенной констатации архаического, регрессивного характера происходящего сформулировать трудно.

Очень интересный аспект матрицы архаизации России в результате происходящего дал Г. Плеханов в полемике с Лениным. Поскольку в стране европеизированная прослойка очень тонка, предупреждал Плеханов, единственным результатом «раздувания мирового пожара» станет взаимное уничтожение европейски ориентированных социальных стратов (к последним Плеханов относил, помимо интеллигенции, буржуазию и пролетариат), после чего Россию ожидает неизбежный откат в «Азию» [2, с. 380]. Прогноз Плеханова оказался абсолютно точным:

по словам Алексея Кара-Мурзы, «большевизм принес с собой насильственную азиатизацию России с сопутствующим вырезанием европейских классов» [2].

Применительно к Ленину и возглавляемому им «красному» лагерю можно констатировать не только бессознательные, но – хотя бы частично – и вполне осознаваемые мотивы антимодернизационного отката. Сама марксистская схема деления на «буржуев» и «пролетариев» (предельно далекая от российских реалий, о чем прекрасно знал и даже предупреждал сам Маркс), доведенная Лениным до крайности и последовательно проведенная в жизнь, была, во-первых, не чем иным, как сознательным упрощением социальной системы (что уже само по себе дает мощный антимодернизационный эффект); во-вторых, явственно восходила не только к теориям российских народников XIX в., в частности – к герценовскому идеалу «российского социализма» (на этот момент особо обращал внимание В. Кантор, справедливо считая весь данный феномен «антиевропейским соблазном» – т. е. антимодернизационным), но и (как уже отмечалось выше) к дуалистическим концепциям средневековых ересей (а также отмеченной Ю. Лотманом и Б. Успенским средневековой аксиологической дуальности).

Здесь можно сделать следующую оговорку. Субъективно, на уровне идеалов, Ленин не ощущал себя «антимодернистом». Напротив, в основе ленинской программы – как и у всех революционных партий и движений начала XX века – безусловно, лежал пафос социального обновления (причем настолько мощный, что его энергии хватило на многие десятилетия, и завораживающая притягательность ленинского утопического проекта еще долго будет вдохновлять как массы, так и интеллектуалов, в том числе за пределами СССР). Однако, во-первых, субъективное осмысление Лениным своей историко-культурной роли не может отменить общего фундаментального архаизированного характера всего раннесоветского, «донэповского» феномена; во-вторых, крайне прагматический (на уровне известной иезуитско-нечаевской максимы о примате целей над средствами) стратегический курс Ленина неизбежно диктовал постоянную амбивалентность и мутабельность принципиальных идейных и понятийных основ его теоретического наследия, что опять-таки заставляет присматриваться в первую очередь не декларациям, а к реальным последствиям практической политики Ленина.

Кроме того, говоря о ленинском наследии, мы фактически сталкиваемся с феноменами «химерности» и «гибридности» (в культурологическом смысле слова). Самый мягкий вердикт по данной проблеме дан В. Скоробогацким: «Ленинизм… включал в себя изначально несовместимые элементы: марксизм, революционный демократизм западного (якобинство) и российского (народничество) толка. Их противоречивое соотношение, дававшее внутренний импульс развития ленинизма… но и родовые для революционной демократии черты, обосновываемые с помощью марксистской теории: стремление к диктатуре, ставка на революционное насилие, террор, культ чрезвычайных мер… политический авангардизм, утопизм конечных целей… эгалитаризм и показной аскетизм вождей» [9, с. 40]. Антиевропеизм перечисленных В. Скоробогацким комплексных мер практики ленинизма тем более бросается в глаза, поскольку в своих самых обобщенных чертах они повторяют аналогичные моменты практики всех разновидностей фашизма – тоже сущностно антиевропейского, маргинального и нигилистического феномена.

Второй период (1921–1928 гг.). В интересующем нас аспекте данный период – один из самых интересных и сложных для понимания. На наш взгляд, можно (оставаясь в рамках рассматриваемого вектора по проблеме модернизации) выделить следующие аспекты.

Во-первых, главное и основное – полный и тотальный крах утопических упований на мировую революцию (т. е. провал основной и кардинальной посылки, во

имя которой всё и затевалось). Ведь в теоретическом наследии Маркса даже намеком не озвучено что-нибудь вроде идеи о «мирном сосуществовании стран с различным социально-политическим строем» (официоз эпохи позднего коммунизма): заявка была абсолютно однозначная: или победа в мировом масштабе (буквально – в масштабе земного шара), или неминуемый и скорый крах! Не меньший крах потерпела и попытка наладить жизнь на основе политики диктатуры и «военного коммунизма». С этой позиции можно констатировать: тактическая победа большевиков и их союзников в гражданской войне стратегически была полной катастрофой, да и тактически несомненна победа только над белым движением – над «зелеными» она более чем сомнительна, поскольку сам НЭП как «генеральное отступление» был мотивирован именно опасностью «мелкобуржуазной контрреволюции, которая страшнее Колчака, Деникина и Юденича, вместе взятых» (известные слова Ленина: под «мелкобуржуазной контрреволюцией» вождь явственно подразумевал нарастающее крестьянское сопротивление утопии в масштабах совершенно гомерических)[1]. На уровне международном сложившиеся положение неумолимо приводило к превращению Советской России в страну-изгоя; на уровне внутриполитическом – грозило крахом режима; на уровне внутрипартийном де-факто приводило к элементам раскола, что – учитывая фундаментальные характеристики ВКП(б) как «партии нового типа» (т. е. как партии принципиально непарламентской, военизированной, созданной по иезуитско-бланкистской матрице), было смертельно опасно.

С этого ракурса рассмотрения все те меры, которые были на практике предложены и предприняты (НЭП), выходят за рамки пресловутого «тактического отступления» именно в силу своей комплексности. Перед нами не что иное, как попытка (и небезуспешная) стыдливо прикрытой ремодернизации – определенного возвращения к элементам и реалиям той российской цивилизации начала XX («Серебряного») века, которая к тому времени была фактически убита в результате жесточайших насильственных действий 1917–1920 гг. В силу последнего фактора НЭП не мог стать копией предвоенной России, но бросается в глаза невероятная живучесть довоенных и дореволюционных феноменов – после всего того, что совершилось. Объяснение этому только одно: модернизационные элементы российского бытия благодаря деятельности реформаторов «последней волны» (т. е. рубежа веков) успели укрепиться и прижиться на отечественной почве настолько, что их не смогли выжечь даже все ужасы и эксцессы братоубийственной междоусобицы.

Но отсюда со всей непреложностью следуют вполне определенные выводы. Чем более подобная ремодернизированная система стала бы укрепляться, тем скорее в глазах всего населения страны все социально-политические элементы, восходящие к октябрьскому утопическому проекту, становились бы ненужным и раздражающим анахронизмом. Фактически в стране складывалось своеобразное «двоевластие»: экономика развивалась в рамках нормальных рыночных реалий, политически же господствующие (и внеконкурентные) позиции занимала партия, стоявшая на предельно антирыночной (и антимодернизационной) платформе. Долго такое положение, естественно, сохраняться не могло: подобный симбиоз (или химера?) может продлиться несколько десятилетий, но при любых обстоятельствах в конце концов трансформируется в какую-то иную реальность – или самоуничтожится (югославская матрица происходящего!). Драматизма (для коммунистов) добавляло и то, что, с точки зрения ортодоксальных марксистов, бытие определяет сознание – т. е. экономический базис должен определять политиче-

[1] По данным А. Солженицына и А. Бернштама, к 1920 г. до 85 % губерний тогдашней России, свободных от белых, были объявлены на военном положении – шла война с собственным крестьянством.

скую надстройку (а поскольку базис откровенно «капиталистический», то судьба «надстройки» представлялась весьма незавидной!). И действительно, вполне реальной альтернативой тому, что произойдет на практике, могло стать структурирование в СССР развитых и современных для того времени форм экономической и социальной жизни с постепенным демонтажем элементов утопии. В. Скоробогацкий прямо называет НЭП «переходом границы» [9, с. 40] ленинизма – т. е. сущностным выходом за допустимые (для большевиков) политические и феноменальные пределы, а А. Нещадин и Н. Горин квалифицируют НЭП как «идейное поражение ленинизма» [8, с. 187]. Конечно, антимодернизационный ресурс в стране также был – как в лице фанатичных последователей утопии, так и в силу вышеописанных ментальных особенностей россиян; на этом и сыграют впоследствии политические могильщики НЭПа. И тем не менее, историческая альтернатива тоталитаризму в 1921–1928 гг., безусловно, была; показательно, что даже в рядах ВКП (б) существовали тенденции к эволюции в данную сторону (программа Н. Бухарина от 1925 г. о развития НЭПа, почти в деталях базирующаяся на идеях П. Столыпина о «сильных хозяевах»).

Во-вторых, в эпоху НЭПа не в меньшей степени, чем экономические, проявляют себя и культурные факторы, также прямо отсылающие нас в эпоху «позднеромановской» модернизации (конкретно – в Серебряный век). Суть в том, что в 20-х гг. в духовной и художественной культуре СССР происходят процессы, которые были точно определены В. Рутминским как «Постсеребряный век» – т. е. как прямое продолжение и развитие определенных тенденций и феноменов культуры предшествующей эпохи, причем культуры самой что ни на есть «модернизированной», наиболее «европейской» по сущности. Прежде всего это касается многих форм художественного модерна и авангарда (футуристическая линия Серебряного века), которые переживают в описываемое время своего рода второе рождение (в живописи, архитектуре, скульптуре, поэзии, музыке, театре). Идеологически это осмыслялось самими художниками через символ революции как обновления, через эстетизированный образ всеобщей социокультурной трансформации («моя революция», по Маяковскому). Общеизвестно, что 20-е гг. – это время расцвета множества литературно-художественных группировок, носивших в большинстве своем откровенно авангардный характер (даже возглавлявшаяся акмеистом О. Мандельштамом группировка носила типично футуристическое название «ХЛАМ»[2]). Принципиально также то, что всё происходящее не носило характера только продолжения эстетических установок Серебряного века – напротив, в эти годы закладываются основы для самостоятельного творческого развития многих художественных тенденций в разных видах искусства; достаточно вспомнить, например, что все наиболее значительные отечественные классики музыкальной культуры советской эпохи (такие, как Д. Шостакович, А. Хачатурян, И. Дунаевский) дебютировали в описываемое время. Случайным такое совпадение фактов быть не может по определению: ясно, что такой всплеск культурной деятельности не мог бы состояться, не будь в тогдашнем социуме определенных ресурсов свободы и определенных либеральных тенденций. И этот момент также явственно указывает на возможный вектор развития страны в сторону углубления и укрепления модернизационных процессов.

В-третьих, однако, в эволюции российского социума в интересующее нас время действовали и противоположные тенденции, которые и привели ситуацию именно к той «бифуркации», которая реально произошла на рубеже 20–30-х гг. И дело не только в том, что у власти продолжали оставаться ультралевые радикалы; и даже не только в том, что все 20-е гг. не переставала работать репрессивная

[2] «Художники, Литераторы, Артисты, Музыканты».

машина (именно в эти годы структурируется ГУЛАГ). Главное – в том, что за годы жесточайшей внутрипартийной борьбы за власть (составившей главное внутриполитическое содержание всего описываемого периода) окончательно сложились основные элементы будущей «классической» тоталитарной системы, которая станет основой и содержанием всего последующего исторического этапа, в частности «партократия» (выражение А. Автрханова) и «идеократия» (выражение Н. Бердяева). То есть за «нэповские» годы во властной элите окончательно структурируется хорошо оформленная система, выросшая и осознавшая себя в годы «военного коммунизма». По М. Малиа, «военный коммунизм… был тем решающим эпизодом истории, который открыл большевикам, кто же они такие на самом деле» [7, с. 140]. Не случайно проводимая с 1928 г. политика свертывания НЭПа получила официальное название СЭП («старая экономическая политика», старая по отношению к НЭП – т. е. «военный коммунизм»).

К тому же, по мнению Ильина – Панарина – Ахиезера, «в страновой модернизации нельзя апеллировать к плебсу. Но раз поставившие на париев большевики ни в ком уже не в состоянии искать и находить поддержки. Никаких правильных соотношений с мелким производителем… установиться не могло… Не эффективная гетерогенная либеральная экономика, а эффективная гомогенная политическая репрессия стала рычагом поддержания целостности общества» [4, с. 110]. Последнее, по В. Скоробогацкому, было детерминировано целым рядом общекультурных моментов: вышеупомянутой «раскрепощенной в годы гражданской войны стихией нигилизма и маргинализма, коллапсом традиционной культуры, инерцией «революционного идеализма». Если практика НЭПа была воплощением политического и экономического реализма (и поэтому направлена в будущее), то поворот к СЭП являлся откровенно регрессивной реакцией на «неудобную» реальность – коллективное бессознательное «внутреннего варвара» в сочетании с беспочвенностью восторжествовавшего нигилизма в очередной раз в нашей истории вызвало к жизни «архаическую регенерацию».

Всё вышесказанное и позволило – с полным пренебрежением к классической марксистской максиме – «попрать сознанием бытие» и осуществить демонтаж НЭПа с последующим структурированием классической тоталитарной модели – т. е. с «приведением масс в состояние автотеррора» [Там же, с. 110].

Литература

1. Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. – М. : Наука, 1990.

2. Западники и националисты: возможен ли диалог? / сост. А. Трапкова. – М. : ОГИ, 2003.

3. Ильин И. А. Собр. соч. : в 10 т. – Т. 2, кн. 1. – М. : Русская книга, 1993.

4. Ильин В., Панарин А., Ахиезер А. Реформы и контрреформы в России : циклы модернизационного процесса. – М. : Изд-во МГУ, 1996.

5. Киселёв Г. С. Человек. Культура. Цивилизация на пороге III тысячелетия. – М. : Восточная лит. РАН, 1999.

6. Лотман Ю. Успенский Б. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) // Труды по русской и славянской филологии. – Тарту, 1977. – Т. XXVIII (Литературоведение).

7. Малиа М. Советская трагедия. – М. : РОССПЭН, 2002.

8. Нещадин А., Горин Н. Судьба России в современной цивилизации. – М. : Агентство «Инфомарт», 2003.

9. Разум власти прирастает наукой. Интеллектуальный портрет ведущих ученых Уральской академии государственной службы. – Екатеринбург : Изд-во Урал. акад. гос. службы, 2001.

10. Самуэли Т. Интеллигенция и революция // Новый колокол : литературно-публицистический сборник / ред. Н. Белинкова. – М. : Весть-ВИМО, 1994.

11. Философия не кончается… : Из истории отечественной философии. XX век, 1960–80 годы. – М. : РОССПЭН, 1999.
12. Франк С. По ту сторону «правого» и «левого» // Новый мир. – 1990. – № 4.
13. Франк С. Русское мировоззрение. – СПб. : Наука, 1996.

Dmitriy Vladimirovich Suvorov,
Candidate of Culturology, Associate Professor at Business
and Management Department,
Liberal Arts University – University for Humanities
(Ekaterinburg)

The Establishment of the Soviet Model of Civilization in the Light of the Problems of Modernization

In the article, the author considers the events of 1917–1929 in the light of modernization problems. Analyzing the events of that time and philosophical reflections on this topic, the author comes to conclusions concerning the archaic, anti-modernization nature of the incident –in spite of the well-known declarations of the triumph of Bolshevism. The period of "new economic policy" is treated as an unsuccessful (though having a historical chance) attempt of remodernisation.
Key words: archaic regeneration; modernization; remodernization; Silver age; Bolshevism; utopia; Marxism.

УДК 159.923.3:338.48

И. В. Неуймина*, О. С. Поршнева**

Толерантность как качество личности и ее роль в реализации задач event-сервиса

Статья посвящена рассмотрению толерантности как качества личности, востребованного в процессах современной сервисной деятельности и ее разновидности – event-сервиса. Авторы анализируют научные подходы к понятию толерантности, обосновывают понимание данного феномена, адекватное задачам сервисной деятельности. Показана специфика event-сервиса как одного из современных видов сервисной деятельности, определяющая требования к ее участникам. Обосновано, что способность к сотрудничеству, культурная компетентность, эмпатия, терпимость к различиям, принятие Другого являются ключевыми характеристиками участника сервисной деятельности. Данные подходы являются составляющими элементами event-менеджмента, от которых зависит успешность организации и проведения любого мероприятия.

Ключевые слова: толерантность; сервисная деятельность; event-сервис; event-менеджмент.

Необходимым условием эффективности современных коммуникаций является такое качество участников процессов социальных взаимодействий, как толерантность. Актуальность исследования роли толерантности в процессе социальных коммуникаций определяется недостаточной изученностью самого феномена толерантности, механизмов ее формирования и поддержания в условиях трансформации глобализирующихся человеческих сообществ.

В разных языках в зависимости от исторического опыта и культурных особенностей народов содержание понятия толерантности имеет различные смысловые оттенки: в английском языке толерантность – это «готовность и способность без протеста воспринимать личность или вещь»; во французском – «уважение свободы другого, его образа мысли, поведения, политических и религиозных взглядов»; в китайском быть толерантным значит «позволять, допускать, проявлять великодушие в отношении других»; в арабском толерантность – это «прощение, снисхождение, мягкость, снисходительность, сострадание, благосклонность, терпение... расположенность к другим»; в персидском – «терпение, терпимость, выносливость» [7, с. 145–146].

В русском языке для обозначения понятия традиционно использовалось слово «терпимость». В. Даль в «Толковом словаре живого великорусского языка» дает следующую трактовку лежащего в основе понятия «терпимость» глагола «терпеть»: «терпеть – выносить, переносить, сносить, нуждаться, страдать, крепиться, мужаться, держаться, стоять не изнемогая, не унывая; ожидать, выжидать чего-то лучшего, надеяться, быть кротким, смиряться, снисходить, допускать, послаблять, потакать, поноравливать, давать повадку; не спешить, не торопить, не гнать, сноравливать» [4].

Из данных дефиниций можно заключить, что существуют некоторые национальные и культурные различия в определении понятия «толерантность».

Одна из трудностей в изучении толерантности состоит в том, что среди исследователей отсутствует единство в понимании сущности этого феномена. Можно

* **Ирина Васильевна Неуймина,** ст. преподаватель, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург).

** **Ольга Сергеевна Поршнева,** д-р ист. наук, профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург).

E-mail: porshneva@yandex.ru

© И. В. Неуймина, О. С. Поршнева, 2018

выделить ряд подходов в его трактовке: политический, историко-философский, социально-психологический, индивидуально-психологический, биологический, социологический, математический и др.

Понятие «толерантность» в биологии и в медицине связывалось с адаптационными процессами организма. В этом случае оно определяется как реакция организма на окружающую среду, способствующая сохранению гомеостаза. Медицинский аспект трактовки понятия в значительной мере может быть спроецирован на культурологическое его содержание, близкое к этнической или межкультурной толерантности. Например, способность человека безболезненно переносить инокультурную среду («неблагоприятное воздействие») с минимальным переживанием культурного шока или способность преодолевать его («выработка антител») является показателем толерантности.

В математике толерантность связывают с эквивалентностью, определяющейся посредством логических операций, связанных с рефлексивностью и симметричностью [3].

Политологи рассматривают толерантность в первую очередь как одну из ключевых демократических норм и ценностей, таких как свобода слова, СМИ, собраний, религий, прав оппозиционных партий и т. п., без которых невозможна реализация основных прав человека. Исследователи характеризуют данное понятие такими показателями, как «компромиссное поведение и соответствующий ему стиль мышления», допуск деятельности оппозиции в конституционных рамках [Там же].

Историко-философское осмысление данного явления показывает его универсальность и противоречивость. Кроме того, можно отметить, что в работах обсуждается вопрос о границах толерантности, тех пределах, вне которых она превращается в свою противоположность и становится интолерантностью [Там же].

В. А. Петрицкий считает, что толерантность есть терпимость субъекта по отношению к другому субъекту, несмотря на возможную первоначально негативную оценку; признание права на существование иных вкусов, поступков, стиля поведения, образа мыслей, отличных от моих, и, шире, – иной культуры; внутренне осознанная терпимость, основанная на нравственно-понимающем сопереживании [10].

В. А. Лекторский, анализируя толерантность и рассматривая возможные способы ее понимания, трактует ее как расширение собственного опыта посредством критического диалога. Данное понимание толерантности демонстрирует, что на деле каждая культура, или ценностная, познавательная система, не только вступает в борьбу с другой системой, но и пытается учитывать ее опыт, расширяя тем самым свой собственный [6]. Такое понимание толерантности, на наш взгляд, весьма перспективно.

По мнению Р. Р. Валитовой, феноменологической основой теории толерантности является отношение «Я» – «Другой», реализующееся в диалогическом общении. Специфика феноменологического аспекта теории толерантности состоит в том, что объектом теории оказывается сам исследуемый феномен, т. е. толерантность как определенное качество личности, выражающееся в определенном поведении в отношении «другого». Р. Р. Валитова характеризует толерантное отношение к Другому, как к свободной, равнодостойной личности. Оно состоит в добровольном и сознательном подавлении чувства неприятия, вызванного определенными свойствами Другого, как внешними (расовые, национальные особенности), так и внутренними (исповедуемая религия, чтимые традиции, нравственные предпочтения), в настроенности на диалог и понимание Другого, отказе от привилегии первого лица, признании и уважении его права на отличие [3].

В психологической литературе рассматриваются проявления толерантности, ее показатели. Авторы трактуют толерантность как готовность и способность че-

ловека жить и конструктивно действовать в многообразном мире. Так, А. Г. Асмолов и Г. У. Солдатова видят ее проявления как уважение и признание равенства, отказ от доминирования и насилия, признание многомерности и многообразия человеческой культуры, норм, верований, отказ от сведения этого многообразия к единообразию или к преобладанию какой-то одной точки зрения. По мнению А. Г. Асмолова, термин «толерантность» выражает три пересекающихся значения: 1) устойчивость, выносливость; 2) терпимость; 3) допуск, допустимое отклонение [1, с. 8].

В ряде научных трудов понятие толерантности соотносится с установкой, т. е. с готовностью, предрасположенностью определенным образом воспринять, понять, осмыслить объект или действовать по отношению к нему [1]. В данном контексте понимание толерантности связано с истолкованием личностных свойств индивида. С одной стороны, это константное и чуть ли не врожденное качество, обусловленное жесткими психологическими конструктами, с другой – поддающееся психологической коррекции посредством изменения установок. Иными словами, толерантность как личностное свойство определяет отношение человека к другим людям (например, положительное или отрицательное).

В социологии возможность рассматривать толерантность/интолерантность как социальный феномен связывается с методологическими основаниями теории социального действия. Как действие определяется социологами и само понятие «толерантность» – готовность принять «других» такими, какие они есть, и взаимодействовать с ними на основе понимания и согласия. Социологическое исследование толерантности обнаруживает взаимосвязь этого феномена с условиями ситуации (объективная реальность) и субъективными факторами (субъективная реальность), а также его атрибутивную принадлежность всем компонентам системы социального действия, включающего такие подсистемы, как личность (деятель, актор), ситуация действия, сами акты социального действия или взаимодействия. Понимание толерантности в контексте теории социального действия опирается на представление о том, что это свойство принадлежит всем элементам его структуры: потребностям, интересам, находит свое воплощение в идеях (как проекте движения к удовлетворению потребностей), мотивах (т. е. потребностях, содержательно обогащенных смыслом) и целях [7].

Детальный анализ различных подходов к определению понятия «толерантность» выявляет не только разногласия авторов относительно природы толерантности, ее свойств, личностных репрезентаций, но и высвечивает несколько нерешенных проблем. Во-первых, недостаточно обоснована внутренняя структура толерантности, которая включает в себя, по мнению авторов, различные элементы (терпение, сдерживание, пассивность и т. д.). Во-вторых, в проанализированных работах, на наш взгляд, нет четкой границы между целями и функциями толерантности как социального и психологического явления. В третьих, данное понятие недостаточно используется специалистами на практике, в частности в управленческой и профессиональной деятельности, в сфере социальных коммуникаций. Понятие толерантности, его содержание и практическое применение должны быть, на наш взгляд, более четко обоснованы. В четвертых, понятие «толерантность» очень близко к понятию доверия, иногда некоторые исследователи говорят о сближении и проникновении содержания этих понятий. Доверие и недоверие как одна из нравственных и духовных проблем человечества была всегда актуальна и по-разному решалась в разные исторические периоды. По результатам исследования уровня межличностного и межнационального доверия и недоверия россиян различных регионов, была выявлена четкая иерархия уровней доверия: от максимального доверия членам семьи, ближайшим родственникам и друзьям (ближайший круг), к меньшему – коллегам по работе и соседям (близкий круг),

людям своей национальности (виртуально близкий круг), представителям других национальностей (дальний круг). Уровень обобщенного доверия занимает промежуточное положение между уровнем межличностного и внутриэтнического доверия, с одной стороны, и уровнем межэтнического доверия – с другой [8].

Толерантность является нравственной категорией, поскольку предполагает целый ряд признаков, представляющих качества духовной культуры личности: способность осознавать принадлежность к своей национальной культуре и понимать чужую культуру; осуществлять нравственный выбор; уметь поставить себя на место другого; быть отзывчивым; избегать жестких категоризаций, стереотипов и суждений, препятствующих межкультурному диалогу.

Формирование толерантности приобретает особое значение в системе современных социальных и профессиональных коммуникаций, выходящих за национальные рамки. Толерантное поведение является необходимым условием управления процессами современной экономики, имеющей все более ярко выраженный сервисный характер. Характерной чертой современной сервисной деятельности является не просто предоставление услуг, но удовлетворение расширяющихся социальных и духовных потребностей людей, включая эмоциональные.

Какие проявления толерантного поведения в наибольшей степени востребованы в процессах event-сервиса? Почему без формирования толерантности как качества участника сервисной деятельности невозможны проектирование и реализация успешного мероприятия? Для ответа на эти вопросы необходимо обратиться к характеристике специфики event-сервиса как одного из современных видов сервисной деятельности.

В настоящее время event'ы, или специально подготовленные и проведенные мероприятия, приобретают все большее значение в качестве инструмента воздействия на целевые аудитории. Ивент-менеджмент в своей концептуальной идеологии предполагает ориентацию организуемых мероприятий на эмоциональное восприятие аудитории, позитивное освещение в СМИ и отклик со стороны социальных групп. Превращение стандартных мероприятий в исключительные и неповторимые события составляет основу event-менеджмента. Проведение таких событий должно учитывать, что они неповторимы по своей сути, рискованны и требуют высокой степени ответственности. Event-менеджмент включает в себя действия от постановки цели и увязывания ее со стратегическими задачами, оперативным планированием до проведения мероприятий в заранее определенных пространственно-временных рамках.

В центре event-менеджмента находится целевая аудитория проектируемого события и заказчики проведения данного мероприятия. Каждое событие создается с конкретной целью, а сам процесс создания мероприятия является прикладной областью менеджмента, которая включает в себя управление планированием, проведением и профессиональной реализацией специальных мероприятий, к которым, например, можно отнести фестивали, государственные праздники, спортивные соревнования и т. п. Кроме того, к сфере событийного менеджмента относят бизнес-мероприятия, встречи, выставки, конференции, форумы, саммиты, а также частные мероприятия, например свадьбы, юбилеи и т. п.

Таким образом, сущность событийного менеджмента проявляется в управлении организацией специальных мероприятий. В этой связи отправной точкой event-менеджмента выступает определение характера события, повода для проведения мероприятия, в соответствии с которыми формируются цель и задачи организации события.

В зависимости от характера мероприятия, можно выделить следующие типы событий:

- социально-ориентированные: спортивные мероприятия и соревнования, праздники, пропаганда, массовые гуляния, музыкальные выступления, концерты;
- деловые: семинары, выставки, конференции;
- благотворительные: мероприятия по сбору средств, открытие фондов;
- особо значимые: годовщины, церемонии, поздравления, открытия социальных объектов, торжества;
- рекламные и маркетинговые: акции, распродажи, открытие новых торговых точек и т. п. Следует отметить, что одно событие может по своему характеру относиться к двум типам, как например, организация праздника, посвященного годовщине основания города.

Развитие событийного менеджмента как явления современной экономики и социальных коммуникаций обусловлено, в первую очередь, тем, что организация и управление проведением любого мероприятия требует значительных интеллектуальных и материальных затрат, а также времени.

Поэтому вопросы эффективного управления в событийной сфере обусловили развитие ивент-менеджмента, к которому относят: определение конечных целей события, формирование совокупности задач, достижение желаемого общественного резонанса в результате его организации. В настоящее время событийный менеджмент представляет собой также один из эффективных PR-инструментов, применение которого предполагает получение определенного эффекта в плане влияния на потребности и интересы общественных групп.

Сфера ивент-менеджмента не распространяется на случайные, спонтанные или внезапные мероприятия. Таким образом, событийный менеджмент включает в себя все действия и меры, которые предусматриваются при планировании, организации, контроле и управлении проектом или событием, с тем чтобы проводимое мероприятие стало исключительным. Это достигается не только за счет оригинальности идеи, но и за счет донесения ее до целевой аудитории, а также способа ее подачи и представления. По своему содержанию событийный менеджмент представляет собой комплексную программу управления проектом реализации конкретного мероприятия. В соответствии с концепцией управления проектами, как и любой проект, любое событие, относящееся к сфере событийного менеджмента, имеет свое начало и логичное завершение [9].

При разработке мероприятия, его концепции работники данной сферы должны проявить культурную и социально-психологическую компетентность, т. е. понимание ценностных установок, психологической и социальной идентичности целевой аудитории, заказчиков, всех участников event'а. Получение эмоционального отклика как важнейшей цели любого мероприятия предполагает способность вжиться во внутренний мир его потенциальных участников, эмпатию, терпимость к различиям по сравнению с собственной идентичностью, их принятие. Необходимый эмоциональный отклик у целевой аудитории можно получить за счет учета при проектировании ментальных установок ее представителей, воздействия на эмоционально окрашенные представления, чувства людей, использования в процессе разработки и проведения мероприятия действенных образов и символов.

В ходе подготовки мероприятия менеджер, как правило, взаимодействует с представителями разных бизнес-, социальных, культурных, этнических групп и сообществ. Эффективное вовлечение и использование их ресурсов предполагает толерантное отношение к социальным и этнокультурным особенностям, способность к конструктивному сотрудничеству. Подготовка события в целом ряде случаев (когда речь идет о разнообразных формах международных мероприятий или event'ов, происходящих в смешанной культурно-этнической среде) предполагает соблюдение норм делового этикета и традиций не только своей национальной

культуры, но и иной культуры, требований кросскультурного и международного менеджмента.

«Капитализация» результатов event'а, размещение информации о нем в СМИ, осуществление PR-акций предполагает создание корректных, не противоречащих принципам толерантного восприятия и не порождающих конфликтов культурных смыслов, зафиксированных в текстах, арт-продуктах.

Таким образом, различные элементы процессов ивент-сервиса требуют от его участников соблюдения принципов толерантности, понимаемой как терпимость к социальным и этнокультурным различиям, использование знаний в сфере кросскультурной коммуникации, эмпатии. Сфера event-сервиса, таким образом, становится площадкой, в рамках которой вырабатываются качества личности, способной эффективно, без конфликтов коммуницировать в сложной, пестрой в социальном и культурно-этническом отношении среде.

Большое значение имеет категория доверия, входящая в феномен терпимости. Доверие, как качество личности, востребовано при организации любого мероприятия, проявляется в уважении к партнерам, потребителям, персоналу. В современном мире остроактуален вопрос доверия и принятия другого человека, особенно в многокультурной среде.

Проводя и организовывая любое мероприятие, необходимо знать, на какую целевую аудиторию оно рассчитано, и, исходя из этого знания, планировать содержание мероприятия. На наш взгляд, в условиях быстро меняющейся культурной и социальной среды эти знания и такое качество личности, как терпимость, необходимо развивать у персонала, который участвует в организации и проведении мероприятий.

В процессах event-сервиса важно принятие мнения партнера и заказчика, умение приходить к согласованному пониманию концепции мероприятия; при его организации и проведении учитывать пожелания и возможности заказчика и потребителя; уметь быстро принимать решения в меняющейся культурной среде; формировать у персонала качества, позволяющие решать коммуникационные и организационные задачи.

Литература

1. Асмолов А. Г., Солдатова Г. У. О смыслах понятия «толерантность» // Век толерантности : науч.-публ. вестн. – 2001. – № 1. – С. 8–18.

2. Бардиер Г. Л. Социальная психология толерантности. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005.

3. Валитова Р. Р. Толерантность: порок или добродетель? // Вестник Московского ун-та. Сер. 7 : Философия. – 1996. – № 1. – С. 33–37.

4. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. – М. : Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1955. – Т. 4. – С. 402.

5. Лебедева Н. М. Теоретико-методологические основы исследования этнической идентификации и толерантности в поликультурных регионах России и СНГ // Идентичность и толерантность / под ред. Н. М. Лебедевой. – М. : Изд-во Ин-та этнологии и антропологии РАН, 2002. – 105 с.

6. Лекторский В. А. О толерантности // Философские науки. – 1997. – № 3, 4. – С. 14–18.

7. Мацковский М. С. Толерантность как объект социологического исследования // Межкультурный диалог: исследования и практика / под ред. Г. У. Солдатовой, Т. Ю. Прокофьевой, Т. Л. Лютой. – М. : Центр СМИ МГУ им. М. В. Ломоносова, 2004. – С. 143–148.

8. Мукомель В. И., Рыжова С. В. Доверие и недоверие в межнациональных отношениях // Социологические исследования. – 2017. – № 1. – С. 37–46.

9. Нестеров А. К. Ивент-менеджмент // Образовательная энциклопедия ODiplom.ru. – URL: http://odiplom.ru/lab/ivent-menedzhment.html (дата обращения: 06.06.2018).

10. Петрицкий В. А. Толерантность – универсальный этический принцип // Известия Санкт-Петербургской лесотехнической академии. – СПб., 1993. – С. 139–151.

Irena Vasil'evna Neuimina,
Senior lecturer, the Ural Federal University
named after the First President of Russia B. N. Yeltsin
(Ekaterinburg)
Olga Sergeyevna Porshneva,
Doctor of History, Professor, the Ural Federal University
named after the First President of Russia B. N. Yeltsin
(Ekaterinburg)

Tolerance as a Quality of Personality and Its Role in the Implementation of Task Event

The article focuses on the tolerance considering it as a personality quality relevant to the needs of modern service activities and processes, especially to event-service. The authors analyze scientific approaches to the concept of tolerance; they also substantiate the understanding of this phenomenon matching the tasks of service activities. The article also highlights the specificity of event-service as one of the modern types of service activities, which determine requirements for the participants of service processes. The ability to cooperate, cultural competence, empathy, tolerance for differences, acceptance of the Other proved to be the key characteristics of the service subjects. The use of these approaches constitutes event management, on which the success of the organization of any event depends.
Key words: tolerance; service activity; event-service; event-management.

УДК 124.4:74

И. А. Антонова*

Хендмейд как поиск гармонии в эпоху постмодернизма

Автор исследует современный вид ручного творчества, получивший название «хендмейд». В статье подчеркивается взаимосвязь возрождения ручного труда с тенденциями глобализации. Хендмейд рассматривается автором как своего рода оппозиция негативным последствиям постмодернизма, как один из способов обретения гармонии с самим собой и окружающим миром.

Ключевые слова: хендмейд, ручная работа, материал, вещь, постмодернизм, глобализация.

Дословный перевод неологизма «хендмейд» означает «сделанный вручную». С одной стороны, в хендмейде можно проследить тесную связь с практиками рукоделия и ремесел. С другой стороны, разные культурные слои, которые накладываются на знакомые явления, создают новые феномены.

В современных видах рукоделия возникает новая терминология, чему способствуют тенденции глобализации и использование информационных технологий, где для общения необходимо закрепление единых употребительных единиц. Очень многие термины хендмейда являются заимствованными, например: скрапбукинг, оригами, квиллинг, пэчворк и т. д. «Даже в тех случаях, когда в русском языке есть аналогичная номинация, используется заимствованный термин, например в скрапбукинге для обозначения маленьких гвоздиков, которые крепятся к бумаге, используется номинация “брадс”» [4, с. 156].

Еще один признак, свидетельствующий о трансформации ручного творческого труда в современном мире, – это появление новых материалов. Наряду с популярностью натуральных материалов (имеющих такие характеристики, как экологичность, долговечность и естественность), синтетические аналоги также получают признание. Синтетические материалы, появившиеся сравнительно недавно, открывают перед мастерами новые возможности. Таковыми являются, например, полимерные пластики, заменившие многим мастерам натуральную глину. Далеко не у всех мастеров есть возможность использовать муфельную печь, а полимеры открывают возможность творить без доступа к профессиональному оборудованию. Для запекаемых пластиков достаточно обычного жарочного шкафа, а для самозатвердевающего пластика не требуется никакого оборудования.

Информационные технологии значительно расширили возможность выбора необходимых инструментов и материалов для творчества. Мастера получили возможность заказывать необходимые им бусины, камни или пластик из любой точки земного шара.

Но возникшая популярность хендмейда предопределила и большой поток предложений со стороны массового производства. В магазинах для творчества неискушенному покупателю предлагается большой выбор «заготовок» для творчества, дающего своего рода гарантию успеха. Таким образом, потребность в творчестве способствовала возникновению серийных вещей массового производства, и этот сегмент рынка начинает навязывать человеку определенный стиль жизни. Творческая деятельность, предполагающая создание нового и уникально-

* **Ирина Анатольевна Антонова,** аспирант, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

E-mail: irina.farmart@yandex.ru

© И. А. Антонова, 2018

го, тесно переплетается с развитием массового производства и распространением шаблонного мышления.

Необходимо отметить и существование так называемых «готовых дизайнерских наборов», где деятельность «дизайнера» сведена к тому, чтобы из заранее вырезанных, загрунтованных, а иногда и тщательно подобранных в гармоничной цветовой гамме определенных составляющих собрать некую вещь. Такие наборы оснащены подробной инструкцией, а источником вдохновения здесь может являться любой объект мировой культуры. Но, заимствуя идеи прошлого опыта и создавая на их основе изделия из современных материалов, человек создает не авторскую вещь, а интертекст, «новую ткань, сотканную из старых цитат» [7, с. 186].

Несмотря на противоречия, касающиеся идей и используемых материалов, доля ручного труда, привнесенная в процесс создания вещи, способствует возникновению ауры уникальности и несерийности. Качество создаваемой вещи будет зависеть от мастерства ее создателя. Использование шаблонов из магазина более приемлемо для начинающих авторов; впоследствии, погружаясь в творческую среду, совершенствуя свое творчество, мастер отходит от шаблонного мышления.

Процессы глобализации открыли для человека возможность знакомства с рукодельными практиками других стран. Их «иностранное» происхождение выдают названия, являющиеся, чаще всего, калькой с переводимого языка. Так, «батик» имеет индонезийское происхождение, «скрапбукинг», «пэчворк» – английское, «оригами», «амигуруми», «канзаши» – японское. Таким образом, в хендмейде переплетаются самобытная культура и экзотические ремесленные практики, натуральные и синтетические материалы, индивидуальное творчество и массовое производство.

Необходимо сказать и о способах распространения вещей ручной работы. Хендмейкер Светлана Воинская, занимающаяся изготовлением украшений из натуральных камней, в своей книге «Сотвори и продай! Как превратить хобби в Дело и добиться успеха» подробно описывает возможные стратегии для мастеров. Во-первых, вещи ручной работы являются оригинальными и душевными подарками, потому и некоторые магазины охотно берут их для реализации. Далее, это ярмарки мастеров, которые приобретают все большую популярность. Это могут быть как общие ярмарки, собирающие всех мастеров под одной крышей, так и тематические, посвященные, например, авторским куклам или мишкам Тедди. Следующий популярный ресурс – это сайты, посвященные хендмейду, как российские, так и зарубежные. Многие мастера имеют и собственные сайты, но самой большой популярностью в этом перечне пользуются социальные сети. Это наиболее экономичный и приятный способ для мастера заявить о себе, получить признание и потенциальных клиентов. Светлана приводит множество примеров из жизни мастеров, не имеющих профессионального образования, но добившихся значительных успехов в творческой деятельности, получивших признание как в России, так и за рубежом, что стало возможным благодаря использованию современных информационных технологий.

Популярности вещей ручной работы способствует ряд факторов, и один из них – это противопоставление уникальной вещи предметам серийного производства, которые наполняют дома и создают соответствующее пространство.

Необходимо сказать, что современное жилище человека утрачивает свое экзистенциально-эстетическое значение как прообраз гармонии «Целого». Современный дом – это уже не тихое уютное место среди неспокойного мира. Из укромного места дом превратился в пространство, омываемое потоками информации, интерьер с постоянно обновляемым набором предметов потребления. Создание органичного, теплого и уютного пространства в доме становиться проблематичным, потому что современный человек утрачивает возможность «переживания

особенного (Другого) в сфере повседневности» [3, с. 90]. Но сознательно или подсознательно человек ищет уюта (уют не является синонимом комфорта, потому что уют иррационален, а комфорт рационален, в нем нет жизни, это лишь приятная видимость, лишенная глубины). И одним из таких решений является наполнение жилища человека вещами ручной работы. В этом процессе человек открывает для себя возможность преобразования пространства в соответствии с потребностями своего внутреннего мира, внося в него меру присутствия человека. Преобразовывая таким образом пространство, человек открывает возможности и для конструирования собственной идентичности и уникальности, чему способствуют выходящие за рамки обыденного вещи ручной работы, которыми он себя окружает.

В комфортном, отдекорированном искусственными материалами пространстве дома человеку не хватает укорененности. Ранее эту укорененность в дом привносили старинные вещи, «милые» и «очеловеченные», отсылающие к «завершенной» истории. «Старая вещь близка человеку тем, что являет собой, своим телом Время, в которое вовлечены и вещь, и человек, ее созерцающий» [3, с. 85]. В хендмейде используется замещающая практика по созданию искусственно состаренных вещей, получившая название шебби шик (shabby chic). В холодном и обездушенном мире к человеку приходит понимание, что «уют создается вещами, присутствующими в настоящем, но обращенными в прошлое, откристаллизовавшееся в старых вещах, в их потертостях и трещинках, в их щербинках и оплывших формах» [3, с. 85–86]. Именно эти потертости, трещинки и щербинки являются выразительными средствами в стиле шебби шик. Основателем этого стиля является Рейчел Эшвел, дочь реставратора и букиниста, с малых лет научившаяся понимать особую эстетику старинных вещей. Впоследствии Рейчел назовет свой первый магазин «Shabby chic» – потертый шик, определивший название этого стиля. Через короткое время этот особый шик потертых, но милых сердцу вещей, имитирующих старину, нашел множество поклонников по всему миру. В непредсказуемом мире, где человек часто чувствует себя заброшенным и беспомощным, прошлое, «свершившееся» дарует человеку эмоциональную защиту. Создавая интерьер, отсылающий к прошлому, к таким характеристикам, как надежность, уют и покой, человек словно выстраивает невидимую защиту, ограждающую его от вторжения непредсказуемого бытия. «Старое и старинное, которое окружает нас “у себя дома”, является точным аналогом стен, закрывающих место нашего бытования-проживания от непрошенных вторжений из “открытых всем ветрам пространства”» [3, с. 87].

Большое значение в создании вещей в современном мире имеет реальное прикосновение мастера. Вообще, нынешний человек редко берет в руки вещи, утрачивается тактильный контакт, способствующий «оживлению» мертвой материи, посредством которого вещи «одухотворяются» и приобретают антропоморфные черты. В современном мире тактильные взаимодействия с вещами замещаются мимолетными прикосновениями, потому особую ауру приобретают вещи, несущие отпечаток руки человека. Такая вещь может быть несовершенной, несимметричной. Но эти несовершенства будут подтверждением истинной «уникальности» ее рукотворного происхождения, подчеркнут схожесть внутреннего мира создателя и его творения, станут маркером «очеловеченного».

Через непосредственное участие в создании вещи человек отходит от потребительского отношения к миру. Такая вещь способна вещать о человеке, так как воплощает «невидимый мир» в видимых формах, выражает личностные и индивидуальные начала человека. И «всякая вещь и всякое существо в мире есть нечто большее и иное, чем всё, что мы о нем знаем и за что мы его принимаем, – более того, есть нечто большее и иное, чем всё, что мы когда-либо сможем о нем узнать;

а что оно подлинно есть во всей полноте и глубине – это и остается для нас непостижимым» [6, с. 220].

В эпоху тотального серийного производства личное участие человека в создании вещи создает ей определенный статус. Занимаясь ручной работой, человек получает возможность упрочить в неустойчивом мире свое бытие в материальных вещах, ощутить незыблемость почвы под ногами [2, с. 71]. Это способ осознания экзистенции ближнего бытия, «“новое сотворение мира”, разворачивающееся в границах соприсутствия с Другим» [5, с. 20].

Итак, возрождение ручного труда связано с ценностно-смысловыми трансформациями в эпоху постмодернизма. В современном мире ручной труд перестает быть жизненной необходимостью, но имеет важное онтологическое значение. Вещи ручной работы часто становятся подарком, что раскрывает возможность для выстраивания искренних и доверительных отношений; способствуют развитию творческого потенциала человека; выявляют возможность прочувствовать труд как дар, как безвозмездное служение. Хендмейд открывает для человека возможность заниматься оформлением окрестностей собственного бытия, преодолевая чувства бесприютности и заброшенности; это попытка укоренения в пространстве, воссоздания аналога ограждения в «свершенности-завершенности» искусственно состаренных вещей. Хендмейд – это продолжение человека, это в определенной мере его воплощение. Это возможность осознать экзистенцию собственного бытия, поиск утерянной подлинности вещей и «со-причастности бытию»; новое «сотворение» мира, близкое внутреннему миру создателя, способ гармонизации внутреннего и внешнего пространства человека.

Литература

1. Воинская С. Сотвори и продай! Как превратить хобби в Дело и добиться успеха. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2012. – 256 с.

2. Збинякова Т. В. Эволюция образа вещи в культуре : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.04 / Збинякова Татьяна Викторовна. – СПб., 2000. – 153 с.

3. Лишаев С. А. Феноменология уютного (к эстетической характеристике дома и домашних вещей) // Mixtura verborum`2004: пространство симпозиона : сб. ст. / под общ. ред. С. А. Лишаева. – Самара : Самар. гуманит. акад., 2004. – С. 61–96.

4. Плотникова А. М. Становление терминологии современного рукоделия // Вестник ЧелГУ. – 2013. – № 31 (322). – URL: http://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-terminologii-sovremennogo-rukodeliya (дата обращения: 15.03.2018).

5. Сурова Е. Э., Васильева М. А. Явление handmade: досуговый проект в современной культуре // Обсерватория культуры. – 2015. – № 6. – С. 14–21.

6. Франк С. Л. Непостижимое // Франк С. Л. Сочинения. – М. : АСТ, 2000. – 761 с.

7. Шиньев Е. П. Концепция интертекстуальности в современном гуманитарном знании (культурологический аспект) // Известия ПГУ им. В. Г. Белинского. – 2007. – № 7. – URL: http://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-intertekstualnosti-v-sovremennom-gumanitarnom-znanii-kulturologicheskiy-aspekt (дата обращения: 15.12.2017).

Antonova Irina Anatol'evna
Post-graduate Student, Liberal Arts University –
University for Humanities (Ekaterinburg)

Hand-Made as a Search for Harmony in the Postmodern Era

The author studies a modern kind of handicraft art called "handmade." The article examines the relationship between the revival of handmade and the tendencies of globalization. The contributor treates handmade as an opposition to the negative consequences of postmodernism. Handmade is considered to be one of the ways to find harmony with yourself and the world around you.
Key words: handmade; material; thing; postmodernism; globalization.

НАУЧНЫЕ СОБЫТИЯ

И. С. Огоновская*, С. И. Глушкова**

Размышления о Гражданской войне, проблемах мира и согласия в современном российском обществе (по итогам конференции)

10 июля 2018 г. в Историческом парке «Россия – Моя история. Свердловская область» состоялась Областная научно-практическая педагогическая конференция «Гражданская война в России и проблема мира и согласия в современном российском обществе». Она стала восьмой среди ежегодно проводимых традиционных педагогических конференций, инициированных Уполномоченным по правам человека в Свердловской области, Ассоциацией преподавателей права Свердловской области «Правовое образование – XXI век» и юридическим факультетом Гуманитарного университета. Конференцию поддержали Министерство общего и профессионального образования Свердловской области (далее – СО), Управление архивами СО, Свердловская областная общественная организация «Союз ветеранов». В научных дискуссиях на конференции приняли участие более 70 педагогов, работников архивов и музеев Свердловской области из таких территорий, как гг. Асбест, Екатеринбург, Заречный, Нижний Тагил, Новоуральск, Каменск-Уральский, Ревда, Реж, р. п. Верхние Серги, с. Сосновское Каменского района, а также из городов Челябинск и Златоуст Челябинской области. Наряду с педагогами в конференции приняли участие преподаватели Гуманитарного университета, РГППУ, УрГПУ, УрФУ, а также колледжа железнодорожного транспорта УрГУПС.

2018 год связан с целым рядом значимых исторических дат, и некоторые из них стали предметом обсуждения на пленарном заседании и в работе секций конференции: 100-летие Гражданской войны в России, 100-летие государственной архивной службы России, 100-летие комиссии по делам несовершеннолетних, 130-летие со дня рождения А. С. Макаренко, 75-летие Уральского добровольческого танкового корпуса.

Пленарные доклады Уполномоченного по правам человека в Свердловской области Т. Г. Мерзляковой и доктора политических наук, завкафедрой прав человека Гуманитарного университета С. И. Глушковой были посвящены проблемам мира и согласия в российском обществе. Как отметила Т. Г. Мерзлякова, один из главных уроков, который необходимо вынести из событий 100-летней давности, – это правило диалога: диалога власти с обществом и общества с властью. По ее мнению, медиатором-посредником между властью и обществом должно стать в настоящее время активное гражданское общество, общественные организации, при этом власть не должна воспринимать гражданское общество как конкурента или политическую оппозицию, как противника, а должна помогать и содействовать развитию этой силы.

Профессор С. И. Глушкова проанализировала причины конфронтации в современном российском обществе, включая имущественную, правовую, социальную дифференциацию, неравенство и другие, и предложила целый ряд путей решения наиболее важных проблем: развитие школ примирения и служб медиации в образовательных организациях (школах, колледжах, вузах), распространение опыта по созданию комнат примирения в российских судах, формирование куль-

* **Изабелла Станиславовна Огоновская**, канд. ист. наук, доцент СУНЦ УрФУ, советник министра образования Свердловской области (г. Екатеринбург).

** **Светлана Игоревна Глушкова**, д-р полит. наук, завкафедрой прав человека, директор Центра правового просвещения и прав человека Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

© И. С. Огоновская, С. И. Глушкова, 2018

туры переговоров и культуры мира в обществе (посредством СМИ, основного и дополнительного образования, др.), развитие гражданского общества, государственная поддержка общественных организаций, усиление координационных структур разного уровня по взаимодействию государства и общества (в частности, общественных и экспертных советов при органах государственной власти и органах местного самоуправления), повышение политико-правовой компетентности граждан России, развитие политической и правовой культуры (основанной на уважении человеческого достоинства, запрете рабства, домашнего насилия, пыток, приоритете прав и свобод человека и гражданина) в российском обществе и др.

Начальник управления архивами А. А. Капустин говорил о Гражданской войне как одном из самых трагических событий отечественной истории, призывал педагогов больше работать с архивными документами, вовлекать детей в исследовательскую деятельность, учить их анализировать исторические источники и на основании этого делать аргументированные выводы по тому или иному «трудному» вопросу истории. Доцент УрФУ Л. Я. Баранова в своем докладе подняла проблему ответственности российской интеллигенции за революционные события 1917 г. и последовавшую вслед за ними Гражданскую войну. Как и все предыдущие докладчики, она подчеркнула важность диалога между властью и обществом, необходимость высокой культуры и образования населения как условия гражданского консенсуса по вопросам сохранения государственности, позитивных традиций российского общества.

Кандидат педагогических наук Н. П. Дерягин поднял проблему воспитания детей, апеллируя к опыту А. С. Макаренко, собравшего в 1919 г. в трудовую колонию в Полтаве несовершеннолетних правонарушителей – беспризорничавших детей, многие из которых потеряли родителей в годы Гражданской войны.

Как отметила доцент СУНЦ УрФУ, кандидат исторических наук, председатель Ассоциации преподавателей права Свердловской области И. С. Огоновская, тема Гражданской войны является одной из сложнейших в процессе преподавания/изучения отечественной истории. Борьба за власть внутри страны, вмешательство иностранных государств, невозможность полилога между общественными силами, жесткая экономическая политика Советского правительства, ставшие основными причинами той войны, в определенной мере актуальны для современной России. На уроках истории старшеклассники наиболее часто задают вопросы: почему власть не слушает и не слышит несистемную оппозицию? Почему участники политических шоу, в том числе и представители различных политических партий, так агрессивны по отношению друг к другу? Зачем государство ограничивает деятельность некоммерческих организаций? Для чего стране политические партии, единодушно следующие за «партией большинства»? Почему государство не ограничивает экономическую экспансию западных государств в российскую экономику? С какой целью в нашей стране создаются все необходимые условия для вопиющей социальной дифференциации? Это только часть проблем, которые поднимают обучающиеся во время дискуссий при изучении темы «Гражданская война в России». Следует отметить, что школьники достаточно корректны в своих оценках ситуации в России, не призывают к открытой конфронтации с властью и осознают необходимость консенсуса между государством и обществом во избежание новой гражданской войны.

Секция 1 «Гражданская война в России: причины, последствия, оценки, современный взгляд» была посвящена 100-летию Гражданской войны в России и 100-летию государственной архивной службы России. С докладами в секции выступили 9 человек, и каждое выступление вызывало вопросы педагогов, сопровождалось рекомендациями по использованию предложенного опыта или теоретического материала в образовательном процессе. Тон дискуссии о Гражданской

войне задало выступление доцента РГППУ М. В. Снегирёвой, призвавшей власть и рядовых россиян извлечь уроки из «священной борьбы» с классовыми врагами в годы Гражданской войны. Научный сотрудник музея «Демидов-центр» Е. В. Марченко (г. Ревда) рассказала об установлении Советской власти в Ревдинской волости Екатеринбургского уезда и о трагических судьбах участников Гражданской войны со стороны «красных» и «белых».

Опытом преподавания тем, связанных с российскими революциями и Гражданской войной, поделились учителя истории и обществознания Н. Н. Викторова (Екатеринбург) и П. Ф. Морозов (Екатеринбург). Н. В. Еловских (п. Верхние Серги) рассказала об организации исследовательской работы по родословию, педагог дополнительного образования, руководитель школьного музея А. Л. Самойлова (г. Новоуральск) представила педагогические результаты работы школьного клуба документального кино. Зав. отделом использования и публикации архивных документов Государственного архива административных органов СО (ГААОСО) И. Н. Демаков рассказал о деятельности архива и призвал педагогов к сотрудничеству, представив их вниманию разнообразные архивные документы, которые можно использовать в образовательном процессе. Учитель истории и обществознания, кандидат исторических наук О. С. Уколова (г. Екатеринбург) акцентировала внимание педагогов на потенциальных возможностях современных дидактических ресурсов (учебников, журналов, сайтов и порталов).

Секция 2 «Гражданская война в России и проблемы детства: возможности использования идей и методик А. С. Макаренко в работе с “трудными” детьми» посвящалась 100-летию комиссии по делам несовершеннолетних и 130-летию А. С. Макаренко. С главным докладом в секции выступила доцент УрГПУ Т. С. Дорохова, отметившая важность наследия А. С. Макаренко в подготовке студентов педагогического вуза. Содокладчиками выступили педагог дополнительного образования Ю. В. Лужков (г. Екатеринбург), поднявший проблему волонтерства как средства ресоциализации делинквентных подростков, учитель истории и обществознания А. Н. Привалов (Сосновская школа, Каменский район), говоривший о трудности реализации идей А. С. Макаренко в современной школе, преподаватель СОМЭПК А. С. Огоновская, сравнившая педагогические парадигмы А. С. Макаренко и В. А. Сухомлинского, учитель обществознания Е. В. Шушаричева (г. Заречный), призвавшая педагогическую общественность активнее обращаться к педагогическому наследию А. С. Макаренко. Д-р филос. наук, профессор Л. М. Андрюхина в своем выступлении подчеркнула, что многие идеи педагога Макаренко актуальны, но требуют преломления через призму современных условий окружающей жизни и образования.

Секция 3 «Мы победили!»: Уральский добровольческий танковый корпус в народной памяти» была посвящена 75-летию Уральского добровольческого танкового корпуса. Участники секции высказали целый ряд предложений по использованию фильма и книги «Мы победили!» в образовательном процессе, в частности поддержали идею подготовки методического пособия по работе с книгой.

В заключение конференции перед ее участниками выступила директор Исторического парка «Россия – Моя история. Свердловская область» Н. М. Прошина, призвавшая педагогов и преподавателей образовательных организаций к сотрудничеству, проведению совместных научных и культурных мероприятий.

В целом участники отметили в отзывах динамичный характер конференции, яркие выступления на пленарном заседании и секциях, интересные дискуссии, открытый обмен мнениями и оригинальное обсуждение актуальных проблем, связанных не только с темой конференции, но и с преподаванием гуманитарных дисциплин в образовательных организациях, с взаимодействием с органами государственной власти и местного самоуправления.

Ogonovskaya Isabella Stanislavovna,
Candidate of History, Associate Professor,
SESC (Specialized Educational Scientific Centre) UrFU,
the Special Advisor to the Minister of Basic Education
and Vocational Training of the Sverdlovsk Region (Ekaterinburg)
Glushkova Svetlana Igorevna,
Doctor of Political Sciences, the Head of Human Rights Department,
the Chairman of Centre for education in the law and human rights
at Liberal Arts University (Ekaterinburg)

Contemplations on the Civil War, Problems of Peace and Consensus in the Modern Russian Society (the Follow-up to the Conference)

Требования к оформлению и порядку представления статей в журнал «Вестник Гуманитарного университета»

«Вестник Гуманитарного университета» включен в **Российский индекс научного цитирования** (лицензионный договор № 136-03/2014). Журнал размещается в РИНЦ на сайте Научной электронной библиотеки постатейно **(полные тексты в открытом доступе).**

Журнал принимает к публикации теоретические, научно-методические, научно-практические статьи по следующим наукам:

- **Экономика**
- **Юриспруденция**
- **Философия**

К изданию преимущественно принимаются статьи, ранее нигде не публиковавшиеся. Если статья создана на основе какого-либо научного исследования (диссертации), это необходимо указать в ссылке.

Требования к оформлению материалов

- Текстовый редактор Word 2003–2007, шрифт Times New Roman,
  размер шрифта – 12, межстрочный интервал – 1,5,
  абзацный отступ – 0,7 см;
  поля: сверху, снизу – 2 см, слева, справа – 3 см.
- Объем статьи до 40 000 знаков (с пробелами, включая сноски).
- Ссылки на литературу помещаются в квадратных скобках с указанием номера источника в списке литературы и номера страницы (например, [2, с. 15]), список литературы – в конце статьи.
- Таблицы представляются в формате Word. Таблицы в тексте должны нумероваться и иметь заголовки, размещенные над полем таблицы.
- Иллюстративные материалы принимаются только в черно-белых тонах.
- Статье должен быть присвоен код УДК.

ОБЯЗАТЕЛЬНО УКАЖИТЕ СЛЕДУЮЩИЕ СВЕДЕНИЯ:

- **На русском и английском языках** приводятся:
  - **название статьи;**
  - **сведения об авторах**:
    фамилия, имя, отчество ***полностью;***
    ученая степень, ученое звание, должность;
    место работы – ***полное название организации;***
    контактная информация: адрес электронной почты *(укажите, согласны ли Вы опубликовать его)*, телефон;
  - **аннотация** (150–250 слов);
  - **ключевые слова** (5–6 слов или словосочетаний).

Журнал рецензируемый. Все материалы проверяются на наличие заимствований через систему «Антиплагиат». Текст рукописи должен содержать более 70 % оригинального текста. Автор может представить рецензию на статью специалиста в данной области знания (доктора или кандидата наук), что не исключает дополнительного рецензирования. **Для магистрантов и аспирантов** необходим отзыв-рекомендация научного руководителя или представление профильной кафедры.

Рецензию, рекомендацию или представление необходимо заверить подписью и печатью организации и представить в редакцию (лично либо отсканированный вариант по электронной почте).

Авторы статей несут ответственность за точность приведенных фактов, статистических данных, собственных имен и прочих сведений, а также за содержание материалов, не подлежащих открытой публикации.

К изданию принимаются материалы, подлежащие открытой публикации. Автор(ы) должны письменно выразить согласие на размещение материалов в открытом доступе (на сайте журнала, в системе РИНЦ и других базах данных), указывая «согласен(на) на размещение материалов в открытом доступе» в письме либо в конце текста статьи.

Приветствуются работы, в которых содержатся ссылки на материалы, опубликованные в «Вестнике Гуманитарного университета».

Публикации бесплатные. Авторский гонорар не выплачивается.

Статьи направляются на электронный адрес редакции ektbriogu@mail.ru **с указанием в теме письма «Вестник ГУ, область наук»**, например «Вестник ГУ, экономика». При успешном рецензировании редакция высылает автору ответ о приеме статьи в определенный номер журнала.

Редакция оставляет за собой право не публиковать статью или рекомендовать ее доработку с учетом замечаний. В случае отклонения статьи автору направляется аргументированный отказ в письменной форме. Материалы, переданные в редакцию, не возвращаются.

Периодичность издания – 4 номера в год.

Сроки представления материалов к публикации:
№ 1 – до 1 февраля
№ 2 – до 1 мая
№ 3 – до 1 августа
№ 4 – до 1 ноября

Адрес редакции: г. Екатеринбург, ул. Железнодорожников, д. 3, к. 207,
тел. (343) 365-99-73.

Приглашаем Вас опубликовать свои работы
в «Вестнике Гуманитарного университета»!

Туризм в культурной географии Уральского региона : монография / Л. А. Мясникова, С. А. Рамзина, О. Ю. Зотова [и др.] ; под общ. ред. д-ра филос. наук, проф. Л. А. Мясниковой. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2017. – 362 с.

ISBN 978-5-7741-0269-3

В монографии представлены две основные линии анализа: культурная география Урала как «методологическая сетка» и «питающая среда», в которой развивается региональный туризм; виды и направления туризма, наиболее характерные для региона и способные влиять на его культурно-географические образы.

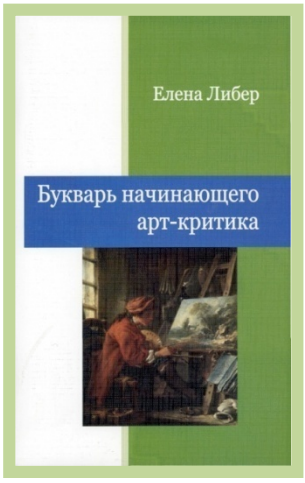
Рекомендуется специалистам – практикам и теоретикам туризма, гостеприимства, краеведам, регионоведам, культурологам, культурным антропологам.

Мясникова Л. А., Шайгарданова Н. Л.

Советский Эдем : монография. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2016. – 209 с.

ISBN 978-5-7741-0264-8

В монографии осуществляется анализ советского парка культуры и отдыха. Советский парк представлен как культурный феномен, являющийся вариацией городского публичного парка, как звено культурно-исторической трансформации садов и парков. Вместе с тем парк культуры и отдыха является воплощением советского идеологического проекта по формированию нового человека и нового общества. Для авторов парк – идеальное место человека, попытка вернуться в утерянный рай, но понятый по-советски. Изменение советской культуры, идеологии, общества соотносятся с пространственно-смысловыми изменениями парка. История парка предстает как зеркало истории страны. Монография будет интересна философам, культурологам, историкам, а также специалистам по социально-культурным практикам организации досуга, туризма, арт-проектирования и др.



Либер Е.

Букварь начинающего арт-критика : учебное пособие. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2015. – 214 с.

ISBN 978-5-7741-0231-0

Учебное пособие «Букварь начинающего арт-критика» охватывает основные формы профессиональной деятельности историка искусства и арт-критика: визуальное исследование, анализ, интерпретацию и оценку произведения искусства. Пособие учит понимать визуальные искусства, писать о них эссе, обзоры и исследовательские работы; знакомит с современными теориями искусства и методологией анализа произведений искусства. Пособие обращено к студентам высшим учебных заведений, изучающим визуальные искусства, а также к студентам-журналистам, специализирующимся в области культурной журналистики. Оно также содержит полезные рекомендации для преподавателей-инструкторов, в том числе рабочую программу практикума «Как писать об искусстве?»

Границы искусства и территории культуры : сб. науч. ст. / сост. и науч. ред. Л. А. Закс, Т. А. Круглова. – Екатеринбург : Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина : Гуманитарный университет, 2013. – 261 с.

ISBN 978-5-7741-0220-4

Авторы статей – философы и культурологи продолжают исследование специфики современной художественности, начатое в сборнике «Онтология искусства» 2005 года. В настоящем сборнике представлен итог работы серии теоретических семинаров, в центре которых традиционно центральная проблема философской эстетики – природа искусства – исследуется сквозь призму концепта «границы». Идея подобного подхода принадлежит известному российскому эстетику А. Ф. Еремееву. В книге обобщаются методологические поиски внутренних границ искусства: показана неисчерпаемость классической парадигмы философии искусства, а также предлагаются к обсуждению новые концепции на базе освоения опыта современной западной и отечественной философии искусства, осмысляется трансформация художественной онтологии под влиянием новых культурных феноменов постиндустриального общества: электронных медиа, компьютерных игр, рекламы. Сборник адресован исследователям искусства и культуры (эстетикам, искусствоведам, филологам), преподавателям и студентам, всем, кто интересуется искусством, его сложным «устройством» и существованием.

Мугинштейн М. Л.

Хроника мировой оперы. 1600–1850. Екатеринбург : У-Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного университета), 2005. – 640 с. : 947 ил.

ISBN 5-94799-423-2

Книга представляет первую в России систематизированную по хронологическому принципу 400-летнюю историю оперы: содержание 200 опер – большинство из них малоизвестны в России, – комментарий, сведения о постановках, аудио- и видеозаписях, насыщенная информация о композиторах и интерпретаторах, именные указатели. Прилагается компакт-диск с записями фрагментов важнейших сочинений.

«Хроника мировой оперы» не только летопись жанра в его значительных образцах, но и живая картина современного мирового театра, частью которого предстает Россия.

Предназначена для профессионалов и любителей оперы, а также для широкого круга читателей.

Мугинштейн М. Л.

Хроника мировой оперы. 1851–1900. Екатеринбург : Антеверта (при участии изд-ва Гуманитарного университета), 2012. – 616 с. : 688 ил.

ISBN 978-5-905148-06-4

Книга продолжает издание *авторской* энциклопедии, начатое в 2005 («Хроника мировой оперы. 1600–1850»). Она представляет первую в России систематизированную по хронологическому принципу 400-летнюю историю оперы: содержание, увлекательный комментарий, сведения о постановках, аудио- и видеозаписях, насыщенная информация о композиторах и интерпретаторах, именные указатели. «Хроника мировой оперы» не только летопись жанра в его значительных образцах, но и живая картина современного мирового театра, частью которого предстает Россия.

Предназначена для профессионалов и любителей оперы, а также для самого широкого круга читателей.

Пращерук Н. В.

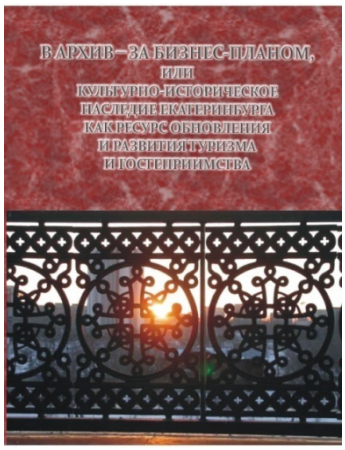
Диалоги с русской классикой: о прозе И. А. Бунина : монография. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2012. – 144 с.

ISBN 978-5-7741-0187-0

В монографии исследуется диалогический потенциал прозы И. А. Бунина (1870–1953). Опираясь на идеи философовкоммуникаторов XX века – М. Бубера, К. Ясперса, М. Бахтина, В. Библера и др., автор показывает, как в художественной практике писателя выстраивается диалогический способ общения с русской литературной классикой XIX века.

На материале произведений 1910–1940-х годов исследуются конкретные межтекстовые связи, механизмы взаимодействия художников, специфика и предмет диалога Бунина с предшественниками. Выявляется, как соединяются в творчестве писателя определенность авторского видения и желание услышать голос собеседника.

Книга адресована преподавателям, студентам, изучающим эстетику, культурологию, теорию и историю литературы, а также мировоззренческие и методологические основы гуманитарных наук.

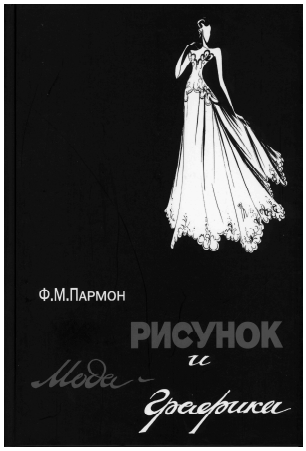


В архив – за бизнес-планом, или Культурно-историческое наследие Екатеринбурга как ресурс обновления и развития туризма и гостеприимства : колл. монография / Л. А. Мясникова, С. Ю. Каменский, С. А. Рамзина [и др.]; под общ. ред. проф., д-ра филос. наук Л. А. Мясниковой. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2011. – 368 с. : цв. фото.

ISBN 978-5-7741-0165-8

Одна из первых монографий, в которой исследуются возможности использования культурно-исторического наследия для развития туризма и гостеприимства Екатеринбурга.

Рекомендуется специалистам-практикам и теоретикам социально-культурного сервиса и туризма, краеведам, регионоведам, культурологам.



Пармон Ф. М.

Рисунок и мода-графика : учебник для вузов. – Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного университета, 2002. – 256 с. ил.

ISBN 5-901527-14-3

В книге излагается изобразительная грамота, рассматривается рисунок как наиболее быстрое и подвижное средство выражения творческой мысли художника. Большое внимание уделяется специальной художественной графике – мода-графике, составлению многопредметных художественно-графических композиций на основе предварительных зарисовок фигур человека в костюме или группы предметов/натюрморт/.

Основное внимание уделяется рисованию фигуры человека. Оригинальность издания заключается также в изложении изобразительной грамоты и мода-графики впервые с учетом направленности и специфики подготовки специалистов.

Для студентов вузов, а также колледжей, техникумов, училищ.

По вопросам приобретения книг обращайтесь
в редакционно-издательский отдел Гуманитарного университета.
E-mail: ektbriogu@mail.ru

МАГИСТРАТУРА

Гуманитарный университет объявляет прием на обучение
по программам магистратуры на 2018/19 учебный год
по следующим направлениям:

- Психология (37.04.01)
- Экономика (38.04.01)
- Юриспруденция (40.04.01)

Срок обучения в магистратуре
составляет 2 года по очной форме,
2,6 года по очно-заочной и заочной форме

Подготовка магистров в университете осуществляется:
- за счет ассигнований федерального бюджета;
- на платной основе.

Количество бюджетных мест:

- Психология (37.04.01)

Очная форма – 9 мест
Очно-заочная форма – 22 места
Заочная форма – 15 мест

- Экономика (38.04.01)

Очная форма – 9 мест
Очно-заочная форма – 9 мест
Заочная форма – 9 мест

- Юриспруденция (40.04.01)

Очная форма – 9 мест
Очно-заочная форма – 19 мест
Заочная форма – 23 места

Прием документов в магистратуру проводится в следующие сроки:

Бюджет:
- Все формы обучения – с 1 июня по 10 августа

Внебюджет:
- Очная форма – с 1 июня по 24 августа
- Очно-заочная форма – с 1 июня по 25 сентября
- Заочная форма – с 1 июня по 25 октября

Телефон приемной комиссии: (343) 369-10-11

АСПИРАНТУРА

В аспирантуру Гуманитарного университета на конкурсной основе принимаются граждане Российской Федерации, имеющие высшее профессиональное образование на уровне дипломированного специалиста или магистра по следующим направлениям:

- Психологические науки (37.06.01)
- Экономика (38.06.01)
- Юриспруденция (40.06.01)
- Философия, этика и религиоведение (47.06.01)
- Культурология (51.06.01)

Срок обучения в аспирантуре
составляет 3 года (очная форма),
по заочной форме – 4 года.

Подготовка аспирантов в университете осуществляется на платной основе.

Телефон приемной комиссии: (343) 369-10-11

Прием документов с 01.06.2018 г. по 14.09.2018 г.

Авторы статей несут ответственность за точность приведенных фактов, статистических данных, собственных имен и прочих сведений, а также за содержание материалов, не подлежащих открытой публикации.
Точки зрения авторов статей и редакции могут не совпадать.

Н а у ч н о е и з д а н и е

Вестник Гуманитарного университета
2018. № 3 (22)

Главный редактор Л. А. Закс

Редактор С. В. Фельдман
Переводчик Е. А. Батюта
Оригинал-макет В. В. Курьянович

Знак информационной продукции
(в соответствии с Федеральным
законом № 436-ФЗ от 29.12.2010)

16+

Подписано в печать 03.09.2018.
Формат 60x84/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Times. Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 9,30
Тираж 100 экз. Заказ №

Гуманитарный университет
620041, г. Екатеринбург,
ул. Железнодорожников, 3.
Лицензия № 2114 от 26.04.2016

Отпечатано с оригинал-макета
в копировальном центре
Гуманитарного университета
620041, г. Екатеринбург,
ул. Железнодорожников, 3